

ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО
ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУКIZVESTIYA
OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCESwww.ssc.smr.ruСоциальные, гуманитарные, медико-биологические науки
Social, humanitarian, medicobiological sciencesИздательство
Самарского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

**Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»**

Том 26 № 5(98), 2024

Основан в 2002 году в составе Известий СамНЦ РАН. Выходит 6 раз в год. ISSN 2413-9645 (print)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ № ФС77-64960 от 04.03.2016

Главный редактор: Э.А. Радаева. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Заместитель главного редактора: О.М. Буранок

Редакционная коллегия: А.Ю. Агафонов, Г.В. Акопов, А.С. Бакалов, Дж.Ф. Бейлин,

О.М. Буранок, Е.Я. Бурлина, А.Л. Бусыгина, В.П. Бездухов, Н.И. Воронина,

Й. Догнал, Д.А. Дятлов, В.И. Ионесов, Т.В. Каракова, Л.А. Колыванова, О.А. Кострова,

М.А. Кулинич, Э.А. Куруленко, В.Б. Малышев, А.А. Масленникова, И.Д. Немировская,

В.И. Немцев, О.К. Позднякова, И. Рёблинг, М.Б. Сабыр, И.Л. Сиротина, С.В. Соловьева,

О.Н. Солдатова, М.М. Халиков, В.Д. Шевченко

Электронная версия журнала: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Адрес издательства: Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. 443001 Самара, Студенческий переулок, 3а.

Тел.: 8 (846) 337-53-81, факс 8(846) 332-66-79. E-mail: presidium@ssc.smr.ru

Founder: Samara Federal Research Center of Russian Academy of Sciences

«IZVESTIYA SAMARSKOGO NAUCHNOGO TSENTRA ROSSIYSKOY AKADEMII NAUK.

Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki»

[IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.

Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences]

Volume 26, no 5(98), 2024

Published since 2002. Issued 6 times a year. ISSN 2413-9645 (print)

Founder: Samara Federal Research Scientific Center of Russian Academy of Sciences

The journal is registered with Roskomnadzor, certificate PI № FS77-64960, 04.03.2016

Editor-in-chief: E.A. Radaeva. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Deputy editor-in-chief: O.M. Buranok

Editorial board: A.Yu. Agafonov, G.V. Akopov, A.S. Bakalov, John Frederick Bailyn,

O.M. Buranok, E.Ya. Burlina, A.L. Busy`gina, V.P. Bezduxov, N.I. Voronina, J. Dohnal,

D.A. Dyatlov, V.I. Ionesov, T.V. Karakova, L.A. Kolyvanova, O.A. Kostrova, M.A. Kulinich,

E.A. Kurulenko, V.B. Malyshev, A.A. Maslennikova, I.D. Nemirovskaya, V.I. Nemtsev,

O.K. Pozdnyakova, Irmgard Roebeling, M.B. Sabyr, I.L. Sirotnina, S.V. Solovyova,

O.N. Soldatova, M.M. Khalikov, V.D. Shevchenko.

Electronic version of the journal: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Address of the Publishing House: Samara Federal Research Center of Russian Academy of Sciences.
443001 Samara, Studenchesky pereulok, 3a.

Ph.: 8 (846) 337-53-81, fax 8(846) 332-66-79. e-mail: presidium@ssc.smr.ru

СОДЕРЖАНИЕ	
«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»	
Том 26, номер 5 (98), 2024	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Современные аспекты подготовки специалистов по импортозамещению <i>Епифанцев К.В.</i>	3
О передаче речи персонажей с отклонениями от литературной нормы при переводе художественных произведений: практикум по иностранному языку <i>Журавлев А.П.</i>	8
Модель лаборатории раннего выявления одаренности <i>Калинина Л.Ю., Иванов Д.В., Никитин Н.А.</i>	14
Художественно-эстетическое воспитание детей средствами народного искусства: вопросы содержания и методов <i>Смоляр А.И., Зоголь С.Г.</i>	24
Компаративные исследования А.Н. Николюкина о русской литературе в обучении студента-филолога <i>Шевченко Е.С.</i>	33
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Использование интернет-парсинга при исследовании репрезентации личности и творчества Г.Р. Державина в поисковой системе Google <i>Бакиров Р.А., Нурутдинова А.Р.</i>	41
Поиск «иногo царства»: образ поэта в лирике В. Дударева и Е. Гусева <i>Дударева М.А., Аталян Г.Б.</i>	51
Основные особенности формирования эпиграмматического стиля в русской литературе <i>Недбайлик С.Р., Дмитриева Н.К.</i>	57
Об особенностях индивидуального метафорического стиля Ф.Р. Дюрренматта <i>Недбайлик С.Р., Яковлева Е.А.</i>	66
Мотивы индуизма в «Малабарской поэме» В. Рабиновича <i>Огорокова-Алькаева З.Ю.</i>	72
КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
Влияние процессов глобализации на трансформацию предсвадебных обрядов узбеков города Ош (Киргизия) <i>Ахмедова (Охунова) Г.А.</i>	82
Понимание книги в контексте представлений о медиа <i>Берсенин Н.А.</i>	87
Пишущие художники и рисующие писатели первой волны русской эмиграции <i>Звонарева Л.У., Звонарев О.В.</i>	93
Эйдос Третьего рейха в современном зарубежном кино жанра хоррор: проблема классификации <i>Радаева Э.А.</i>	106
МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Роль биологической среды полости рта в дифференциальной диагностике хронического пародонтита и дентального периимплантита <i>Тлустенко В.С., Тлустенко В.П., Кошелев В.А., Винник С.В.</i>	115

CONTENTS	
«IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences»	
Volume 26, number 5 (98), 2024	
PEDAGOGICAL SCIENCES	
Modern Aspects of Training Specialists in Import Substitution <i>Epifantsev K.V.</i>	3
On Reproduction of Characters' Speech Deviations from Literary Norm in Translation of a Literary Text: Foreign Language Practical Course <i>Zhuravlev A.P.</i>	8
Giftedness' Early Identification Laboratory Model <i>Kalinina L.Yu., Ivanov D.V., Nikitin N.A.</i>	14
Artistic and Aesthetic Education of Children by Means of Folk Art: Issues of Content and Methods <i>Smolyar A.I., Zogol S.G.</i>	24
Comparative Studies by A.N. Nikolyukin on Russian Literature in The Process of Educating a Philology Student <i>Shevchenko E.S.</i>	33
PHILOLOGICAL SCIENCES	
Use of Internet Parsing in The Study of Representation of Ersonality and Creativity of G.R. Derzhavin in Google Search Engine <i>Bakirov R.A., Nurutdinova A.R.</i>	41
Search for «Another Kingdom»: The Image of The Poet in The Lyrics of V. Dudarev and E. Gusev <i>Dudareva M.A., Atalyan G.B.</i>	51
The Main Features of The Formation of Epigrammatic Style in Russian Literature <i>Nedbaylik S.R., Dmitrieva N.K.</i>	57
On The Peculiarities of The Individual Metaphorical Style of F.R. Durrenmatt <i>Nedbaylik S.R., Yakovleva E.A.</i>	66
Hinduism Motives in The «Malabar Poem» by V. Rabinovich <i>Okorokova-Alkaeva Z.Yu.</i>	72
CULTURAL SCIENCES AND ART HISTORY	
The Influence of Globalization Processes on The Transformation of Pre-Wedding Rituals of Uzbeks in The City of Osh (KYRGYZSTAN) <i>Akhmedova (Okhunova) G.A.</i>	82
Understanding The Book in The Context of Media Representations <i>Bersenin N.A.</i>	87
The Artists-Writers and Writers-Painters of The Russian Emigration First Wave <i>Zvonareva L.U., Zvonarev O.V.</i>	93
Eidos of The Third Reich in Contemporary Foreign Horror Films: The Problem of Classification <i>Radaeva E.A.</i>	106
BIOMEDICAL SCIENCES	
Role of The Biological Environment of The Oral Cavity in Differential Diagnosis of Chronic Periodontitis and Dental Peri-Implantitis <i>Thlustenko V.S., Sadykov M.I., Thlustenko V.P., Koshelev V.A., Vinnik C.V.</i>	115

УДК 378.4 (Университеты)

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЮ

© 2024 К.В. Епифанцев

*Епифанцев Кирилл Валерьевич, кандидат технических наук, доцент
кафедры метрологического обеспечения инновационных технологий и
промышленной безопасности*

Email: epifancew@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 28.10.2024

В статье представлен процесс возможного сценария подготовки специалистов в области импортозамещения как отдельного направления обучения инженерных специальностей в данной актуальной сфере. Импортозамещение уже в силу текущих обстоятельств стало не прототипированием и копированием зарубежных технологий, а всеобъемлющим направлением, включающим в себя много аспектов - и юридический, и технический и экономический. Однако в настоящее время в ВУЗах по техническому профилю нет отдельных направлений по импортозамещению - имеются только отдельные факультативные курсы. Зависимость в России от импорта имеет критический характер: до недавнего времени около 90% станков для российской промышленности закупалось в других странах, отечественное тяжелое машиностроение на 60–80% зависимо от импорта, медицинская промышленность - на 70–80%, электронная промышленность - на 90%. Направление подготовки выпускников в сфере импортозамещения может быть актуально как форма базового высшего образования (аналог бакалавриата), так и в качестве специализированного высшего образования (аналог магистратуры). Импортозамещение - симбиоз нескольких направлений, это междисциплинарный синтез технических, юридических и экономических компетенций. При этом, как показало исследование, многие вузы используют методики подготовки в области импортозамещения, но значительно изменяют название этого термина в обозначении компетенций. Таким образом, введение профессии «импортозаместителя» или «инженера импортозамещения» является актуальной задачей в обозримом будущем.

Ключевые слова: импортозамещение, трансфер технологий, прототипирование, профессиональные компетенции
DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-3-7
EDN: LFZQWR

Введение. В современной образовательной методике наблюдается существенный рост импортозамещающих технологий, однако отдельно дисциплины "импортозамещение" до сих пор не существует, хотя нормативно-правовая база под данные компетенции давно уже существует, как, к примеру, ряд ФЗ и Постановлений правительства. Также достаточное количество методик по импортозамещению используются на многих предприятиях для прототипирования, однако все это происходит достаточно спонтанно, без предварительной образовательной базы, начиная с ВУЗа или техникума, где предварительно бы данный предмет изучался, по нему слушатели также прошли бы аттестационный экзамен и имели ряд наработанных проектов и способов проведения импортозамещения в разных областях, независимо от времени и геополитической или экономической ситуации.

Методы исследования. В процессе подготовки статьи исследовалась нормативная база по импортозамещению. 8 апреля 2022 г. Приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации утверждён План мероприятий по импортозамещению измерительного, в том числе метрологического, оборудования, разработанный Росстандартом совместно с Минпромторгом, также с 2021 года действует Приказ Минпромторга России от 02.08.2021 N 2918 (ред. от 07.07.2023) «Об утверждении Плана мероприятий по импортозамещению в отрасли радиоэлектронной промышленности Российской Федерации до 2024 года». Вышеперечисленные нормативные документы и современные требования времени подталкивают приборостроителей на создание современной отечественной измерительной техники. Также к подобным документам можно отнести ряд программ и стратегий по раз-

витию отечественной промышленности: «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г.», «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации», «Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г.». Данные документы подтверждают важность контроля качества изделий авиационной и космической отрасли.

История вопроса. Идея импортозамещения не нова и находит отражение во многих трудах руководителей государства. Так, Петр I вводит импортозамещенные шрифты, музеи, архитектурные шедевры. В начале XVIII в. вводится «Указ о качестве», существенно меняя представление о пригодности изделий к употреблению-строительные материалы маркируются, на корабли вводятся стандартные инструкции, оружие становится более унифицированным – появляются три наиболее передовых типа – пушки, гаубицы, мортиры, вместо полутора десятка оружейных экземпляров, при этом не ремонтпригодных, т. к. части одного не подходили к частям от другого и были не взаимозаменяемы. При этом импортозамещению обучается и сам Петр Алексеевич, тайно работая под видом купца Михайлова на одной из верфей из Голландии, после чего значительно меняются технологии производства флота в России. Импортозамещение в современной России стало активно развиваться после введения ряда санкций, начиная с 2014 г. В научной среде в области импортозамещения как вектора в создания обособленной специальности говорилось в небольшом количестве исследований, и речь шла об отмене бакалавриата и магистратуры, о возврате к традиционной форме специалитета, но на обособлении специальности импортозамещения акцента не делалось. Поэтому обоснование необходимости выделения новой специальности в сфере импортозамещения подчеркивает новизну настоящей работы.

Результаты исследования. Исследования импортозамещения как специальности проводились на предмет: а) наличия аналогичных программ в ВУЗах; б) возможности введения переключающихся профессий. Итак, из электронного ресурса «Поступи онлайн» [4] определены следующие направления подготовки: программа магистратуры в РГГУ (Москва) «Управление импортозамещением в туризме», университет

Дружбы Народов (РУДН) предлагают специальность «Системная инженерия машиностроительных производств», УрФУ им Б.Н. Ельцина с импортозамещением ассоциирует направление «Системный инжиниринг и цифровое проектирование» в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения (ГУАП) введена дисциплина для метрологов, будущих специалистов «Импортозамещение метрологического обеспечения измерительных систем и средств», в Красноярском педагогическом университете им В.П. Астафьева введено целое направление подготовки будущих педагогов «Технология и дополнительное образование (по направлению «робототехника, аддитивные и иммерсивные технологии»», ВолгГТУ ввел направление подготовки «Технологии цифрового проектирования и производства в машиностроении», Дальневосточный университет развивает программу «Аддитивное производство», в Севастопольском университете работает программа «Интеллектуальные робототехнические системы». Однако, как и указывалось выше, отдельного направления подготовки в области импортозамещения не было обнаружено [4].

По мнению автора статьи, ведущие компетенции специалиста по импортозамещению должны быть собраны в виде схемы (рис. 1).

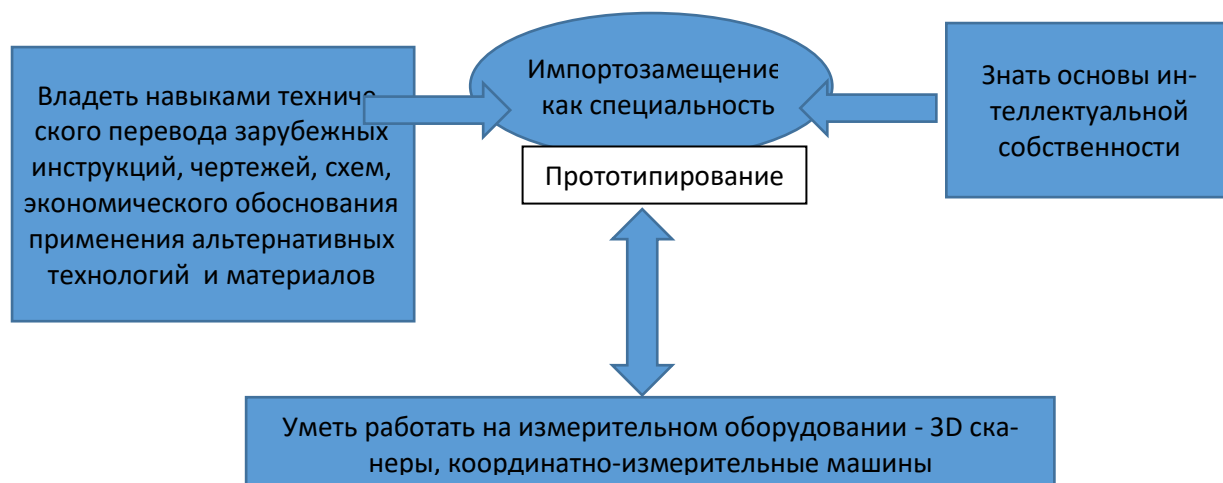
Программа по импортозамещению должна включать в себя ряд обязательных разделов, знание которых позволит применять навыки в деле реверсивного инжиниринга, прототипирования, импортозамещения или всего вместе взятого. В настоящее время три вышеуказанных направления существуют отдельно, у каждого свои модели, методики. Но суммарно метод импортозамещения должен поглотить вышеуказанные методики, объединив их под единым алгоритмом.

Импортозамещение – это не бездумное копирование образца или машины, а планомерно выстраиваемые способы повышения конкурентоспособности замещаемой продукции, умение адаптации этой продукции, возможно, рационального и оправданного удешевления, повышения надежности и безопасности. Копирование – не цель импортозамещения, и даже не задача – это лишь начальный шаг, общей длинной в несколько сотен шагов, при этом копия выступает как образец для подражания, конечный же продукт должен представлять собой улучшенное, более совершенное изделие, которое будет решать

проблемы текущего прототипа, а не только позволять производителям копированием и репликами зарабатывать на продаже подделки. В настоящее время в ряде вузов вводятся компе-

тенции по импортозамещению, есть специальность «Аддитивное производство», которая включает в себя навыки использования 3D принтеров и прочих устройств, однако общей концепции не существует.

Рис. 1. Особенности ключевых компетенций специальности по импортозамещению (Features of key competencies of the import substitution specialty)

В импортозамещении необходимо проработать 3 аспекта: юридический (знание нормативно-технической документации и патентного права), материаловедческий (создание материалов, из которых будет сделан прототип), метрологический аспект (использование приборов для обмера заготовки, измерения структуры, исследование физико-химических свойств), а также конструкторский – чтение зарубежных чертежей.

По мнению автора, в программу по подготовке инженеров в области импортозамещения должны входить следующие вопросы:

1. Формирование нормативно-технической базы по импортозамещению как основа компетентности инженеров метрологов в современных экономических и политических условиях

1.1 Обзор основных нормативно-технических документов в области импортозамещения

1.2 Контроль процессов импортозамещения в приборостроении через систему ЕСКД

1.3 Современные методы трансформации электронных моделей технических документов в условиях новых требований конструкторской документации

1.4 Формирование надкомпетенций и проектной деятельности обучающихся как ключевой элемент инженерных компетенций в области разработки новых типов техники

2. Развитие числа международных научных мероприятий как важный аспект импортозамещения

2.1 Алгоритм подготовки и проведения международных мероприятий

2.2 Организация «Skills camp»

2.3 Взаимодействие с международными партнерами и международные открытые кластеры

3. Приборы и методы контроля для создания прототипов

3.1 Виды и подтипы 3D сканеров

3.1.1 Калибровка и проведение измерений

3.2 Виды и подтипы видеоизмерительных машин, координатно-измерительных машин

3.1.1 Калибровка и проведение измерений на видеоизмерительных машинах

3.3 Принтеры для трехмерной печати прототипов деталей

3.4 Зависимость качества готовой продукции от режимов и метода печати образцов

4. Экономические расчеты в области подбора аналогов материалов

4.1 Заказ пробной партии и апробация

4.2 Аттестация продукции

4.3 Испытания образцов.

Ряд профессиональных компетенций по импортозамещению в одной из РПД образовательных учреждений выглядит следующим образом:

- ПК-5.3.1 знать современные и актуальные тенденции в области метрологического обеспечения производства;
- ПК-5.3.2 знать стандарты, нормативные документы по нормированию точности и метрологическому обеспечению, основные нормативные документы компетенции будущего "Цифровая метрология";
- ПК-5.3.3 знать нормативную документацию по контролю качества продукции; эксплуатации, ремонту, наладке, поверке, калибровке, юстировке и хранению цифровых средств измерений;
- ПК-5.3.4 знать конструктивные и метрологические характеристики цифровых средств измерений, в том числе специальных.

Несмотря на отсутствие отдельно выделенной специальности по импортозамещению в РФ, многими авторами были написаны фундаментальные стандарты по импортозамещению [6]. Также теоретические основы импортозамещения исследовались в следующих монографиях: В.В. Окрепилова «Социально-экономическое развитие регионов» [3], М.М. Гузева «Ресурсы развития импортозамещения в Волгоградской области» [2], в трудах Е.В. Скрипничук, Е.С. Решетниковой [5], А.Е. Володина, Е.С. Молчановой, Р.С. Рожкова [1].

Выводы. Для успешного решения задачи подготовки инженеров нового поколения в условиях импортозамещения должна быть реализована определенная программа, так как процесс развития компетенций импортозамещения представляет собой комплексный подход к работе с иностранными техническими документами, знание

зарубежных графических обозначений, технических требований, развития умений и навыков в области анализа отечественных стандартов в области импортозамещения. Также важным аспектом импортозамещения является необходимость умения использовать приборы для реверсивного инжиниринга – 3D-сканеры, видеоизмерительные машины и 3D-принтеры. Использование комплекса данных приборов позволяет с высокой точностью воссоздавать аналоги, позволяющие качественно заместить зарубежные детали и компоненты. Также немаловажным в текущей ситуации является умение работать с электронными моделями в таких САПР, как Компас, Inventor и др.

Итак, современные инженеры могут самостоятельно пройти курс профессиональной переподготовки в ряде учебных центров по импортозамещению, самостоятельно увеличить объем знаний в процессе изучения профессиональной литературы. Но важно отметить, что в современных условиях необходимо выделять новую направленность и направление подготовки, отвечающие за подготовку специалистов импортозамещения, возможно, с уклоном на искусственный интеллект, чтобы специальность была востребованной у абитуриентов.

При этом нельзя любому специалисту научиться импортозамещению, пройдя курсы повышения квалификации (как, например, чтобы стать агентом по продажам) – необходимо базовое техническое образование (желательно инженерное). Также нужно учесть, как подчеркивалось выше, что большое количество компетенций в этой области связано с метрологией, моделированием и материаловедением.

1. Володин, А. Е., Молчанова, Е. С., Рожков, Р. С. Импортозамещение в Российской Федерации в условиях санкций: тенденции, риски, региональный аспект // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 3. – №9 (139). – С. 188–194.
2. Гузев, М. М. Ресурсы развития импортозамещения в Волгоградской области // Гузев М.М., Василенко В.Н., Щербаков С.С., Нестеренко Ю.Ю., Мишура Н.А., Плаксунова Т.А., Ремизова В.С., Федоричева А.С., Чуркина В.О. Волгоград, 2017 / Отв. ред. М.М. Гузев. – Волгоград: Волгоградское научное издательство. – 2017. – 136 с.
3. Окрепилов, В. В. Социально-экономическое развитие регионов. Глава 8.5: Стандартизация в эпоху реверсивного инжиниринга: концепция уменьшения экономических затрат в приборостроении // В. В. Окрепилов, Ю. А. Антохина, Е. А. Фролова, К. В. Епифанцев / под ред. акад. РАН В. В. Окрепилова; Ин-т проблем региональной экономики РАН. М.: Наука. – 2024. – С. 456–470.
4. «Поступи онлайн» [Электронный ресурс]. – URL: <https://postupi.online/professiya/specialist-po-additivnyim-tehnologiyam/vuzi/?ysclid=m2rzwzc5vk208928025> (дата обращения: 27.10.2024).
5. Скрипничук, Е. В., Решетникова, Е. С. Реверсивный инжиниринг // Технологии металлургии, машиностроения и материалов обработки. – 2021. – № 20. – С. 238–245.

6. Стандарт организации «Услуги в области обратного проектирования (реверс-инжиниринга). Требования и порядок оказания». (г.Санкт-Петербург): Изд-во ИНТИ М.230.1-2023. – 2023. – 74 с.

MODERN ASPECTS OF TRAINING SPECIALISTS IN IMPORT SUBSTITUTION

© 2024 K.V. Epifantsev

*Kirill V. Epifantsev, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
of the Department of Metrological Support of Innovative Technologies
and Industrial Safety*

Email: epifancew@gmail.com

*St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
St. Petersburg, Russia*

The article presents the process of a possible scenario for the training of specialists in the field of import substitution as a separate field of study for engineering specialties in this relevant field. Import substitution, due to current circumstances, has become not just prototyping and copying foreign technologies, but a more comprehensive direction, including many aspects - both legal, technical and economic. However, currently there are no separate import substitution courses in technical schools - there are only separate elective courses. Russia's dependence on imports is critical: until recently, about 90% of machine tools for the Russian industry were purchased in other countries, domestic heavy machinery is 60-80% dependent on imports, the medical industry is 70-80%, and the electronic industry is 90%.

The direction of graduate training in the field of import substitution may be relevant as a form of basic higher education (equivalent to a bachelor's degree) and specialized higher education (equivalent to a master's degree). Import substitution is a symbiosis of several directions, it is an interdisciplinary symbiosis of technical, legal and economic competencies. At the same time, as the study showed, many universities use training methods in the field of import substitution, but significantly change the name of this term with long names of competencies.

Keywords: import substitution, technology transfer, prototyping, professional competencies

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-3-7

EDN: LFZQWR

1. Volodin, A. E., Molchanova, E. S., Rozhkov, R. S. Importozameshchenie v Rossijskoj Federacii v usloviyah sankcij: tendencii, riski, regional'nyj aspekt (Import substitution in the Russian Federation under sanctions: trends, risks, regional aspect) // *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. – 2023. – Т. 3, № 9 (139). – С. 188–194.
2. Guzev, M. M. Resursy razvitiya importozameshcheniya v Volgogradskoj oblasti (Resources for the development of import substitution in the Volgograd region) // Guzev M.M., Vasilenko V.N., SHCHerba-kov S.S., Nesterenko YU.YU., Mishura N.A., Plaksunova T.A., Remizova V.S., Fedoricheva A.S., CHurkina V.O. *Volgo-grad*, 2017 / Otv. red. M.M. Guzev. – Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo. – 2017. – 136 s.
3. Okrepilov, V. V. Social'no-ekonomicheskoe razvitie regionov. Glava 8.5: Standartizaciya v epohu reversivnogo inzhiniringa: koncepciya umen'sheniya ekonomicheskikh zatrat v priborostroenii (Socio-economic development of regions. Chapter 8.5: Standardization in the era of reverse engineering: the concept of reducing economic costs in instrument making) // V. V. Okrepilov, YU. A. Antohina, E. A. Frolova, K. V. Epifancev / pod red. akad. RAN V. V. Okrepilova; In-t problem regional'noj ekonomiki RAN. M.: Nauka. – 2024. – С. 456–470.
4. «Postupi onlajn» (Submit online) [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://postupi.online/professiya/specialist-po-additivnym-tehnologiyam/vuzi/?ysclid=m2rzwzc5vk208928025> (data obrashcheniya: 27.10.2024).
5. Skripnichuk, E. V., Reshetnikova, E. S. Reversivnyj inzhiniring (Reverse engineering) // *Tekhnologii metallurgii, mashinostroeniya i materialoobrabotki*. – 2021. – № 20. – С. 238–245.
6. Standart organizacii «Uslugi v oblasti obratnogo proektirovaniya (revers-inzhiniringa). Trebovaniya i poryadok okazaniya» (g. Sankt-Peterburg) (Standard of the organization "Services in the field of reverse engineering (reverse engineering). Requirements and procedure for provision." (St. Petersburg): Izd-vo INTI M.230.1-2023. – 2023. – 74 s.

УДК 372.881.111.1 (Обучение языкам (английскому))

О ПЕРЕДАЧЕ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ С ОТКЛОНЕНИЯМИ ОТ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ПРАКТИКУМ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© 2024 А.П. Журавлев

Журавлев Александр Павлович, старший преподаватель кафедры иностранных языков

E-mail: palych32@rambler.ru

Самарский государственный технический университет

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 11.10.2024

В данной статье рассматривается проблема передачи прямой речи персонажей, содержащей ярко выраженные отклонения от литературной нормы при переводе художественных произведений с английского языка на русский. Исследование проводится на материале нескольких художественных произведений, как классических, так и современных. В ходе исследования поднимаются два важных вопроса, касающиеся способов и, что самое главное, целесообразности передачи такого рода речи в переводе. В статье обсуждается важность речи персонажей, особенно с отклонениями от литературной нормы, для формирования их образа в рамках художественного мира произведения. Также рассматривается роль художественных приемов в создании задуманного автором эмоционального воздействия на читателя. Автор приходит к выводу о важности передачи особенностей речи персонажей в тексте перевода. Вместе с тем в работе признается невозможность создания некоего универсального приема перевода, позволившего бы решать указанную задачу быстро и со стабильно высокой эффективностью. Вследствие этого отмечается необходимость индивидуального подхода в каждом конкретном случае, когда нужно передать чью-либо речь с отклонениями от литературной нормы. Соответственно, освоению такого подхода необходимо уделять должное время при подготовке будущих переводчиков.

Ключевые слова: речевые особенности, отклонения, литературная норма, художественное произведение

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-8-13

EDN: OBNUFM

Введение. Речь персонажа художественного произведения – это неотъемлемая часть его образа и задач, которые ставит перед собой автор. Это непременно должно учитываться преподавателем при обучении студентов навыкам перевода. Придавая речи своих героев те или иные особенности, писатель в известном смысле «оживляет» их, как бы предоставляя персонажам самостоятельно рассказывать о себе. Как правило, через особенности речи читатель получает важную информацию о персонаже – его возрасте, происхождении, социальном положении, образовании и воспитании. Приняв во внимание все вышесказанное, мы приходим к выводу: для того, чтобы перевод художественного произведения соответствовал определенным критериям качества, переводчику необходимо передать не только содержание речи персонажей, но и присущие этим персонажам речевые особенности. На занятиях по практике перевода преподаватель должен обратить внимание обучаемых на два

главных вопроса: 1) каким образом это сделать? и 2) нужно ли это делать вообще?

В данной статье мы проанализируем ряд фрагментов из произведений зарубежных авторов на предмет того, насколько качественно переводчики справились с задачей передачи речи с отклонениями от литературной нормы.

Задачами данного исследования являются следующие:

1. проанализировать причины возникновения проблем при передаче речи с отклонениями от литературной нормы;
2. сравнить речь персонажей в оригинальном тексте и тексте перевода и проанализировать степень адекватности передачи ее особенностей;
3. рассмотреть вопрос о принципиальной необходимости передачи речи с отклонениями от литературной нормы при переводе художественных произведений.

Практическая ценность данного исследования обусловлена тем, что полученные в нем результаты и выводы могут представлять интерес в плане методологии преподавания иностранного языка и прикладного переводоведения.

Материалом исследования являются романы “Mirror Dance” [13], “Do androids dream of electric sheep?” [14], “Moby Dick” [15] и “The Adventures of Huckleberry Finn” [16], а также их перевод на русский язык [1, 3, 7, 10].

В исследовании применялись следующие *методы*: сопоставительный анализ текстов, демонстрация визуальных материалов, комментированное чтение.

История вопроса. О важности передачи особенностей речи персонажа художественного произведения упоминают многие исследователи: «Перевод речи героев фильма – важный аспект киноперевода, поскольку речь раскрывает историю и характер персонажа, помогает передать замысел режиссера. Следовательно, сохранение речевых характеристик персонажей при аудиовизуальном переводе является одним из самых важных условий его успешности» [4, с. 249].

Вышесказанное относится к любому художественному произведению, не обязательно только к кино: «В литературном произведении речевая характеристика персонажа или его речевой портрет – одно из самых важных средств художественного изображения героя, представляющих собой подбор особых для каждого действующего лица слов и выражений» [11, с. 986].

Исследователи отмечают, что «конструкции с чужой речью позволяют более полно передать различную информацию от автора читателю» [12, с. 273]. Более того, «индивидуальные речевые особенности героев художественных произведений <...> позволяют автору литературного произведения сделать образ своего героя запоминающимся» [Кораблева, с. 92].

Е.Н. Моззегорова отмечает: «Основной проблемой теории перевода на современном этапе развития лингвистической науки является проблема передачи коммуникативного эффекта оригинала. В рамках этой проблемы особый интерес представляет вопрос перевода стилистически окрашенных лексических единиц» [8, с. 30]. Трудность перевода стилистических приемов является, очевидно, одной из причин того, что полноценная передача речевых особенностей персонажей в переводе представляет собой довольно сложную задачу: «Одну из множества трудностей и проблем, с которыми сталкивается переводчик, составляет передача прямой речи» [9, с. 120]. Ту

же мысль высказывает А.С. Канунникова: «Образ персонажа художественного произведения представляет собой систему, которая включает в себя множество компонентов. В их состав входит и речевая характеристика, поэтому точная передача речевого поведения героя представляет проблему для перевода» [5, с. 331].

Представляется, что обозначенная выше проблема возникает в силу двух основных причин. Во-первых, при переводе речи с отклонениями от литературной нормы необходимо (хотя бы в теории) передать не только содержание высказывания, но и, по возможности, его форму: «Большое воздействие оказывает на эмоции читателя и на его восприятие текста передача предложений с чужой речью, способных передать и содержание, и форму чужой речи, а также отношение говорящего» [12, с. 273]. Очевидно, что одновременное выполнение обоих этих условий чрезвычайно затруднительно и во многом зависит от конкретного случая.

Во-вторых, универсального способа передачи именно формы высказывания с отклонениями от нормы не существует и не может существовать: «Невозможно создать универсальный перечень приемов перевода, ведь необходимость и правильность их использования носит субъективный характер» [2, с. 213].

Соответственно, для решения задачи по передаче не только содержания речи с отклонениями от литературной нормы, но и ее формы переводчик не должен действовать формально, опираясь только лишь на стандартный набор лексико-грамматических трансформаций. Наоборот, он должен проявлять гибкость и творческий подход, находя уникальное решение для каждого конкретного случая. Излишне говорить, что все это лишь усложняет процесс работы.

Н.Ю. Кораблева упоминает, что речевые отклонения от литературной нормы делятся на коллективные и групповые [6, с. 92]. При этом к коллективным относятся, например, просторечие и диалекты, а к индивидуальным – ломаная речь и разного рода ошибки [там же]. В нашей работе мы уделим внимание обоим этим разновидностям, поскольку в рассмотренных ниже примерах отклонения от литературной нормы представлены, как правило, сочетанием коллективных и индивидуальных.

Результаты исследования. Рассмотрим некоторые примеры прямой речи персонажей, содержащие ярко выраженные отклонения от литературной нормы; проанализируем также, как переводчики справились с ее передачей. Начнем с

классического произведения Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна». Речь одного из основных персонажей этой книги – негра Джима – имеет весьма характерное звучание:

“Doan’ hurt me – don’t! I hain’t ever done no harm to a ghos’. I alwuz liked dead people, en done all I could for ‘em. You go en git in de river agin, whah you b’longs, en doan’ do nuffn to Ole Jim, ‘at ‘uz awluz yo’ fren”.

В оригинале автор намеренно отразил в речи этого персонажа весь спектр особенностей произношения, характерных для американских чернокожих рабов того времени – как на фонетическом уровне, так и в плане грамматики и т.д. Передавая в речи Джима как характерный диалект южных штатов, так и индивидуальные особенности в виде искаженного произношения, Марк Твен привнес в свое произведение определенный колорит той эпохи. В переводе однако ничего из этого не передано – речь Джима звучит так же, как речь любого другого персонажа:

- Не тронь меня, не тронь! Я никогда мертвецов не обижал. Я их всегда любил, все что мог для них делал. Ступай обратно в реку, откуда пришел, оставь в покое старика Джима, он с тобой всегда дружил.

В тексте другого классического произведения мировой литературы – романе «Моби Дик» Германа Мелвилла – также содержится множество образцов речи персонажей с отклонениями от литературной нормы. Наиболее характерной в этом отношении является речь китобоя-дикаря по имени Квикег:

“Who-e debel you? You no speak-e, dam-me, I kill-e”.

- Какая черт твоя? Твоя говорить, а то я убивать, черт не знай.

В данном случае переводчик проявил фантазию и старание, достаточно адекватно передавая необычное звучание речи данного персонажа.

В романе Филипа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» речь одного из эпизодических персонажей «окрашена» неким акцентом, который, видимо, должен был звучать как немецкий:

“Ent me, too, dahiink! Tek me wit you! I go alonk en ven dey trow a rock et us I protek you!”.

- Йа пойту флетом и прикройу тенфя шфойим телом, кохфта онеи шфыгнут ф тенфя кхамейн!

Как и в случае с речью негра Джима, перевод речи данного персонажа столь же неудобочитаемый, как и оригинал. Кроме того, акцент не очень похож на немецкий. Скорее всего, ни автор оригинального произведения, ни переводчик не

слышали, как действительно звучит английская речь с таким акцентом.

Завершим нашу подборку фрагментом из романа Лоис Макмастер Буджолд «Танец отражений». По сюжету главный герой страдает от последствий тяжелой травмы. После долгого пребывания в бессознательном состоянии язык у него немного заплетается:

“Ah. Well. Think I wuzza boy. Ridin’ onna horse. Old man on ‘nother horse. Uppa hill. ‘S chilly. Horses ... puffin’ lak I ‘m”.

- А. Да. Будто я маленький. Еду рхом. Старик тоже. Ферх на гору. Хлодно. Лошади... пхтят, как я.

В данном случае произношение персонажа намеренно искажено, но не настолько сильно, как в предыдущих примерах. Переводчик, в свою очередь, хорошо справился со своей задачей, передавая затрудненную, но все же достаточно разборчивую речь.

Выводы. Рассмотрев примеры перевода речи с отклонениями от литературной нормы, мы нашли ответ на первый из вопросов, заявленных в начале статьи: каким образом это можно сделать, передавая как содержание такой речи, так и ее форму. Более важный вопрос – нужно ли это делать вообще?

Из представленных выше примеров видно, что у каждого переводчика имелось свое мнение на этот счет. Например, в оригинальном тексте Марка Твена не только Джим, но и многие другие персонажи имеют свой характерный «говор», но в переводе все они говорят одинаково правильно, т.е. ни одна из разнообразных особенностей их речи не передана. О причинах такого подхода можно только догадываться. Сложно допустить, что профессиональный переводчик не уловил просторечных элементов в том, как говорит Гек, и, тем более, не заметил крайне характерной манеры речи Джима. Возможно, переводчик руководствовался тем соображением, что в нашей стране никто не слышал речи американских чернокожих рабов, и что при передаче формы этой речи она станет попросту неудобочитаемой; вместо того, чтобы создавать задуманный автором эффект, такая речь будет вызывать у читателя только раздражение.

В переводе романа Германа Мелвилла виден иной, выборочный подход переводчика к вопросу передачи речи с отклонениями от литературной нормы. В оригинале отклонения такого рода присутствуют не только в речи Квикега, однако в

переводе эти особенности переданы только в речи дикаря-гарпунера. Очевидно, переводчик поступил так для передачи колорита, который в речи именно этого персонажа выражен наиболее ярко.

К тому же у Квикега, в отличие от Джима из предыдущего произведения, очень мало реплик – как и у эпизодического персонажа из упомянутого выше романа Филипа Дика. В таких немногочисленных случаях можно передать не только содержание, но и форму ломаной речи, не прибегая к какой-либо компенсации для облегчения чтения.

Что же касается примера из романа Л.М. Буджолд, то в этом случае переводчик, очевидно, понимал, что сохранение формы реплик главного героя в переводе имело ключевое значение, поскольку дело было не только в индивидуальных особенностях речи этого персонажа, но и в

обстоятельствах, из-за которых эти особенности у него появились.

Так нужно ли передавать речь с отклонениями от литературной нормы при переводе художественного произведения? На этот вопрос сложно ответить однозначно, поскольку все зависит от конкретной ситуации. Если читатель (в силу принадлежности к иной культуре, эпохе и т.д.) не поймет, что автор хотел показать посредством тех или иных особенностей речи персонажей, то в чем тогда смысл их передачи при переводе? В конечном итоге вполне может оказаться, что задача переводчика не будет выполнена на все сто процентов, и его усилия по передаче такой речи либо пропадут втуне, либо затруднят восприятие перевода. В этой связи подход к передаче речи с отклонениями от литературной нормы должен быть индивидуальным, с учетом основной цели любого перевода – передачи информации и оказании нужного эмоционального воздействия.

1. Буджолд, Л. Танец отражений [Электронный ресурс]. – URL: <https://online-knigi.org/books/fantastika-i-fen-tezi/nauchnaya-fantastika/page-79-52617-tanec-otrazhenii-pamyat.html> (дата обращения: 05.11.2024).
2. Герасименко, И. В., Харахорина, А. А. Особенности перевода английского просторечия на русский язык (на примере романа С. Гиббонс «Неуютная ферма») // Успехи гуманитарных наук. – 2019. – № 7. – С. 213-217.
3. Дик, Ф. Мечтают ли андроиды об электроовцах? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.incunabula.ru/blogs/library/ebook/philip_dik_android_yelektroovci.pdf (дата обращения: 07.11.2024).
4. Жучкова, Е. В., Павлова, С. Д., Шагеева, А. А. Особенности речи киноперсонажей с отклонениями психического характера: переводческий аспект // Казанская наука. – 2024. – № 7. – С. 249-252.
5. Канунникова, А. С. Передача речи персонажа-ребенка как проблема при переводе // Филологические чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – 2022. – С. 331-336.
6. Кораблева, Н. Ю. Соблюдение особенностей идиолекта литературных персонажей-инофонов // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: лингвистика и педагогика. – 2020. – № 3. – С. 91-97.
7. Мелвилл, Г. Моби Дик [Электронный ресурс]. – URL: <https://читать-онлайн.рф/мелвилл-моби-дик/> (дата обращения: 06.11.2024).
8. Мозжегорова, Е. Н., Громова, Е. Н., Исхакова, З. А. Особенности перевода субстандартной лексики в англоязычном молодежном сериале на русский язык // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2023. – № 3 (120). – С. 28-34.
9. Полякова, П. А. Особенности передачи речи персонажей при переводе художественного текста // Язык: категории, функции, речевое действие. Материалы XIV международной научной конференции. – 2021. – С. 118-121.
10. Твен, М. Приключения Гекльберри Финна [Электронный ресурс]. – URL: <https://онлайн-читать.рф/марк-твен-приключения-гекльберри-финна/1> (дата обращения: 08.11.2024).
11. Шутова, Н. М., Мухаметзянова, А. Ф. Передача речевых характеристик персонажей при переводе аудиовизуального текста (на материале американской кинокомедии Clueless / Бестолковые) // Вестник Удмуртского университета. – 2018. – № 6. – С. 986-993.
12. Щербакова, И. В. Особенности передачи чужой речи при переводе с английского на русский язык // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 6 (62). – С. 272-276.
13. Bujold, L. Mirror dance [Электронный ресурс]. – URL: https://bookscafe.net/read/bujold_lois-mirror_dance-261619.html#p1 (дата обращения: 05.11.2024).
14. Dick, Ph. Do androids dream of electric sheep? [Электронный ресурс]. – URL: <https://fb2.top/do-androids-dream-of-electric-sheep-100509/read/part-1> (дата обращения: 07.11.2024).
15. Melville, H. Moby Dick [Электронный ресурс]. – URL: <https://eng360.ru/moby-dick#link2HCH0039> (дата обращения: 06.11.2024).
16. Twain, M. The Adventures of Huckleberry Finn [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litres.ru/book/mark-twain/the-adventures-of-huckleberry-finn-priklucheniya-geklberri-finn-37765599/chitat-onlayn/?page=1> (дата обращения: 08.11.2024).

ON REPRODUCTION OF CHARACTERS' SPEECH DEVIATIONS FROM LITERARY NORM IN TRANSLATION OF A LITERARY TEXT: FOREIGN LANGUAGE PRACTICAL COURSE

© 2024 A.P. Zhuravlev

Alexander P. Zhuravlev, Senior Lecturer of The Department of Foreign Languages

E-mail: palych32@rambler.ru

Samara State Technical University

Samara, Russia

The paper analyzes the issue of reproduction of characters' direct speech with pronounced deviations from the literary norm during the translation of a literary work from English into Russian. The research is performed on the material of several novels, both classic and modern. Two major questions are raised, with the first one considering the ways of reproduction of such speech in translation and the second one questioning the very necessity of such reproduction. The article discusses the importance of characters' speech in terms of the ways it forms these characters' image. Another aspect considered in the article is the role which the characters' speech plays in causing a certain effect on a reader. All this leads to the conclusion that reproduction of the characters' speech in the translation is very important. At the same time, it's obvious that it is impossible to develop some general way which would allow a translator to reproduce deviated speech quickly and efficiently every time. For that matter, each case of reproduction of deviated speech requires an individual approach. Consequently, learning and mastering such approach should be an essential part of the training of future translators.

Key words: speech peculiarities, deviations, literary norm, belles-lettres

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-8-13

EDN: OBNUFM

1. Budzhold, L. Tanecz otazhenij (Mirror dance) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://online-knigi.org/books/fantastika-i-fentezi/nauchnaya-fantastika/page-79-52617-tanec-otrazhenii-pamyat.html> (date of access: 08.11.2024: 05.11.2024).
2. Gerasimenko, I. V., Xaraxorina, A. A. Osobennosti perevoda anglijskogo prostorechiya na russkij yazyk (na primere romana S. Gibbons «Neuyutnaya ferma») (The peculiarities of translation of English low colloquialisms into the Russian language (based on the novel written by S. Gibbons "Cold comfort farm") // Uspexi gumanitarnykh nauk. – 2019. – P. 213-217.
3. Dik, F. Mechtayut li androidy ob e'lektroovczax? (Do androids dream of electric sheep?) [Elektronnyy resurs]. – URL: http://www.incunabula.ru/blogs/library/ebook/philip_dik_android_yelektroovci.pdf (date of access: 08.11.2024: 07.11.2024).
4. Zhuchkova, E. V., Pavlova, S. D., Shageeva, A. A. Osobennosti rechi kinopersonazhej s otkloneniyami psicheskogo xaraktera: perevodcheskij aspekt (Peculiarities in the speech of mentally deviated movie characters) // Kazanskaya nauka. – 2024. – P. 249-252.
5. Kanunnikova, A. S. Peredacha rechi personazha-rebenka kak problema pri perevode (Reproduction of a child character speech as a translation problem) // Filologicheskie chteniya. – 2022. – P. 331-336.
6. Korableva, N. Yu. Soblyudenie osobennostej idiolekt literaturnykh personazhej-inofonov (Preservation of idiolect of literary characters-foreigners in translation). – Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – P. 91-97.
7. Melvill, G. Moby Dik (Moby Dick) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://читать-онлайн.рф/мелвилл-моби-дик/> (date of access: 08.11.2024: 06.11.2024).
8. Mozhhegorova, E. N., Gromova, E. N., Isakova, Z. A. Osobennosti perevoda substandartnoj leksiki v angloyazychnom molodezhnom seriale na russkij yazyk (Peculiarities of translation of substandard vocabulary in English youth series into Russian) // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2023. – P. 28-34.
9. Polyakova, P. A. Osobennosti peredachi rechi personazhej pri perevode xudozhestvennogo teksta (Peculiarities of reproduction of a character speech when translating a literary text) // Yazyk: kategorii, funkci, rechevoe dejstvie. – 2021. – P. 118-121.
10. Tven, M. Priklucheniya Gekl'berri Finna (The adventures of Huckleberry Finn) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://онлайн-читать.рф/марк-твен-приключения-гекльберри-финна/1> (date of access: 08.11.2024: 08.11.2024).
11. Shutova, N. M., Muxametzyanova, A. F. Peredacha rechevykh xarakteristik personazhej pri perevode audiovizual'nogo teksta (na materiale amerikanskoy kinokomedii Clueless / Bestolkovy'e) (Reproduction of characters' speech peculiarities in audiovisual translation (based on the American comedy Clueless) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. – 2018. – P. 986-993.

12. Shherbakova, I. V. Osobennosti peredachi chuzhoj rechi pri perevode s anglijskogo na russkij yazyk (Features of transfer of someone else's speech when transfer from English into Russian) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2014. – P. 272-276.
13. Bujold, L. Mirror dance [Elektronnyy resurs]. – URL: https://bookscafe.net/read/bujold_lois-mirror_dance-261619.html#p1 (date of access: 05.11.2024).
14. Dick, Ph. Do androids dream of electric sheep? [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://fb2.top/do-androids-dream-of-electric-sheep-100509/read/part-1> (date of access: 07.11.2024).
15. Melville, H. Moby Dick [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://eng360.ru/moby-dick#link2HCH0039> (date of access: 06.11.2024).
16. Twain, M. The Adventures of Huckleberry Finn [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://www.litres.ru/book/mark-twain/the-adventures-of-huckleberry-finn-priklucheniya-geklberri-finn-37765599/chitat-onlayn/?page=1> (date of access: 08.11.2024).

УДК 378.4 (Университеты)

МОДЕЛЬ ЛАБОРАТОРИИ РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ ОДАРЕННОСТИ

© 2024 Л.Ю. Калинина, Д.В. Иванов, Н.А. Никитин

*Калинина Лариса Юрьевна, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник
отдела научных исследований и грантов, доцент кафедры дошкольного образования*

E-mail: klar1992@gmail.com

*Иванов Дмитрий Викторович, кандидат психологических наук, начальник отдела научных
исследований и грантов, доцент кафедры педагогики и психологии*

E-mail: avatory@yandex.ru

*Никитин Николай Александрович, заместитель начальника
отдела научных исследований и грантов*

E-mail: nikolai_nikitin@inbox.ru

**Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия**

Статья поступила в редакцию 17.10.2024

Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания Министерства
просвещения Российской Федерации №073-00029-24-04 от 23.08.2024

Лаборатория раннего выявления одаренности охарактеризована на основе современных концепций «экспериментально-психологическая лаборатория», «"живая" игровая лаборатория», «педагогическая лаборатория». Представлен функционал лаборатории по продуцированию научного знания о феномене «одаренность» в русле междисциплинарного подхода, с акцентом на изучении дуовекторной одаренности детей 6-7 лет. Для решения основной научной задачи лаборатории – формирования современной концепции одаренности на основе междисциплинарного знания – предлагается использовать систематизирующую роль педагогического знания, с формированием новых смысловых структур на его границах с психологическим, философским, естественнонаучным знанием. Представлены авторский диагностический и формирующий инструментарий; база исследования лаборатории. В отличие от других близких по направленности проектов, модель лаборатории оснащена инструментарием педагогической диагностики с художественным компонентом для выявления таких форм дуовекторной одаренности, как музыкально-математическая, музыкально-лингвистическая, одаренность в области изобразительного искусства и спорта. Результаты исследования в рамках статьи подтверждены согласованностью эмпирических выводов с теоретическим представлением о лаборатории, обеспечивающей благоприятные условия для изучения изменений одаренности под воздействием педагогической диагностики (тестов), а также продуктивностью модели лаборатории в Самарском государственном социально-педагогическом университете на протяжении ряда лет, включая дистанционное тестирование с участием детей из разных регионов. Показаны способы получения нового знания посредством дисперсионного анализа лабораторных данных, непараметрического критерия Вилкоксона. Исследование в рамках статьи обладает практической значимостью, поскольку модель лаборатории – гибкая, пригодна к масштабированию, работе в онлайн- и офлайн-режимах, воспроизведению педагогическими вузами в регионах и странах с целью улучшения прогностических возможностей педагогической диагностики на основе спродуцированного нового фундаментального знания о мало изученных формах одаренности.

Ключевые слова: взаимосвязь видов одаренности, педагогическая лаборатория, диагностика одаренности, моделирование творческого процесса, педагогическая диагностика

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-14-23

EDN: LMLXTZ

Введение. Несмотря на высокую значимость выявления и раскрытия одаренности каждого ребенка в прогнозировании контингента одаренных, высокопродуктивных профес-

сионалов, еще не преодолен методологический кризис, препятствующий обновлению научного знания об одаренности, средствах ее выявления, изучения и сопровождения. Преодолеть кризис

позволяет междисциплинарный подход, в русле которого исследования могут проводиться на границах наук, с заимствованием эвристических методов у авторов художественных произведений [3].

История вопроса. До сих пор реализация междисциплинарного подхода к изучению одаренности не приобрела общепринятых форм. С нашей точки зрения, наилучшим образом его возможности могут быть раскрыты в лаборатории, создающей «сплавы» научного знания и непосредственно вслед за этим апробирующей новые идеи в диагностическом инструментарии для раннего выявления одаренности.

Прежде всего речь идет о педагогической диагностике, которая не только констатирует факты «одаренного поведения», но и измеряет скорость усвоения знаний ребенком, их трансформации в умения и навыки; позволяет одновременно выявлять одаренность двух видов (двувекторную), т. е. экономить время, затраченное на диагностические процедуры и подбор методов работы с одаренностью. Научно обоснованная и апробированная педагогическая диагностика – условие верного прогнозирования в подготовке высокопродуктивных профессионалов.

Цель данного исследования: представить модель педагогической лаборатории раннего выявления одаренности.

Методы исследования. Понятие «лаборатория» в рамках статьи уточнено на основе концепций А.Р. Лурия [4]; М. Флир, Г. Фрагкиадаки, П. Рай [10]; Т.М. Васильевой и Ж.В. Тома [1].

А.Р. Лурия изучал проблему выдающихся способностей в экспериментально-психологической лаборатории комплексно. Так, исключительная память рассматривалась в контексте ее влияния на мышление, воображение, поведение, внутренний мир в целом, общение, жизненный путь человека [4]. Данный подход близок нашему пониманию задач лаборатории, ведь природная одаренность становится ценностью лишь в том случае, когда ее обладатель реализует свой дар во благо других людей.

Недавнее исследование М. Флир, Г. Фрагкиадаки, П. Рай посвящено «живой» игровой лаборатории как модели сбора данных и формирования практики наблюдений за процессом развития деятельности детей 1-5 лет посредством создания усложненных условий в повседневном опыте с использованием цифровых инструментов [10]. Лаборатория

охарактеризована как образовательная, поскольку ее цель – не отражение объективной реальности, а предоставление возможности участникам находить новые «способы действия» (сопереживая персонажам концептуальных игр). В данной модели нам видится особо значимым обращение авторов к работе с детьми-дошкольниками, учитывая их современные ранние «цифровые» навыки; близка нашему пониманию работы в педагогической лаборатории игровая форма, маскирующая для ребенка истинную сложность задания, способствуя тем самым качественному скачку в развитии деятельности.

Согласно Т.М. Васильевой и Ж.В. Тома, педагогическая лаборатория представляет собой форму профессиональной подготовки и воспитания студентов, позволяющую совершенствовать практические навыки, проявлять творчество в решении педагогических проблем [1]. Т.к. авторы обратились к моделированию лаборатории для педагогического вуза, представляется целесообразным изучение студентами в лаборатории источников информации по проблеме одаренности и работы с одаренными детьми, что дает возможность теоретически освоить опыт, накопленный как в педагогике, так и в смежных областях. Полученные знания методического характера в дальнейшем могут использоваться в практической работе будущих педагогов.

Учитывая сказанное, лаборатория раннего выявления одаренности – элемент социальной структуры науки в педагогическом университете, функционирующий в области производства научного знания о феномене «одаренность» как результате преобразования природных ресурсов (познавательных процессов) ребенка в активную деятельность, продуктивность и качество которой превышают норму.

Основные характеристики лаборатории раннего выявления одаренности:

- научная продуктивность в сфере научного знания об одаренности, трансформируемого в диагностический инструментарий, позволяющий изучать одаренность педагогам;
- современная научная база проводимых в лаборатории исследований в области педагогики и других наук, изучающих человека;
- направленность на выявление положительных результатов педагогического воздействия, в первую очередь – быстрого усвоения знаний и их проекции в особенностях «одаренного поведения»;

- игра в содержании тестов и заданий как средство, приближающее усложненные условия (создаваемые для активизации одаренности) к возрастным особенностям детей, предоставление им возможности находить новые способы действия;

- наличие цифровых инструментов, позволяющих не прерывать деятельность лаборатории в условиях дистанционного обучения;

- взаимодействие педагогов и студентов с детьми и между собой для выявления и идентификации одаренности;

- масштабируемость модели лаборатории в условиях образовательных организаций.

В работе применяется моделирование как метод исследования объекта «лаборатория раннего выявления одаренности».

Создание модели осуществлялось поэтапно:

- была уточнена функция лаборатории раннего выявления одаренности, состоящая в производстве научного знания о феномене «одаренность» и разработке инструментов педагогической диагностики одаренности, и поставлены основные задачи;

- определены диагностические методики;

- проведено исследование валидности модели в решении поставленных задач по изучению феномена «одаренность» (2018 г.);

- модель апробирована в педагогическом эксперименте (2020-2022 гг.);

- осуществлена содержательная интерпретация результатов моделирования (2023-2024 гг.).

Основной научной задачей лаборатории является формирование современной концепции одаренности на основе междисциплинарного знания, в котором систематизирующую роль выполняет педагогическое знание, а новые смысловые структуры создаются на его границах с психологическим [11], философским, естественнонаучным.

Лабораторией разработан и используется авторский инструментальный для изучения дуовекторной одаренности: технология «ИСКРА» для детей 6-7 лет, содержание которой включает тест «Искусство+» и учебный модуль «Знакомство с современным искусством» (в базовом варианте), а также – в модификациях «ИСКРА «бихевиоризм», «ИСКРА когнитивная».

В процессе моделирования лаборатории [7] частично инструментальный переведен и в цифровой формат для продвижения исследования за пределы региона, обеспечения непрерывных

исследований в периоды каникул, эпидемии, сложных погодных условий и других обстоятельств, требующих дистанционного обучения.

Диагностический инструментальный технологии «ИСКРА» – тест «Искусство+», включающий три субтеста:

- «Музыка чисел» для выявления дуовекторной музыкально-математической одаренности;

- «Живой орнамент» для выявления дуовекторной одаренности в области изобразительного искусства и спорта;

- «Сигналы с другой планеты» для выявления дуовекторной музыкально-лингвистической одаренности.

Подробно феномен дуовекторной одаренности и методика ее выявления рассматривались нами в статье 2018 г. [2]. В период дистанционного обучения, обусловленного пандемией COVID-19, тест «Искусство+» был переведен в онлайн-формат, и деятельность лаборатории не прерывалась.

Формирующий инструментальный технологии представлен учебным модулем «Знакомство с современным искусством». В содержание модуля, чтобы заинтересовать детей новизной, игровыми ситуациями, включены творческие задания на материале произведений современного искусства – музыка С.А. Губайдулиной, Э. Артемьева, Дж. Кейджа; репродукции картин П. Пикассо; фотографии скульптур Ф. Виале, стихотворения А. Вознесенского. Ребенок, выполняя задания, постигая суть эстетических эмоций [8], действует как бы *от имени современного автора*, т. е. его творчество не ограничено жесткими требованиями [9]. Необычные решения приветствуются, особенно когда в композиции, созданной с помощью художественных материалов, квази-художественными становятся цифры, буквы и слова, предметы, связанные со спортивной деятельностью (из экспериментального оборудования лаборатории).

Диагностические и формирующие материалы представлены на сайте лаборатории (giftedchildremsamara.net). База исследования лаборатории:

- образовательные организации – детские сады Самарской области, Детская школа искусств № 5 и Центр внешкольного образования «Творчество» г. о. Самара;

- кафедра дошкольного образования СГСПУ (студенты, осваивающие курс «Работа с одаренными детьми»).

Результаты исследования. Проведенное исследование позволило определить и представить в виде схемы модель лаборатории. В схеме (рис. 1.) показаны связи между элементами лаборатории. Центральный элемент – научное представление об одаренности (на схеме – «одаренность») – является стартовой позицией исследований, а в обновленном виде – итогом научной работы. Междисциплинарное знание из сферы гуманитарных и естественных наук – в структурированной соответственно задачам исследования форме – представляет собой теоретическую основу для тестов и разработок занятий, составляющих технологию раннего выявления одаренности. Экспериментальная база лаборатории в педагогическом

университете предназначена для первичной апробации диагностического инструментария; как правило, студентами выполняются тесты «от имени ребенка». Образовательные организации, входящие в экспериментальную базу, предоставляют данные исследований с использованием нового диагностического инструментария. Научный коллектив лаборатории осуществляет сбор и обработку данных математическими методами, интерпретацию результатов, подготовку материалов к обсуждению на конференциях и опубликованию. Улучшенная по итогам анализа данных технология вновь передается образовательным организациям.

Рис. 1. Модель лаборатории раннего выявления одаренности
(Model of laboratory for early identification of giftedness)

На этапе разработки модели (2018 г.) авторы проанализировали актуальное научное знание о феномене «одаренность», что позволило выявить существующие в нем «белые пятна», такие как: не объясненная ситуация исчезновения признаков одаренности с возрастом; расплывчатое представление об одаренности в педагогической литературе; отсутствие характеристик одаренности, проявляемой ребенком в двух областях, – дуовекторной – и диагностических инструментов для ее выявления. Чтобы решить выявленные проблемы, а также те, которые станут заметными в ходе исследований, была создана лаборатория раннего выявления одаренности. Одним из первых ее продуктов является диагностическая методика «Искусство+», разработанная и апробированная при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (2018 г.). Научный коллектив лаборатории осуществил

организационную работу по формированию экспериментальной базы для изучения одаренности и апробации методики «Искусство+».

На этапе исследования 2020-2022 гг. (проект РФФИ № 20-013-00868) были найдены основания для более точной, расширенной модели лаборатории. Так, стало очевидным, что представление об одаренности может уточняться в русле междисциплинарного подхода, и модель обогатилась блоками «Педагогика, психология, философия: гуманитарное знание об одаренности», «Нейрофизиология: естественнонаучное знание об одаренности».

Поиск нового знания проводился прежде всего в почти не исследованном поле дуовекторных форм одаренности, музыкально-математической, в области изобразительного искусства и спорта, музыкально-лингвистической. Диагностический и формирующий инструментарий

создавались с учетом предполагаемых характеристик дуовекторной одаренности, которые могли бы в результате педагогического воздействия проявиться в доступной непосредственному наблюдению форме.

Эмпирические данные, собранные в образовательных организациях, были подвергнуты обработке с использованием метода дисперсионного анализа, в результате чего обнаружилось скрытое от непосредственных наблюдений зависимость между видами одаренности: в дуовекторной музыкально-математической одаренности главенствует музыкальный компонент; спортивная и художественная одаренность проявляются слабо, если ребенок не совершает действий по преобразованию среды (творческих); лингвистическая одаренность доминирует над другими видами при ее возрастающих проявлениях и сопровождается стабильным творческим фоном. Результаты были опубликованы в журнале «Поволжский педагогический вестник» [6].

Экспериментальные данные 2020-2022 гг. обрабатывались с помощью непараметрического критерия Вилкоксона. В результате научное представление об одаренности было дополнено: внутри общепринятой триады «способности выше среднего уровня – мотивация – креативность» авторами выделен кластер форм одаренности, проявивших самую высокую пластичность под воздействием «ИСКРЫ»: лингвистическая, математическая и художественная триада [3].

В целом, анализ полученных лабораторией данных позволил найти подтверждение устойчивости дуовекторных форм одаренности к внешним воздействиям.

Методический продукт лаборатории совершенствуется не только в результате теоретических исследований и интерпретации данных математической статистики. Новая онлайн-версия теста «Искусство+» под названием «Искусство+ 2.0» прошла в 2022-2024 гг. кросс-апробацию в Самаре, Самарской области, Республике Карелия, Республике Татарстан, Московской области, Ульяновске, Чувашской Республике. Кросс-апробация сделала возможным расширенный сбор и онлайн-обработку данных о корреляции признаков одаренности.

Поскольку онлайн-тестирование позволило генерировать новое знание о дуовекторной одаренности, данная форма диагностики закрепились в диагностическом инструментарии лаборатории, получила развитие в направлении создания офлайн и онлайн модификаций технологии

«ИСКРА»: «ИСКРА бихевиор», «ИСКРА когнитивная».

В лаборатории раннего выявления одаренности проводилось тестирование детей 6-7 лет по методике «Искусство+». Их вовлечение в художественную деятельность с компонентами из области математики, спорта, родного и иностранных языков позволило зафиксировать факты «одаренного поведения», которые интерпретировались с научных позиций лаборатории.

Субтесты предлагались детям как игровые задания, родители присутствовали в лаборатории. Поэтому напряжение, неуверенность детей были минимальными.

Тестирование дуовекторной одаренности в области изобразительного искусства [12] и спорта [13] у детей 6-7 лет с использованием субтеста «Живой орнамент» позволило собрать коллекцию эталонов – созданных детьми арт-композиций, которые были оценены экспертами лаборатории в соответствии с критериями и в дальнейшем использовались педагогами для более точного заполнения диагностических карт по методике «Искусство+».

Представленные далее эталоны иллюстрируют рекомендации экспертов по оцениванию художественного компонента одаренности.

Арт-композиция (рис. 2) представлена в качестве эталона оценивания деятельности ребенка как проявления художественной одаренности на высоком уровне (3 балла) в процессе выполнения субтеста «Живой орнамент», т.к. эксперт установил соответствие критериям:

- предметы в орнаменте расположены ровно по линии;
- линия орнамента почти не отклоняется от заданного направления;
- работа отличается оригинальностью, т.е. не похожа на работы других детей и знакомые ребенку произведения искусства;
- ребенок проявил внимание к окружающим предметам и к орнаментам, демонстрируемым педагогом;
- предметы для творчества выбраны самостоятельно;
- ребенком дана оценка выбранным предметам с точки зрения реализации его замысла (ботинки были выбраны т.к. напомнили о прогулке, ходьбе, беге; скотч зеленого, желтого и красного цветов символизирует светофор,

который «горит зеленым, поэтому башмаки уже идут по дороге»);

– орнамент из предметов создавался быстро, самостоятельно;

– в процессе творчества ребенком варьировались способы комбинирования элементов будущей композиции.

Рис. 2. Арт-композиция «Пешеход», выполненная 6-летним ребенком в результате тестирования по методике «Искусство+» (Art composition "Pedestrian" made by a 6-year-old child as a result of testing using the "Art+" method)

Экспертная оценка арт-композиции, представленной на рисунке 3, совпадает с критериями среднего уровня одаренности (2 балла), а именно:

– продукт отчасти напоминает работы других детей (они также располагали цветные карандаши в виде горизонтальных полос);

– орнамент не совсем ровно расположен по линии;

– сама линия орнамента немного отклоняется от заданного направления;

– хотя ребенок проявлял внимание к окружающим предметам и к орнаментам, демон-

стрируемым педагогом, но в выборе предметов для создания орнамента ему понадобилась некоторая помощь педагога;

– ребенком была дана оценка выбранным предметам с точки зрения реализации его замысла (карандаши разных цветов похожи на окрашенные ледяные дорожки, по которым едут коньки), однако при создании орнамента он дважды останавливался и просил педагога подсказать, что требуется делать дальше;

– использовался только один вариант комбинирования элементов будущей арт-композиции.

Рис. 3. Арт-композиция «Коньки», выполненная 6-летним ребенком в результате тестирования по методике «Искусство+» (Art composition "Skates" made by a 6-year-old child as a result of testing using the "Art+" method)

На рисунке 4 приведен пример эталона для идентификации низкого уровня проявления художественной одаренности (1 балл). Уровень определялся экспертом по следующим совпадениям с критериями субтеста «Живой орнамент»:

– ребенок использовал только один вариант комбинирования элементов будущей арт-композиции;

– арт-композиция явно похожа на работы других детей;

- есть значительные отклонения в орнаменте от расположения ровно по линии; линия орнамента заметно отклоняется от заданного направления;

- ребенок отвлекался при восприятии окружающих предметов и орнаментов, демонстрируемых педагогом;

- выбор предметов для создания орнамента, их оценка с точки зрения реализации замысла

проходили с затруднениями (ребенок долго не мог выбрать подходящие для создания орнамента предметы; педагог подсказала, что можно использовать карандаши, которые были взяты без какой-либо системы и выложены на лист бумаги);

- при создании орнамента несколько раз останавливался и обращался за помощью к педагогу.

Рис. 4. Арт-композиция «Забор», выполненная 6-летним ребенком в результате тестирования по методике «Искусство+» (Art composition "Fence" made by a 6-year-old child as a result of testing using the "Art+" method)

Также были созданы видео-эталоны оценивания спортивной одаренности при диагностике с использованием теста «Живой орнамент», находящиеся в архиве лаборатории.

По отзывам педагогов, тестирование благодаря эталонам стало понятнее, требует меньше затрат времени.

Выводы. Таким образом, мы представили верификацию модели педагогической лаборатории раннего выявления одаренности как диагностического инструмента, обеспечивающего продуцирование нового знания о феномене «одаренность».

Работа с моделью лаборатории раннего выявления одаренности позволила установить, что данная модель представляет собой комплексный диагностический инструмент, обладающий новыми для педагогических лабораторий возможностями:

- обеспечивать прирост знания о феномене «одаренность» благодаря научно обоснованному синтезу тестовых заданий, сложность которых для ребенка нивелирована игровой формой и использованием приемов и материалов из области современного искусства, что способствует качественному скачку в развитии

деятельности – проявлениям «одаренного поведения»;

- аккумулировать практически значимые для будущих педагогов источники информации о том, как именно дети проявляют одаренность, выполняя тесты из коллекций лаборатории, обучать студентов педагогического вуза идентификации одаренности по предложенным экспертами эталонам;

- трансформироваться в цифровой диагностический инструментарий в условиях дистанционного обучения;

- масштабироваться образовательными организациями, сохраняя диагностические возможности.

Новое знание было обнаружено в следующем:

- дуовекторная одаренность может улавливаться с помощью воздействия диагностическими инструментами, содержанием которых является материал и способы работы с ним, распространенные в современном искусстве;

- показатели дуовекторной одаренности по всем субтестам методики «Искусство+» проявляют относительную, но не одинаковую устойчивость к педагогическому воздействию средствами учебного модуля «Знакомство с современным искусством».

Собранные данные могут быть выражены с помощью квантифицированной переменной, что в современной науке считается подтверждением существования изучаемого феномена «двуекторная одаренность».

В целом, установленные в рамках статьи теоретические и эмпирические данные позволяют считать лабораторию раннего выявления одаренности формой, пригодной для оптимального продвижения к решению задач работы с одаренными детьми на современном этапе развития образования.

Результаты статьи подтверждены согласованностью с научными идеями исследователей проблемы одаренности в лабораторных условиях и экспериментальными данными эффективности проектов лаборатории в 2018-2024 гг.

Исследование представляется нам разомкнутым в образовательное пространство, а в дальнейшем может быть продолжено в направлении поиска дополнительных средств выявления одаренности у детей как в раннем возрасте, так и в старшем.

1. Васильева, Т. М., Тома, Ж. В. Педагогическая лаборатория как форма подготовки студентов к педагогической деятельности // Актуальные вопросы развития современного общества, экономики и профессионального образования: материалы XIX Международной молодежной научно-практической конференции. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет. – 2022. – С. 146-148.
2. Калинина, Л. Ю., Иванов, Д. В. Методика выявления «двуекторной» одаренности у детей 6-7 лет в условиях художественно-творческого процесса // Самарский научный вестник. – 2018. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 326-335.
3. Калинина, Л. Ю., Иванов, Д. В., Никитин, Н. А. Междисциплинарный подход к изучению одаренности // Перспективы науки и образования (Perspektivy Nauki i Obrazovania). – 2022. – № 5 (59). – С. 37-52. doi: 10.32744/pse.2022.5.3.
4. Лурия, А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. Ум мнемониста. – М.: Эйдос, 1994. – 96 с.
5. Мазниченко М. А., Садилова.ю О. П., Мушкин, В. Г., Мушкина, И. А. Представления тренеров по дзюдо о диагностике, развитии и поддержке спортивной одаренности в раннем возрасте // Педагогика и психология для образования (Science for Education Today). – 2022. – №2. – С. 7-32.
6. Никитин, Н. А., Калинина, Л. Ю. Использование метода дисперсионного анализа для выявления одаренности детей 6-7 лет (субтест «Мелодия чисел») // Поволжский педагогический вестник. – 2020. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 77-84.
7. Поскребышева, Т. А. Моделирование как педагогическое явление: понятие модели // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 5. – С. 70-72.
8. Ражников, В. Г. Постигание сущности эстетических эмоций и художественных переживаний (авторский словарь и методика его применения) // Перспективы науки и образования. – 2023. – № 4. – С. 54-63.
9. Đorđević, J. N. Developing methodology for identifying giftedness in visual art expression domain in preschool age // Science International Journal. – 2023. – Vol. 2 – № 4. – Pp. 9-38. – <https://doi.org/10.35120/sciencej0204173d>.
10. Fleer, M., Fragkiadaki, G., Rai, P. Methodological Challenges of Studying Children in a Living Laboratory: Case example of Conceptual PlayLab // Cultural-Historical Psychology. – 2020. – Vol. 16. – № 3. – Pp. 47-59. – DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160306>.
11. Gómez León, M. I. Development of giftedness during early childhood // Papeles del Psicologo. – 2020. – № 41(2). – Pp. 147-158.
12. Kalinina, L. Yu., Ivanov, D. V., Nikitin, N. A. Efficiency of technology for early identification of giftedness in children aged 6-7 through contemporary art. Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education. – 2023. – № 61 (1). – Pp. 252-275. – doi: 10.32744/pse.2023.1.15.
13. Piirto, J. Organic Creativity for 21st Century Skills // Education Sciences. – 2021. – № 11 (11). – Pp. 680. – from <https://doi.org/10.3390/educsci11110680j>.

GIFTEDNESS' EARLY IDENTIFICATION LABORATORY MODEL

© 2024 L.Yu. Kalinina, D.V. Ivanov, N.A. Nikitin

Larisa Yu. Kalinina, Candidate of Pedagogical Sciences, Leading Researcher of the Department of Scientific Research and Grants, Associate Professor of the Department of Preschool Education

E-mail: klar1992@gmail.com

Dmitry V. Ivanov, Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of Scientific Research and Grants, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology

E-mail: avatory@yandex.ru

Nikolay A. Nikitin, Deputy Head of the Department of Scientific Research and Grants

E-mail: nikolai_nikitin@inbox.ru

*Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia*

Research base: Samara State University of Social Sciences and Education

The laboratory of early identification of giftedness is characterized on the basis of modern concepts "experimental psychological laboratory", "live game laboratory", "pedagogical laboratory". The functional of the laboratory for the production of scientific knowledge about the phenomenon of "giftedness" is presented in line with an interdisciplinary approach, with an emphasis on the study of duo-vector giftedness of children 6-7 years old. To solve the main scientific task of the laboratory – the formation of a modern concept of giftedness based on interdisciplinary knowledge – it is proposed to use the systematizing role of pedagogical knowledge, with the formation of new semantic structures on its borders with psychological, philosophical, natural science knowledge. The author's diagnostic and formative tools are presented; the laboratory's research base. Unlike other similar projects, the laboratory model is equipped with pedagogical diagnostic tools with an artistic component to identify such forms of duo-vector giftedness as musical and mathematical, in the field of fine arts and sports, musical and linguistic. The results of the research in the framework of the article are confirmed by the consistency of empirical conclusions with the theoretical idea of a laboratory that provides favorable conditions for studying changes in giftedness under the influence of pedagogical diagnostics (tests), as well as by the productivity of the laboratory model at Samara State University of Social Sciences and Education for a number of years, including remote testing with the participation of children from different regions. The methods of obtaining new knowledge through the analysis of variance of laboratory data, nonparametric Wilcoxon criterion are shown. The research in the framework of the article has practical significance, since the laboratory model is flexible, suitable for scaling, working in online and offline modes, and reproduction by pedagogical universities in regions and countries in order to improve the prognostic capabilities of pedagogical diagnostics based on the produced new fundamental knowledge about poorly studied forms of giftedness.

Keywords: interrelation of types of giftedness, pedagogical laboratory, diagnostics of giftedness, modeling of the creative process, pedagogical diagnostics

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-14-23

EDN: LMLXTZ

1. Vasil'eva, T. M., Toma, Zh. V. Pedagogicheskaya laboratoriya kak forma podgotovki studentov k pedagogicheskoy deyatel'nosti (Pedagogical Laboratory as a Form of Students' Training for Pedagogical Activity) // Aktual'nye voprosy razvitiya sovremennoogo obshchestva, ekonomiki i professional'nogo obrazovaniya: materialy XIX Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ekaterinburg: Rossijskij gosudarstvennyj professional'no-pedagogicheskij universitet. – 2022. – S. 146-148.
2. Kalinina, L. Yu., Ivanov, D. V. Metodika vyyavleniya «duovektornoj» odarennosti u detej 6-7 let v usloviyah hudozhestvenno-tvorcheskogo processa (The Method of Identifying "Duovector" Giftedness in Children Aged 6-7 Years in the Conditions of the Art-Creative Process) // Samarskij nauchnyj vestnik. – 2018. – T. 7. – № 4 (25). – S. 326-335.
3. Kalinina, L. Yu., Ivanov, D. V., Nikitin, N. A. Mezhdisciplinarnyj podhod k izucheniyu odarennosti (Interdisciplinary Approach to the Study of Giftedness) // Perspektivy nauki i obrazovaniya (Perspektivy Nauki i Obrazovaniya). – 2022. – № 5 (59). – S. 37–52. doi: 10.32744/pse.2022.5.3.
4. Luriya, A. R. Malen'kaya knizhka o bol'shoj pamyati. Um mnemonista (A Little Book about Big Memory). – M.: Ejdos, 1994. – 96 s.
5. Maznichenko M. A., Sadilova, Yu. O. P., Mushkin, V. G., Mushkina, I. A. Predstavleniya trenerov po dzyudo o diagnostike, razviti i p.yuodderzhke sportivnoj odarennosti v rannem vozraste (Judo Coaches' Ideas about the Diagnosis, Development and Support of Athletic Giftedness at an Early Age) // Pedagogika i psihologiya dlya obrazovaniya (Science for Education Today). – 2022. – №2. – S. 7–32.
6. Nikitin, N. A., Kalinina, L. Yu. Ispol'zovanie metoda dispersionnogo analiza dlya vyyavleniya odarennosti detej 6-7 let (subtest «Melodiya chisel») (Using the Method of Variance Analysis to Identify the Giftedness of Children 6-7 Years Old (the Melody of Numbers Subtest)) // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. – 2020. – T. 8. – № 2 (27). – S. 77–84.
7. Poskrebysheva, T. A. Modelirovanie kak pedagogicheskoe yavlenie: ponyatie modeli (Modeling as a Pedagogical Phenomenon: the Concept of a Model) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2019. – № 5. – S. 70–72.
8. Razhnikov, V. G. Postizhenie sushchnosti esteticheskikh emocij i hudozhestvennyh perezhivaniy (avtorskij slovar' i metodika ego primeneniya) (Comprehension of the Aesthetic Emotions Essence and Artistic Experiences (Author's Dictionary and Methods of Its Application)) // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2023. – № 4. – S. 54–63.

9. Đorđević, J. N. Developing methodology for identifying giftedness in visual art expression domain in preschool age // *Science International Journal*. – 2023. – Vol. 2 – № 4. – Pp. 9-38. – <https://doi.org/10.35120/sciencej0204173d>.
10. Fleeer, M., Fragkiadaki, G., Rai, P. Methodological Challenges of Studying Children in a Living Laboratory: Case example of Conceptual PlayLab // *Cultural-Historical Psychology*. – 2020. – Vol. 16. – № 3. – Pp. 47-59. – DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160306>.
11. Gómez León, M. I. Development of giftedness during early childhood // *Papeles del Psicólogo*. – 2020. – № 41 (2). – Pp. 147-158.
12. Kalinina, L. Yu., Ivanov, D. V., Nikitin, N. A. Efficiency of technology for early identification of giftedness in children aged 6-7 through contemporary art. *Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education*. – 2023. – № 61 (1). – Pp. 252-275. – doi: 10.32744/pse.2023.1.15.
13. Piirto, J. Organic Creativity for 21st Century Skills // *Education Sciences*. – 2021. – № 11 (11). – Pp. 680. – from <https://doi.org/10.3390/educsci11110680>.

УДК 378.4 : 37.036.5 (Университеты / Развитие творческих способностей)

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ СРЕДСТВАМИ НАРОДНОГО ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ И МЕТОДОВ

© 2024 А.И. Смоляр, С.Г. Зоголь

*Смоляр Антонина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой музыкального образования*

E-mail: smol_53@mail.ru

*Зоголь Светлана Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры музыкального образования*

E-mail: szogol@yandex.ru

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия*

Статья поступила в редакцию 04.10.2024

Авторы обосновывают актуальность, значимость художественно-эстетического воспитания детей средствами народного искусства с раннего возраста, в частности, в детских образовательных учреждениях; конкретизируют научное содержание понятия «художественно-эстетическое воспитание в дошкольном образовательном учреждении», определяя его как целостный педагогический процесс, организованный в единую систему, отвечающий требованиям включения детей в художественную культуру своего народа и общества в целом, гармоничного развития детей и развития у них эстетического отношения к действительности; представляют содержание художественно-эстетического воспитания средствами народного искусства через анализ программ, реализуемых в дошкольных образовательных учреждениях РФ и обращение к профессиональному журналу «Дошкольное воспитание». В статье представлена апробированная авторская программа «Творчество», целью которой является художественно-эстетическое воспитание детей средствами народного искусства в условиях дошкольного образовательного учреждения. Акцентируя внимание на том, что содержание воспитания дошкольника обращено к народным традициям, народному творчеству, авторы дают общую характеристику программы, обосновывают принципы её построения, методическую стратегию проведения занятий в условиях дошкольного образовательного учреждения. Авторами разработано и предложено содержание курса по выбору как средство подготовки студентов педагогического вуза к реализации задач художественно-эстетического воспитания в дошкольном образовательном учреждении средствами народного искусства, а также программы «Творчество».

Ключевые слова: художественно-эстетическое воспитание детей в дошкольном образовательном учреждении, народное искусство, программа; курс по выбору, будущий педагог

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-24-32

EDN: MLQJUA

Введение. Проблему художественно-эстетического воспитания детей средствами народного искусства можно отнести к числу тех, которые сохраняют свою актуальность в науке и жизненной практике вне зависимости от конкретно-исторических условий.

В сознании исследователей (философов, искусствоведов, педагогов, психологов), многих педагогов-практиков укоренилось понимание того, что народное искусство, будучи «неисчерпаемым источником творческой народной энергии» [26, с. 61], фундаментальным пластом мировой культуры, душой народа, народной культуры выступает ведущим фактором художественно-эстетического воспитания и развития детей. «Язык

народного искусства (музыкального, изобразительного, речевого) лаконичен, в нем заключается совершенство композиции..., праздничность, мажорность, отражающие полнокровное и оптимистическое восприятие мира» [15, с. 9].

Сказанное подтверждает, что с одной стороны, сегодня есть понимание того, как много потеряет человек, если рвутся нити, которые связывают его с традиционной народной культурой, с другой – наиболее распространенным жанром культуры XXI в. является эстрада. Размышляя о современной культуре и художественном образовании, известный российский кинорежиссер Р. Быков, говорил: пожалуй, оказался прав Освальд Шпенглер в своем печальном прогнозе о том, что

цивилизация есть гибель культуры, «мир должен быть перестроен так, чтобы социальная сфера перестала быть падчерицей и сделалась целью и смыслом всего остального» [13].

В этой связи встаёт ряд вопросов. Какое место сегодня в образовательных программах детских образовательных учреждений (ДОУ) занимает художественно-эстетическое воспитание детей средствами народной культуры? Каково научное содержание понятия «художественно-эстетическое воспитание в условиях ДОУ»? Каковы задачи, содержание и методическая стратегия художественно-эстетического воспитания детей в условиях ДОУ?

Методы исследования: историко-ретроспективный анализ философской, научно-педагогической литературы, педагогический эксперимент.

История вопроса. В мировой педагогике накоплен богатый опыт приобщения детей к искусству, в частности, народному. Достаточно привести несколько примеров. В Болгарии, при активном участии Г.И. Стояновой, создан «Национальный музыкально-фольклорный союз (НМФС), который поставил своей целью утверждение музыкального фольклора в школах и детских садах как естественной основы музыкально-образовательного процесса и внеклассных занятий» [27]. НМФС стал инициатором и организатором общенационального конкурса в Болгарии для детей и учащихся с 2000 г. «Родничок Орфея», а с 2004 г. Национального форума «Дарование Орфея», вышедшего за пределы Болгарии.

В России также организуется множество специальных конкурсов и фестивалей, связанных с «введением детей» в мир народного искусства [21; 22; 32], работают школы, опыт которых является бесценным свидетельством того, что судьба фольклора и культуры неразделимы.

В научно-педагогической литературе в последние годы активно обсуждаются вопросы художественно-эстетического воспитания детей средствами народного искусства. Отечественные и зарубежные исследователи обращаются к проблемам, связанным с изучением общих вопросов эстетического воспитания [30] и условий реализации такого воспитания [2], значения народного искусства в воспитании детей [24], народного творчества как фактора эстетического воспитания [23], средств художественно-эстетического воспитания (в частности колыбельной) [7; 16; 18], вопросов художественно-эстетического воспита-

ния ребенка в процессе ознакомления с произведениями художественной литературы и фольклора [10].

Отвечая на вопрос о том, как представлено в ДОУ художественно-эстетическое воспитание средствами народной культуры, обратимся к анализу программ, реализуемых в дошкольных образовательных учреждениях.

В программе «Детство» среди задач воспитания: обеспечение не только интеллектуального, физического, волевого, развития ребенка в период дошкольного детства, но и эмоционального, нравственного, социально-личностного, которое осуществляется путем его взаимодействия с различными сферами бытия (миром людей, природы и др.) и культуры (изобразительным искусством, музыкой, детской литературой и родным языком, математикой и др.). Основными средствами достижения намеченных задач являются произведения устного народного творчества, народные игры, музыка и танцы, декоративно-прикладное искусство России [1]. Авторы программ для дошкольных образовательных учреждений делают акцент на развитии умственных и художественных способностей детей [8; 17; 20]; эстетическом развитии, которое рассматривают в единстве формирования эстетического отношения к миру и художественного развития ребенка средствами искусства [3]; уделяют внимание разнообразным приёмам изобразительной, театрализованной и музыкальной деятельности, направленным на развитие творческого воображения и способностей малышей [5; 12; 19; 29].

Профессиональный журнал «Дошкольное воспитание», издающийся в России с 1928 г., разнообразно освещает вопросы художественно-эстетического воспитания и развития детей в специальном разделе. Авторы статей журнала – не только теоретики, но и работники детских садов – делятся своим опытом и новыми идеями. В нем представлены методические подходы и практические рекомендации по использованию сказок в работе с детьми, ознакомлению с историей родного края, приобщению к национальной культуре, формированию эстетического сознания дошкольников, а также вопросы музейной педагогики, роли книги и литературы, музыки и изобразительной деятельности в жизни детей.

Приходится констатировать, что в научно-педагогической литературе недостаточно представлен теоретико-эмпирический материал по проблеме художественно-эстетического воспитания детей с раннего возраста средствами народной

культуры в условиях ДОУ. Поэтому считаем особенно важным обратить свое внимание на вопросы такого воспитания и в этой связи представить наш опыт разработки и реализации экспериментальной программы воспитания и развития детей в ДОУ [28]. Но прежде определимся с понятием «художественно-эстетическое воспитание».

Результаты исследования. Еще в XX в. Н.И. Киященко, положительно оценивая систему эстетического воспитания в детских садах, выдвинул вопрос, связанный с отличием эстетического воспитания и развития от художественного [6].

М.С. Каган, обращая внимание на связь художественного воспитания с эстетическим, определяет художественное воспитание исходя из понимания художественной культуры. А эстетическое воспитание трактует как процесс развития эстетической культуры личности. По его мнению, художественная культура – это всеобщее пространство художественной деятельности, охватывающее все ее разнообразные проявления (литературные, музыкальные, сценические и пластические, киноискусство и т.д.); она характеризуется общим для всего мира художественным содержанием (определенным представлением о мире и человеке), а также творческим методом и художественным стилем, в котором эти представления воплощаются; художественная культура – это исторически изменчивый способ социальной организации всей художественной деятельности [4]. Исходя из такого понимания художественной культуры, художественное воспитание в широком смысле слова можно охарактеризовать как способ включения личности в художественную культуру общества. Его реализация предполагает: приобщение личности к современному искусству во всем многообразии его видовых и жанровых форм; и, конечно, к художественному наследию, к многообразию его исторических пластов, начиная с древнейших времен и включая художественную культуру всех народов мира. А под эстетической культурой М.С. Каган понимает систему средств и продуктов, с помощью которых человек осваивает мир. Эстетическая культура человека предполагает развитость всей его чувственной сферы, эмоционально откликающейся на многообразные явления природы и самые различные стороны действительности.

Понятие «эстетическое воспитание» – широкое, оно изучается с позиций философских, педагогических и психологических и других наук. Б.Т. Лихачев отмечал, что эстетическое воспитание представляет собой «процесс формирования

творчески активной личности, способной воспринимать, чувствовать, оценивать прекрасное, трагическое, комическое, безобразное в жизни и искусстве, жить и творить «по законам красоты» [11, с. 417]. Мы не ставим задачу анализа данного понятия, отметим лишь, что как педагогическое явление оно находится в развитии, не ограничивается сферой искусства, в его содержание педагоги-исследователи вкладывают три составляющих: личностную, деятельностную и творческую [25].

В эстетическом воспитании особое значение имеет формирование и развитие в человеке эстетического отношения к действительности, к миру. Эстетическое отношение – особое восприятие и оценка явлений окружающей жизни, художественная практика ребенка. В эстетическом воспитании детей ведущая деятельность – художественная.

Главным средством художественного воспитания является само искусство, опыт непосредственного общения с ним. Задача педагогов – организация этого опыта. Эффект художественного воспитания возникает только тогда, когда искусство обладает эстетической ценностью. Вот почему «художественное и эстетическое воспитание стянуты в один узел» [4].

Художественно-эстетическое воспитание в дошкольном образовательном учреждении – это целостный педагогический процесс, организованный в единую систему, отвечающий требованиям включения детей в художественную культуру своего народа и общества в целом, гармоничного развития детей и развития у них эстетического отношения к действительности.

Разработанная и реализованная нами программа «Творчество» [28], целью которой является художественно-эстетическое воспитание и развитие детей дошкольного возраста, состоит из пяти разделов: основные положения, музыка, театральное искусство, ритмика и танец, изобразительное искусство.

Охарактеризуем раздел, являющийся базовой основой для ее осуществления и содержащий положения, в соответствии с которыми направляется процесс художественно-эстетического развития ребенка в условиях детского сада. Во-первых, авторы делают акцент на том, что содержание воспитания (дошкольной педагогики) обращено к народным традициям, народному творчеству, т.к. полагают, что живой родник фольклора поможет маленькому человеку сердцем познать родной народ, стать духовным наследником его

традиций. В началах народной культуры заложены гуманные идеи единства человека и природы; цикличности жизни отдельного человека как части мира; устойчивые ориентиры для формирования лучших черт национального характера: трудолюбия, милосердия, верности слову, мужества, любви к родной земле. Трудно переоценить благотворное воздействие этих идей на сохранение душевного здоровья ребенка. Народная культура сама по себе является универсальной комплексной системой трудового, нравственного, эстетического, физического воспитания.

Возможность погружения ребенка еще в раннем детстве в атмосферу народного творчества заключается в удивительном соответствии друг другу особенностей детского мира, восприятия и специфических черт фольклора как особого типа искусства, особого способа постижения жизни. Ребенок – существо универсальное, ему все интересно, ему под силу петь, играть, плясать, лепить, рисовать. В этих видах деятельности ребенок растет, развивается, познает и «творит» мир. Народное искусство также универсально и цельно, синкретично по своей природе. Цельность заключается в том, что разные области народного творчества жестко не специализированы; народное творчество растворено во всех сферах народной жизни. Так, воедино слиты в обряде искусство слова, музыки, пластического жеста, драматическое начало, многоцветье и символика одежды, ритуальных атрибутов. В народном искусстве нет разделения на зрителей, слушателей и исполнителей. Именно потому, что оно сама жизнь, велико тяготение ребенка к народной культуре.

Едина драматическая основа детской и народной игровой культуры. Фольклор является способом вхождения в связи жизни и искусства, он универсален и имеет круглогодичный цикл, его основа – «живое включение» и непосредственное участие всех детей в художественном действе, сочетающем в себе игровое начало и разнообразные виды музицирования (пение и аккомпанемент), пластики (танцы, хороводы, пантомимы), художественное оформление народных празднеств. Народное творчество по своей сути естественное, объединяющее начало для всех занятий с детьми в детском саду.

Календарно-тематическое планирование в программе опирается на народный календарь. Порядок следования тем определен принципом «Вслед за солнышком живем». Выбор конкретных тем зависит от условий учебно-воспитательного процесса в детском саду, от подготовленности

педагогов. Темы связаны с народными обычаями, обрядами, приметами, традициями, праздниками, справляющимися в народе. Попытка следовать народному календарю связана со стремлением авторов восполнить пробел в воспитании на основах национальной культуры. Например, в сентябре в старину совпадало множество работ в поле и на огороде, забот по хозяйству. На первое место ставили праздники, связанные с уборкой урожая, славившие землю-матушку за принесенные ею новые дары. В связи с этим авторы предлагают на выбор следующие темы: Праздник урожая «Осенины» или «С новым годом, с новым урожаем!»; «Семен-летопровидец»; «Петр и Павел – рябинники»; «А у нас сегодня капуста».

Во-вторых, художественно-эстетическое воспитание состоит в пробуждении и развитии у детей эстетического отношения к миру, которое развивается и проявляется: 1) в особом восприятии и оценке явлений окружающей жизни; 2) в художественной практике детей, которая, с одной стороны, порождается этим отношением, с другой – расширяет и углубляет сам опыт эстетических переживаний; 3) при адекватном восприятии произведений искусства [14]. В этих трех сферах опыта ребенка развивается художественно-творческое воображение и специальные умения и навыки.

В-третьих, мы исходим из того, что воспитание строится в соответствии с принципом природосообразности (на основе учета природы ребенка и природы искусства; дошкольное детство самоценно). Отсюда психологическими предпосылками художественно-эстетического развития являются: а) детский анимизм (готовность отнестись ко всему как к живому); б) относительная нечеткость границы Я и НЕ-Я, отчужденность от мира; в) еще не утраченная нестандартность восприятия; г) нестойкость, ситуативность внимания и интереса к чувственным признакам окружающего мира; д) яркая эмоциональная отзывчивость на чувственные впечатления; ж) игровой опыт ребенка. В ходе развития эстетического отношения корректируются такие психологические особенности ребенка как: элементы эгоцентризма и антропоцентризма; недостатки наблюдательности и внимания к внешнему миру.

Особое внимание для нас имеет развитие игрового опыта ребенка в различных формах игровой деятельности: режиссерская игра, образно-ролевая, сюжетно-ролевая, игра-драматизация, игра с правилами.

Методическая стратегия проведения занятий определяется нами как коррекция, развитие, совершенствование детской игры (режиссерской, образно-ролевой, сюжетно-ролевой, игры-драматизации, игры с правилами) и ее последующая трансформация в первичные синкретические формы художественного творчества [9].

Одна из основных идей созданной и реализуемой нами программы – создание художественно-творческого пространства (его состав – совокупность различных сфер: музыкально-пластической, природной, театральной, художественного слова) через совместную эстетическую деятельность и общение. Основными субъектами воспитательного процесса являются: дети, их общее и эстетическое развитие; искусство как жизнетворчество; взрослые (непосредственные участники воспитательного процесса и родители).

Воспитание осуществляется на основе комплексности, проявляющейся в том, что содержание работы с детьми строится в соответствии с единой целью, имеет одни психологические предпосылки, общую направленность творческих заданий и игр, раскрывается через тематическое единство (на основе фольклора) и единство методической стратегии проведения занятий.

Важным условием такого воспитания является готовность выпускника педвуза к его реализации. В этой связи может быть продуктивным изучение интегративного курса по выбору «Художественно-творческое воспитание и развитие дошкольников», который призван удовлетворять не только психолого-педагогические, но и методические, «предметные» интересы студентов.

Дадим краткую характеристику курса. Он представляет материал, отражающий результаты опытно-экспериментальной работы, в течение ряда лет проводившейся в детском саду № 39 г. Новокуйбышевска коллективом преподавателей СГСПУ, а также авторской экспериментальной программы «Творчество», разработанной этим коллективом. В тематический план курса по выбору «Художественно-творческое воспитание и развитие дошкольников» входят как лекции, так и практические, семинарские занятия (они проводятся вдвоем: педагог вместе с методистом).

Содержание лекционных занятий включает следующие темы: «Воспитание и развитие детей дошкольного возраста как социально-культурная и психолого-педагогическая проблема», «Состояние художественно-творческого воспитания и развития детей (в условиях ДОУ) в современной

педагогической теории и практике», «Диагностика художественно-творческого развития дошкольников», «Основные положения и общая характеристика экспериментальной программы художественно-эстетического воспитания и развития детей в детском саду», «Фольклор, художественное творчество в развитии самосознания ребенка. Детский музыкальный, игровой, потешный фольклор. Многообразие русского народного танца, хоровода, плясок, кадрили», «Тематический принцип построения программы «Творчество». «Календарно-тематический план и художественный материал раздела «Музыка» («Театральное искусство», «Ритмика и танец», «Изобразительное искусство»)). Практические и семинарские занятия, кроме выше названных, включают: «Развитие, совершенствование детской игры и ее трансформация в первичные формы художественного творчества как методическая стратегия проведения занятий с детьми (в условиях ДОУ)», «Развитие игрового опыта ребенка в музыкальной (театральной, изобразительной, танцевально-пластической) сфере».

Содержание и технология программы «Творчество» ориентируют студента не столько на накопление знаний, сколько на творческое, эмоциональное, нравственное развитие ребенка, на удовлетворение потребности детей в созидании и художественном творчестве. Особый акцент сделан на характеристике взаимодействия детей и взрослых.

В содержании курса обращается внимание на педагогические условия творческого самовыражения детской индивидуальности в процессе игровой деятельности, в сфере музыкального, театрального, изобразительного искусства, ритмики и танца. Изучение курса предполагает проведение практических занятий в ДОУ, «включение» студентов в практическую воспитательную деятельность с дошкольниками.

Таким образом, сделаем следующие *выводы*:

1. Художественно-эстетическое воспитание и развитие детей с раннего возраста, в том числе средствами народного искусства, выступает одной из важнейших задач реализации современных образовательных программ дошкольного образования. В современных программах для дошкольных учреждений делается акцент на развитии умственных и художественных способностей детей; эстетическом развитии, которое рассматривается в единстве формирования эстетического отношения к миру и художественного развития ребенка средствами искусства; уделяется

внимание разнообразным приёмам изобразительной, театрализованной и музыкальной деятельности, направленным на развитие творческого воображения и способностей детей.

2. Художественно-эстетическое воспитание в дошкольном образовательном учреждении представляет собой целостный педагогический процесс, организованный в единую систему, отвечающий требованиям включения детей в художественную культуру своего народа и общества в целом, гармоничного развития детей и развития у них эстетического отношения к действительности.

3. Разработка экспериментальной программы художественно-эстетического воспитания и развития детей в условиях ДОУ средствами народного искусства и опытная работа по её реализации позволяют утверждать, что её содержание обращено к народным традициям, народному творчеству, а методическая стратегия авторской

программы «Творчество» как коррекция, развитие и совершенствование детской игры нацеливает на погружение ребенка с раннего возраста в мир народного творчества и фольклора в процессе разнообразной художественно-творческой деятельности (музыкальной, изобразительной, театральной, хореографической). Воспитание строится в соответствии с принципами природосообразности, тематизма и комплексности.

4. Интегративный курс по выбору «Художественно-творческое воспитание и развитие дошкольников» направлен на формирование готовности студентов педагогических вузов к реализации задач художественно-эстетического воспитания в дошкольном образовательном учреждении средствами народного искусства, в частности, программы «Творчество», на развитие личности студента как субъекта профессиональной и художественно-эстетической культуры.

1. Детство: комплексная образовательная программа дошкольного образования / Т.И. Бабаева, Т.А. Березина, О.В. Акулова. – Санкт-Петербург, Детство-Пресс, 2019. – 352 с.
2. Иванова, И. Г. Художественно-эстетическое воспитание детей в условиях предшкольного образования / И.Г. Иванова // Образование и саморазвитие. – 2010. – № 6(22). – С. 144–148.
3. Истоки : примерная образовательная программа дошкольного образования / Л.А. Парамонова, Т.И. Алиева, Т.В. Антонова и др. – 5-е изд. – Москва : ТЦ Сфера, 2014. – 161 с.
4. Каган, М. С. Эстетическое и художественное воспитание в развитом социалистическом обществе / М.С. Каган. – Ленинград : Знание, 1984 – 32 с.
5. Каплунова, И. М. Ладушки : программа по музыкальному воспитанию детей дошкольного возраста / И.М. Каплунова, И.А. Новоскольцева – Санкт-Петербург : Невская нота, 2021. – 144 с.
6. Киященко, Н. И. Вопросы формирования системы эстетического воспитания в СССР / Н.И. Киященко. – Москва : Искусство, 1971. – 159 с.
7. Колышева, Т. А. Позитивное материнство: колыбельная песня и мир звуков ребенка до рождения / Т.А. Колышева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13, № 2-1. – С. 226–229.
8. Комплексная образовательная программа дошкольного образования «Мир открытий» / под ред. Л.Г. Петерсон, И.А. Лыковой. – Москва : Просвещение, 2024. – 350 с.
9. Кравцов, Г. Игра как основа детского творчества / Г. Кравцов // Искусство в школе – 1994. – №2. – С. 3–8.
10. Кусова, М. Л. Художественно-эстетическое воспитание ребенка дошкольного возраста в процессе ознакомления с произведениями художественной литературы и фольклора / М.Л. Кусова // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 6. – С. 164–169.
11. Лихачев, Б. Т. Педагогика : курс лекций / Б.Т. Лихачев; под ред. В.А. Сластенина. — Москва : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. — 647 с.
12. Лыкова, И. А. Цветные ладошки : парциальная программа художественно-эстетического развития детей 2–7 лет / И.А. Лыкова. – Москва : ИД «Цветной мир», 2018. – 144 с.
13. Матизен, В. Ролан Быков: «Великий и ужасный» на Чистых прудах / В.Матизен // Искусство кино : [сайт]. – 1998. – № 5. – URL: <http://old.kinoart.ru/archive/1998/05/n5-article17> (дата обращения 01.10.2024).
14. Мелик-Пашаев, А. А. Трансформация детской игры в художественное творчество / А.А. Мелик-Пашаев, З.Н. Новлянская // Искусство в школе. – 1994. – № 2. – С. 9–18.
15. Народное искусство в воспитании детей : книга для педагогов дошкольных учреждений, учителей начальных классов, руководителей художественных студий / под редакцией Т.С. Комаровой. – Москва : Рос. пед. агентство, 1997. – 205 с.
16. Овчинникова, А. Ж. Реализация модели ноосферно-эстетического воспитания младших школьников средствами региональной культуры / А.Ж. Овчинникова, В.В. Абрамова, Т.А. Соловьева, И.М. Витковская И.М. : материалы VI Международного форума по педагогическому образованию : [сайт]. – ARPHA. – 2020. – № 3. – С. 1911–1923. <https://doi.org/10.3897/ap.2.e1911>.
17. От рождения до школы : инновационная программа дошкольного образования / под ред. Н.Е. Вераксы, Т.С. Комаровой, Э.М. Дорофеевой. – Музыка : Мозаика-Синтез, 2019. – 336 с.

18. Полковникова, Н. Б. Материнская колыбельная в позитивной социализации ребенка / Н.Б. Полковникова, Л.А. Дмитриенко // Дошкольное воспитание. – 2022. – № 12. – С. 17–23.
19. Радынова, О.П. Музыкальные шедевры. Авторская программа и методические рекомендации / О.П. Радынова. – Москва : Издательство: «Гном и Д», 2000. – 80 с.
20. Развитие : примерная образовательная программа дошкольного образования / Л.А. Венгер, О.М. Дьяченко и др. – Москва : НОУ «УЦ им. Л.А. Венгера «РАЗВИТИЕ», 2015. – 168 с.
21. Раздобарина, Л. Творчество народов мира / Л. Раздобарина // Искусство в школе. – 2020. – № 2. – С. 44–45.
22. Сабина, С. В. Детские школы искусств в современной системе образования : традиции и поиски направлений деятельности / С.В. Сабина // Поволжский педагогический вестник. – 2015. – № 4 (9). – С. 191–195.
23. Саутиева, Ф. Б. Народное творчество как фактор эстетического воспитания / Ф.Б. Саутиева // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 1(80). – С. 47–48.
24. Скопцова, Т. В. Значение народного искусства в воспитании детей / Т.В. Скопцова // Педагогическое образование и наука. – 2021. – № 4. – С. 52–54.
25. Стерхова, Н. С. Эстетическое воспитание как философский и психолого-педагогический феномен / Н.С. Стерхова // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 10. – С. 30–34.
26. Стоянова, Г. И. Глобализация и национальный фольклор / Г.И. Стоянова // Учитель музыки. От Орфея до диджея : избранные статьи. – София : Издательство «Авангард Прима», 2016. – С. 61–66.
27. Стоянова, Г. И. Опыт содружества «Дарование Орфея» в Болгарии / Г.И. Стоянова // Учитель музыки. От Орфея до диджея : избранные статьи. – София : Издательство «Авангард Прима», 2016. – С. 47–51.
28. Творчество : программа художественно-эстетического воспитания и развития детей в детском саду / А.И. Смоляр, В.П. Юрикова и др.; под редакцией А.И. Смоляр. – Самара : Изд-во СамГПУ, 1998. – 92 с.
29. Тютюнникова, Т. Э. Музыка детства. Ремесло и искусство педагога. Концептуальные основы музыкального воспитания / Т.Э. Тютюнникова. – Москва : Просвещение, 2023. – 79 с.
30. Ульвик, М. Продвижение эстетических ценностей в образовании / М. Ульвик // *Frontiers in Education*. 2020. – №5 (34). <https://doi.org/10.3389/educ.2020.00034>
31. Художественно-эстетическое развитие ребенка в дошкольном детстве. Методические рекомендации / О.П. Радынова, Т.А. Копцева. – Москва : Дрофа, 2014. – 384 с.
32. Шафигулина, Л. Р. Роль конкурсов и фестивалей в воспроизводстве народной музыкальной и танцевальной культур / Л.Р. Шафигулина // Карельский научный журнал. – 2013. – № 4(5). – С. 119–121.

ARTISTIC AND AESTHETIC EDUCATION OF CHILDREN BY MEANS OF FOLK ART: ISSUES OF CONTENT AND METHODS

© 2024 A.I. Smolyar, S.G. Zogol

Antonina I. Smolyar, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of The Music Department

E-mail: smol_53@mail.ru

Svetlana G. Zogol, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of The Music Department

E-mail: szogol@yandex.ru

Samara State University of Social Sciences and Education

Samara, Russia

The authors substantiate the relevance, significance of artistic and aesthetic education of children using folk art from an early age, in particular, in children's educational institutions; specify the scientific content of the concept of «artistic and aesthetic education in a preschool educational institution», defining it as an integral pedagogical process, organized into a single system that meets the requirements for the inclusion of children in the artistic culture of their people and society as a whole, the harmonious development of children and the development of their aesthetic attitude to reality; present the content of artistic and aesthetic education using folk art through an analysis of programs implemented in preschool educational institutions of the Russian Federation and an appeal to the professional magazine «Preschool Education». The article presents a proven author's program «Creativity», the purpose of which is the artistic and aesthetic education of children through the means of folk art in a preschool educational institution. Focusing on the fact that the content of preschooler education is focused on folk traditions and folk art, the authors give a general description of the program, substantiate the principles of its construction, and the methodological strategy for conducting classes in a preschool educational institution. The authors developed and proposed the content of an elective course as a means of preparing students of a pedagogical university to implement the tasks of artistic and aesthetic education in a preschool educational institution through the means of folk art, as well as the «Creativity» program.

Key words: artistic and aesthetic education of children in preschool educational institutions; folk art; program; elective course, future teacher

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-24-32

EDN: MLQJUA

1. Detstvo: kompleksnaya obrazovatel'naya programma doshkol'nogo obrazovaniya (Childhood: a comprehensive educational program for preschool education) / T.I. Babaeva, T.A. Berezina, O.V. Akulova. – Sankt-Peterburg, Detstvo-Press, 2019. – 352 s.
2. Ivanova, I. G. Hudozhestvenno-esteticheskoe vospitanie detej v usloviyah predshkol'nogo obrazovaniya (Artistic and aesthetic education of children in preschool education) / I.G. Ivanova // *Obrazovanie i samorazvitie*. – 2010. – № 6(22). – S. 144–148.
3. Istoki : primernaya obrazovatel'naya programma doshkol'nogo obrazovaniya (Origins: a sample educational program for preschool education) / L.A. Paramonova, T.I. Alieva, T.V. Antonova i dr. – 5-e izd. – Moskva : TC Sfera, 2014. – 161 s.
4. Kagan, M. S. Esteticheskoe i hudozhestvennoe vospitanie v razvitom socialisticheskom obshchestve (Aesthetic and artistic education in a developed socialist society) / M.S. Kagan. – Leningrad : Znanie, 1984 – 32 s.
5. Kaplunova, I. M. Ladushki : programma po muzykal'nomu vospitaniju detej doshkol'nogo vozrasta (Ladushki: program for musical education of preschool children) / I.M. Kaplunova, I.A. Novoskol'ceva – Sankt-Peterburg : Nevskaya nota, 2021. – 144 s.
6. Kiyashchenko, N. I. Voprosy formirovaniya sistemy esteticheskogo vospitaniya v SSSR (Issues of forming a system of aesthetic education in the USSR) / N.I. Kiyashchenko. – Moskva : Iskustvo, 1971. – 159 s.
7. Kolysheva, T. A. Pozitivnoe materinstvo: kolybel'naya pesnya i mir zvukov rebenka do rozhdeniya (Positive motherhood: a lullaby and the world of sounds of a child before birth) / T.A. Kolysheva // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. – 2011. – T. 13, № 2-1. – S. 226–229.
8. Kompleksnaya obrazovatel'naya programma doshkol'nogo obrazovaniya «Mir otkrytij» (Comprehensive educational program for preschool education «World of Discovery») / pod red. L.G. Peterson, I.A. Lykovej. – Moskva : Prosveshchenie, 2024. – 350 s.
9. Kravcov, G. Igra kak osnova detskogo tvorchestva (Play as the basis of children's creativity) / G. Kravcov // *Iskusstvo v shkole* – 1994. – №2. – S. 3–8.
10. Kusova, M. L. Hudozhestvenno-esteticheskoe vospitanie rebenka doshkol'nogo vozrasta v processe oznakomleniya s proizvedeniyami hudozhestvennoj literatury i fol'klora (Artistic and aesthetic education of a preschool child in the process of familiarization with works of fiction and folklore) / M.L. Kusova // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. – 2012. – № 6. – S. 164–169.
11. Lihachev, B. T. Pedagogika : kurs lekcij (Pedagogy: course of lectures) / B.T. Lihachev; pod red. V.A. Slastenina. – Moskva : Gumanitar. izd. centr VLADOS, 2010. – 647 s.
12. Lykova, I. A. Cvetnye ladushki : parcial'naya programma hudozhestvenno-esteticheskogo razvitiya detej 2–7 let (Colored palms: a partial program for the artistic and aesthetic development of children 2–7 years old) / I.A. Lykova. – Moskva : ID «Cvetnoj mir», 2018. – 144 s.
13. Matizen, V. Rolan Bykov: «Velikij i uzhasnyj» na Chistykh prudah (Rolan Bykov: «The Great and Terrible» at Chistye Prudy) / V.Matizen // *Iskusstvo kino* : [sajt]. – 1998. – № 5. – URL: <http://old.kinoart.ru/archive/1998/05/n5-article17> (data obrashcheniya 01.10.2024).
14. Melik-Pashaev, A. A. Transformaciya detskoj igry v hudozhestvennoe tvorchestvo (Transformation of children's play into artistic creativity) / A.A. Melik-Pashaev, Z.N. Novlyanskaya // *Iskusstvo v shkole*. – 1994. – № 2. – S. 9–18.
15. Narodnoe iskustvo v vospitanii detej : kniga dlya pedagogov doshkol'nyh uchrezhdenij, uchitelej nachal'nyh klassov, rukovoditelej hudozhestvennyh studij (Folk art in raising children: a book for preschool teachers, primary school teachers, directors of art studios) / pod redakciej T.S. Komarovej. – Moskva : Ros. ped. agentstvo, 1997. – 205 s.
16. Ovchinnikova, A. Zh. Implementation of the Model of Noosphere-Aesthetic Education of Primary School Students by Means of Regional Culture / A.ZH. Ovchinnikova, V.V. Abramova, T.A. Solov'eva, I.M. Vitkovskaya I.M. // *ARPHA Proceedings 3: VI International Forum on Teacher Education*. – 2020. – № 3. – S. 1911–1923. <https://doi.org/10.3897/ap.2.e1911>.
17. Ot rozhdeniya do shkoly : innovacionnaya programma doshkol'nogo obrazovaniya (From birth to school: innovative preschool education program) / pod red. N.E. Veraksy, T.S. Komarovej, E.M. Dorofeevoj. – Muzyka : Mozaika-Sintez, 2019. – 336 s.
18. Polkovnikova, N. B. Materinskaya kolybel'naya v pozitivnoj socializacii rebenka (Mother's lullaby in the positive socialization of the child) / N.B. Polkovnikova, L.A. Dmitrienko // *Doshkol'noe vospitanie*. – 2022. – № 12. – S. 17–23.
19. Radynova, O. P. Muzykal'nye shedevry. Avtorskaya programma i metodicheskie rekomendacii (Musical masterpieces. Author's program and methodological recommendations) / O.P. Radynova. – Moskva : Izdatel'stvo: «Gnom i D», 2000. – 80 s.

20. Razvitie : primernaya obrazovatel'naya programma doshkol'nogo obrazovaniya (Development: exemplary educational program for preschool education) / L.A. Venger, O.M. D'yachenko i dr. – Moskva : NOU «UC im. L.A. Vengera «RAZVITIE», 2015. – 168 s.
21. Razdobarina, L. Tvorchestvo narodov mira (Creativity of the peoples of the world) / L. Razdobarina // *Iskusstvo v shkole*. – 2020. – № 2. – S. 44–45.
22. Sabina, S. V. Detskie shkoly iskusstv v sovremennoj sisteme obrazovaniya : tradicii i poiski napravlenij deyatel'nosti (Children's art schools in the modern education system: traditions and searches for areas of activity) / S.V. Sabina // *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik*. – 2015. – № 4 (9). – S. 191–195.
23. Sautieva, F. B. Narodnoe tvorчество kak faktor esteticheskogo vospitaniya (Folk art as a factor in aesthetic education) / F.B. Sautieva // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. – 2020. – № 1(80). – S. 47–48.
24. Skopcova, T.V. Znachenie narodnogo iskusstva v vospitanii detej (The importance of folk art in raising children) / T.V. Skopcova // *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*. – 2021. – № 4. – S. 52–54.
25. Sterhova, N. S. Esteticheskoe vospitanie kak filosofskij i psihologo-pedagogicheskij fenomen (Aesthetic education as a philosophical and psychological-pedagogical phenomenon) / N.S. Sterhova // *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*. – 2010. – № 10. – S. 30–34.
26. Stoyanova, G. I. Globalizaciya i nacional'nyj fol'klor (Globalization and national folklore) / G.I. Stoyanova // *Uchitel' muzyki. Ot Orfeya do di-dzheya : izbrannye stat'i*. – Sofiya : Izdatel'stvo «Avangard Prima», 2016. – S. 61–66.
27. Stoyanova, G. I. Opyt sodruzhestva «Darovanie Orfeya» v Bolgarii (Experience of the «Gifting of Orpheus» community in Bulgaria) / G.I. Stoyanova // *Uchitel' muzyki. Ot Orfeya do di-dzheya : izbrannye stat'i*. – Sofiya : Izdatel'stvo «Avangard Prima», 2016. – S. 47–51.
28. Tvorчество : programma hudozhestvenno-esteticheskogo vospitaniya i razvitiya detej v detskom sadu (Creativity: a program of artistic and aesthetic education and development of children in kindergarten) / A.I. Smolyar, V.P. Yurikova i dr.; pod redakciej A.I. Smolyar. – Samara : Izd-vo SamGPU, 1998. – 92 s.
29. Tyutyunnikova, T. E. Muzyka detstva. Remeslo i iskusstvo pedagoga. Konceptual'nye osnovy muzykal'nogo vospitaniya (Music of childhood. The craft and art of a teacher. Conceptual foundations of music education) / T.E. Tyutyunnikova. – Moskva : Prosveshchenie, 2023. – 79 s.
30. Ulvik, M. Promoting Aesthetical Values to Education / M. Ul'vik // *Frontiers in Education*. 2020. – №5 (34). <https://doi.org/10.3389/feduc.2020.00034>
31. Hudozhestvenno-esteticheskoe razvitie rebenka v doshkol'nom detstve. Metodicheskie rekomendacii (Artistic and aesthetic development of a child in preschool childhood. Methodical recommendations) / O.P. Radynova, T.A. Kopceva. – Moskva : Drofa, 2014. – 384 s.
32. Shafigullina, L. R. Rol' konkursov i festivalej v vosproizvodstve narodnoj muzykal'noj i tanceval'noj kul'tur (The role of competitions and festivals in the reproduction of folk music and dance cultures) / L.R. Shafigullina // *Karel'skij nauchnyj zhurnal*. – 2013. – № 4(5). – S. 119–121.

УДК 378.4 :821.161.1 (Университеты / Русская литература)

КОМПАРАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А.Н. НИКОЛЮКИНА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА

© 2024 Е.С. Шевченко

*Шевченко Екатерина Сергеевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью*

E-mail: e.shevchenko@ssau.ru

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 04.10.2024

Цель статьи состоит в анализе перспективы включения историко- и теоретико-литературных работ А.Н. Николюкина в образовательный процесс. Отмечается, что традиционно в профессиональной подготовке филолога-бакалавра два основных историко-литературных курса – «История русской литературы» и «История мировой литературы» – изучаются обособленно друг от друга, в связи с чем вузовский преподаватель сталкивается с трудностями в обучении студентов умению обнаруживать преемственные связи и иные отношения между национальными литературами и определять значение этих связей. Устанавливается, что научное наследие А.Н. Николюкина, пронизанное идеей взаимодействия национальных литератур и единства литературного процесса, может быть востребовано в профессиональной подготовке как филолога-русиста, так и филолога-германиста. Дается обзор ряда научных исследований А.Н. Николюкина, а также его дневника, написанного в годы Великой Отечественной войны, где прослеживается обмен памятью и преемственность поколений, столь важные для обеспечения аксиологического подхода в науках о человеке. В заключение делается вывод о том, что гуманитарное наследие А.Н. Николюкина формирует у молодого читателя историзм мышления и эмпатию, поскольку, помимо собственно научной и документальной ценности, оно обладает глубоким общечеловеческим смыслом и дидактическим потенциалом.

Ключевые слова: Александр Николаевич Николюкин, русская литература, литературный процесс, сравнительно-историческое литературоведение, обучение студента-филолога, дидактика

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-33-40

EDN: MZIABK

Введение. Основные результаты предлагаемого исследования были представлены в форме доклада на II Международной научной конференции «Традиция в литературе и искусстве», посвященной выдающемуся ученому Александру Николаевичу Николюкину, 6 июня 2024 г., в знаменательный для всей русской культуры и нашего общества день – день рождения великого русского национального поэта Александра Сергеевича Пушкина. При рассмотрении возможностей использования компаративного подхода в образовании студентов-филологов учитывался опыт преподавания литературоведческих дисциплин в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева (Самарский университет).

Методы исследования: биографический, описательно-функциональный и сравнительно-исторический; помимо этого сама методология науки о литературе стала в данной работе объектом научной рефлексии.

История вопроса. Книги А.Н. Николюкина устроены таким образом, что за ними непременно проступает личность создателя, его судьба, и складывается впечатление, что этого человека знал лично. И этот эффект, производимый его работами на читателей, в особенности, когда речь идет о молодых читателях –исследователях, студентах, особенно важен.

Преподавание литературы, как и других гуманитарных дисциплин, связано с миропониманием и системой ценностей, и оно должно формировать эмпатию у студентов, чувство сопричастности. Недостаток личного общения очень остро был прочувствован всеми в пандемию коронавируса. В вынужденной изоляции и переходе на дистанционный формат обучения был один существенный положительный момент – цифровые технологии в сфере образования и науки стали использоваться более активно. То, что сегодня многие конференции, включая и названную, проходят в смешанном формате

(офлайн и онлайн), явилось следствием ограничений на живую коммуникацию во время пандемии, и это, безусловно, благо (под «благом» имеются в виду не ограничения, конечно, а смешанный формат). Однако негативные последствия у этих ограничений в системе высшего образования тоже были. И в первую очередь – недостаток личного общения лектора и студентов, отсутствие живой, непосредственной заинтересованности в предмете изучения, причем «непосредственной» в прямом смысле слова – без «посредников» в виде монитора компьютера или мобильного устройства.

Изменившаяся социальная реальность убеждает, что в гуманитарных науках и образовании без чуткости, душевной отзывчивости и активной личной вовлеченности не обойтись, причем это чувство чего-то очень важного, значительного, в студентах необходимо возвращать, культивировать. Совершая экскурс в XIX в., можно вспомнить послание Тимофея Николаевича Грановского Ивану Сергеевичу Тургеневу, которое Т.Н. Грановский вклеил перед титулом томика сочинений Шекспира, подаренного И.С. Тургеневу в 1838 г., в Германии: «Со страхом... и верою приступите...» [13, с.325]. Этот обряд посвящения И.С. Тургенева в «шекспирианцы» имел символическое значение. Т.Н. Грановский не был учителем И.С. Тургенева в строгом смысле этого слова, был старшим товарищем (когда И.С. Тургенев был младшекурсником, Т.Н. Грановский уже заканчивал Московский университет). И это был своего рода символический жест со стороны Т.Н. Грановского. Подобного рода символические жесты в процессе преподавания литературоведческих дисциплин необходимы. Эмпатия, которая при этом возникает, облегчает запоминание, делает его не тягостным, а приятным, формирует желание учиться, жажду открытий и познания. Научные труды А.Н. Николюкина способны эту эмпатию у того, кто к ним обращается, и вызвать, и сформировать.

И еще один важный вопрос представляется актуальным в современной высшей школе. В настоящее время особенно остро ощущается потребность в историческом мышлении и формировании его у студента. Те вызовы, перед которыми сегодня оказалась наша страна, требуют незамедлительного и в то же время вдумчивого и осознанного ответа на них. Гуманитарное образование, как никакое другое, нуждается в политике памяти, противостоящей беспамятству и постправде, – если перефразировать древних и

самого Александра Николаевича, в своем «гении места» [8, с.6]. Поиски сходств и различий, предпосылок и следствий, установление природы различных явлений и динамики их преобразования, выявление общего и особенного в общественном и литературном развитии разных стран – все эти вопросы продолжают оставаться актуальными задачами литературоведения, как десятилетия, даже столетия, назад. И компаративный подход, который длительное время формировался в отечественной науке, может внести в этот процесс «прививания» памяти неоценимый вклад. В одной из последних работ, опубликованных Александром Николаевичем в соавторстве с И.В. Логвиновой, прослеживаются история и становление сравнительно-исторической модели в трудах М.П. Погодина и его ученика С.П. Шевырёва, «который еще в 1831 г. предвосхитил А.Н. Веселовского, подхватившего и развившего идею исторического метода в литературоведении» [6, с.113].

Результаты исследования. Студенты-филологи с самого первого дня своего пребывания в университете сталкиваются с необходимостью применения компаративного подхода. Изучение литературы связано с осознанием того, что литературные явления не существуют обособленно, что они возникают в потоке других явлений – близких или далеких – и между ними возникают точки соприкосновения или отталкивания, которые не всегда очевидны современникам, но которые необходимо уметь видеть, распознавать на значительном расстоянии от объекта наблюдения, на временной дистанции. Академические работы А.Н. Николюкина способны научить выработке научной методологии и умению ее применять к конкретным литературным явлениям.

В образовании студентов-филологов центральное место занимают историко-литературный курсы по русской и зарубежной (мировой) литературе. Историко-литературные курсы воспринимаются студентами по преимуществу как некая последовательность, а взаимодействие и связи национальных литератур возникают в их сознании как эпизоды, время от времени, что мешает целостному восприятию литературного процесса. Более того, учебные планы по направлению подготовки «Филология» вплоть до последнего времени строились, например, в Самарском университете таким образом, что появлялись хронологические нестыковки между курсами, и студенты изучали русский романтизм раньше, чем немецкий и английский, что в

ситуации с конкретным явлением вряд ли можно было считать целесообразным. Не к чему было отсылать студентов, кроме их личного читательского багажа, но не у всех он, к сожалению, был достаточным. Выравнивание и сбалансированность курсов по изучаемым историческим эпохам заметно улучшили ситуацию. Студентам самим любопытно сравнивать, находить точки соприкосновения в русской литературе и литературах зарубежных стран. Обращение к работам А.Н. Николюкина, без сомнения, способно качественно изменить ситуацию, помочь студентам не изолированно воспринимать литературные явления, а в богатстве и многообразии связей, учиться сравнивать и соотносить различные историко-культурные и литературно-художественные явления.

Любопытно наблюдать, как мысли студентов буквально совпадают с тем, о чем писал Александр Николаевич в своих работах. Например, на занятиях по романтическим повестям Александра Бестужева-Марлинского студенты выстраивают параллель с американской романтической повестью Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит», обнаруживая точки схождения и расхождений. И монография «Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка», где прослеживается типология романтической повести в русской и американской литературах (Н.А. Полевого, А.А. Бестужева-Марлинского, А. Погорельского – В. Ирвинга, Н. Готорна, Г. Мелвилла) [12, т. 2, с. 20-72] для самых пытливых и заинтересованных студенческих умов становится настоящим открытием, поскольку студенты убеждаются в правоте собственных догадок и умозаключений, касающихся становления и развития этого жанра в различных национальных литературах.

В свое время подобным открытием стала «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (2001), главным редактором и составителем которой был Александр Николаевич. И сегодня, спустя почти четверть века после выхода, вне всякого сомнения, она не утратила своей актуальности. Относительно небольшая (для подобного рода изданий) по объему, тем не менее, вместившая в себя понятия, которых и в «Краткой литературной энциклопедии» в 8-ми томах (плюс девятый том, дополнительный), не всегда можно найти. Причина академического и методического успеха этого издания кроется, на мой взгляд, в концептуальном подходе. Концепция «Литературной энциклопедии» подкупает сочетанием традиционного и, одновременно, новаторского содержания. Эта энциклопедия и по сей день остается

настойной книгой не только для преподавателей кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, но и для студентов-филологов. Ее в первую очередь рекомендуют им в качестве терминологической базы и при подготовке к экзаменам, и при написании курсовых и выпускных квалификационных работ. При всем разнообразии научных подходов, заявленном в предисловии и осуществленном в самом издании, «Литературную энциклопедию» отличает единство в отношении терминологического аппарата литературоведения, заключающееся в установлении взаимосвязи науки о литературе со смежными областями гуманитарных знаний, такими как философия, эстетика, культурология, лингвистика, социология, и др. Междисциплинарный подход, реализованный в энциклопедии, чрезвычайно важен в современном филологическом образовании и гуманитаристике в целом. При освоении студентами историко-литературных курсов эта энциклопедия может активно использоваться благодаря размещенным в ней терминам и понятиям, прежде отсутствовавшим в русских энциклопедиях и справочниках, в том числе связанным с жанрами, течениями, школами, группами, кружками [5, с.7].

Не менее значимым в образовании студента-филолога является обращение к выпущенной ранее, в конце 1990-х гг., «Литературной энциклопедии русского зарубежья» [4], главным редактором которой также выступил Александр Николаевич. Энциклопедия позволяет студентам окунуться в жизнь русской диаспоры первой волны эмиграции, проследить ее связи с метрополией. И в изучении курса «Литература русского зарубежья» энциклопедия русского зарубежья способна стать полноценным источником информации по самому, пожалуй, значительному периоду русской эмиграции – ее первой волне. Здесь представлены и персоналии, и статьи о литературных центрах и периодических изданиях, и статьи о важнейших книгах прозаиков, поэтов, критиков и мемуаристов русского зарубежья «первой волны» эмиграции, что очень и очень ценно при изучении этого феномена русской культуры. Кроме того, ценность «Литературной энциклопедии русского зарубежья» заключается еще и в обширном списке ссылок на различные библиографические и справочные издания, что, с одной стороны, значительно облегчает студентам поиски необходимой научной и критической литературы, а с другой – учит ответственному обращению с источниками и с историко-литературными фактами.

Формат обеих литературных энциклопедии – и «Литературной энциклопедии русского зарубежья», и «Литературной энциклопедии терминов и понятий» – таков, что делает их настольными книгами каждого студента, – и самого дотошного, привыкшего читать долго и много, и не столь погруженного или только погружающегося в чтение. Созданные коллективами авторов, они востребованы в образовательном процессе благодаря компаративному подходу, который заложен в их основу главным редактором – А.Н. Николюкиным.

Собственные научные труды Александра Николаевича дают поистине эпический масштаб видения русской и зарубежной литературы, сближают далекие литературные явления, которые в сознании студентов никоим образом не связаны или связаны мало: Ф.М. Достоевского и У. Фолкнера, И.С. Тургенева и Г. Бичер-Стоу и многих, многих других. Книги «Американский романтизм и современность» (1968), «Литературные связи России и США: Становление литературных контактов» (1981), «Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка» (1987), «Человек выстоит: Реализм Фолкнера» (1988) создавались в годы застоя и последовавшей за ними перестройки, т. е. в очень разные по духу и идеологическим установкам времена, которые студентами воспринимаются как что-то далекое от них (они в те времена не жили и чувства сопричастности у них, по понятным причинам, не возникает), однако, несмотря на это, в современных социально-политических условиях, в ситуации искусственного разрыва межкультурных связей и отношений, едва ли не повсеместной отмены русской культуры эти книги звучат особенно остро и актуально, благодаря чему у молодых исследователей, обращающихся к ним, появляется чувство сопричастности разным временам и культурам, осознание их непрерывности и неповторимости. Мы их включаем в списки научной литературы по изучаемым дисциплинам и обращаемся к ним на практических занятиях при анализе конкретных художественных текстов. Особое внимание в работах Александра Николаевича уделено нравственным исканиям русских писателей [10], подчеркнуто значение этих исканий для других национальных литератур и культур [11], что также приобретает особую актуальность и значимость в переживаемом нами историческом моменте. Обращает на себя внимание значимость в исследованиях Александра Николаевича того, что принято называть

«литературными фактами». Прочная фактологическая основа его работ также учит студентов исходить прежде всего не из собственных догадок и предположений или литературоведческих работ, а опираться на словари, справочники, документы эпохи [15]. «Насыщенность его сочинений “литературными фактами” вызывает искреннее уважение, – отмечает В.М. Толмачёв, – их много, и ими можно пользоваться самостоятельно или искать благодаря указанным источникам цитирования аналогичные» [18, с.213]. Именно в таком методологическом ключе создано большинство его работ, например, работы, посвященные «писателю нетрадиционного мышления» В.В. Розанову [7, с.3].

Конечно, и в самарской научной школе были и остаются ученые, масштаб личности и научных поисков которых впечатляет. И мы помним о них и постоянно обращаемся не только к их академическому наследию, но и к человеческому опыту. Н.Т. Пахсарьян мемориальную статью об А.Н. Николюкине назвала «Человек-оркестр». На филологическом факультете Самарского университета был свой «человек-оркестр» – Владислав Петрович Скобелев, принадлежащий к тому же поколению, что и Александр Николаевич, «гений места» которого также связан с Воронежем (только А.Н. Николюкин родом оттуда, а Владислав Петрович Скобелев спустя некоторое время после окончания аспирантуры в ИМЛИ около 18 лет жил и преподавал в Воронежском государственном университете, а потом уже вернулся на свою родину в Куйбышев, как тогда назывался наш город). Мы помним о нашем учителе и основателе кафедры литературы Куйбышевского (впоследствии ставшего Самарским) университета профессоре Льве Адольфовиче Финке. И мы постоянно в образовательный процесс вводим их научные труды, посвященные как теоретико-литературным [16], [17], так и историко-литературным проблемам [19], тем самым сохраняя верность традициям, бережем память о них.

Сегодня запрос на обращение к прошлому переживается особенно остро. Необходим тот «обмен памятью», о котором Александр Николаевич писал в сборнике научных трудов «Гений места и русская литература» (2018). В «Гении места» прослеживается связь русской классической литературы с местом и временем, и тонкой нитью в текст сборника вплетается военный дневник 1942 г., замыкая в единое целое текст русской литературы и личный текст [8, с.297-383].

Работам А.Н. Николукина свойственна фактографическая точность. На это обращает внимание исследователь В.М. Толмачёв: «Как и все гумани- тари, А.Н. Николукин был человеком своего времени. В его случае это коснулось в целом по- зитивистских принципов работы. Его сравни- тельно мало интересовали «тщательное чтение» художественного текста, красота интерпретации, а также общая проблематика (за исключением, пожалуй, периодизации романтизма в США)» [18, с.219]. Представляется, что данная мысль В.М. Толмачёва о нуждается в уточнении и развитии: «позитивистский» подход к исследуемому мате- риалу проявился в историзме мышления А.Н. Ни- колукина, в его стремлении соотнести литера- туру с объективным ходом времени, конкрет- ными обстоятельствами возникновения того или иного литературного явления. Для студентов-ма- гистрантов работы А.Н. Николукина могут быть полезны именно как лаборатория научного труда. В магистерской программе «История и тео- рия литературы» Самарского университета в рам- ках дисциплины «Научный семинар» исследова- ния А.Н. Николукина рассматриваются и по- дробно анализируются именно в таком качестве.

Обмен памятью и преемственность поколений прослеживается во многих сочинениях Алек- сандра Николаевича, включая небольшую работу, опубликованную в «Литературном журнале» в 2020 г., на которой мне бы хотелось остановиться особо. Это статья «“Легкое дыхание” Бунина и Лара Пастернака». Даже на таком небольшом в масштабах всей русской литературы временном отрезке прослеживается типология образа, уста- навливается связь двух очень разных русских пи- сателей – И.А. Бунина и Б.Л. Пастернака – через образ «легкого дыхания». Более того, в орбиту ав- торских размышлений втягивается и классиче- ская русская литература XIX века – романы «Евге- ний Онегин» А.С. Пушкина и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого.

Это статья-зарисовка, которая может привле- каться при анализе текста рассказа И.А.Бунина на курсах по истории русской литературы или по практической поэтике, наряду с работами других исследователей – от классической работы Л.С. Выготского о «Легком дыхании» [1] до отно- сительно недавних работ С.Н. Зенкина «Перегля- дывающиеся портреты (Бунин)» [2] и «*Imagoinfabula*: Интрадиетический образ в ли- тературе и кино» [3]. На занятиях по «Практиче- ской поэтике» и «Введению в литературоведение» очень удобно брать небольшой по объему текст рассказа И.А. Бунина и на его примере показы- вать разные исследовательские подходы к од- ному произведению – от психологии восприятия у Л.С. Выготского, завязанной на преодолении фабулы сюжетом, до прослеживания интермеди- альных связей у С.Н. Зенкина, связанных с тем, как другие искусства, в частности живопись, влия- ют на сюжет. Статья Александра Николаевича выделяется среди них как очень личный текст. И сегодня этого «личного текста», «личного выска- зывания» студентам очень не хватает. Порой увлеченные формально-логическими построени- ями и преподаватели, и студенты забывают о главном в литературе – о человеке. В работах А.Н. Николукина на первом плане оказывается обще- человеческий – и в то же самое время очень лич- ный – подход. Это обнаруживает даже такая ма-ленькая по объему работа, как рассматриваемая статья о И.А. Буине и Б.Л. Пастернаке. В самом начале статьи, когда обозначается тема «легкого дыхания» в русской литературе, как бы между де- лом, автор упоминает следующее:

«В русской литературе существует определен- ная эволюция женских образов. Эта особенность обнаруживается, в частности, при сопоставлении пушкинской Татьяны с Анной Карениной. Тат-ьяна остановилась на принципе:

Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

Анна Каренина имела смелость пойти дальше этого принципа, что, впрочем, дало право моей внучке, когда она прочитала роман, сказать, что единственно приличный человек там – сам Каре-нин. Образ замужней женщины претерпел эво-люцию, и за это Толстой наказал Анну, бросив ее под поезд» [9, с.50]. В этом высказывании

молодой задор и безапелляционность суждения внучки ученого, в которых студент, возможно, узнает себя самого. А за пределами этого выска- зывания – легкая ирония автора статьи, как будто бы случайно оброненная фраза о том, как Л.Н. Толстой «наказал» Анну. И такие незаметные фразы мгновенно сокращают дистанцию между

автором и предполагаемым молодым читателем – студентом филологического факультета и устанавливают доверительный контакт между трудом ученого и учеником, на которого этот труд направлен. Авторская ирония, сопровождающая эти слова (тяжесть преступления, совершенного Анной, меркнет перед наказанием, учиненным над героиней автором), помогает почувствовать и осознать недопустимость безапелляционных суждений о литературе, побуждает к вдумчивому, осознанному и в то же время глубоко личному к ней отношению, – формированию собственного, основанного на знании и профессионализме, высказывания о литературе.

Не вызывает сомнения утверждение о том, что точно так же, как за писателя говорят его книги, за ученого говорят его научные труды. Однако не

менее важной величиной в науке является масштаб личности ученого, как в искусстве масштаб личности писателя.

Выводы. Научное наследие А.Н. Николюкина формирует у молодого читателя историзм мышления и эмпатию. Его научные труды содержат масштабный подход ко всему литературному процессу, и в то же время они помогают относиться к литературе и литературному процессу внимательно и заинтересованно, как к чему-то очень личному и глубоко человеческому. Помимо академической глубины, блестящего профессионализма, широкого охвата материала, труды Александра Николаевича Николюкина подкупают интересной подачей материала и человеческим обаянием автора.

1. Выготский, Л. С. Психология искусства / Предисл. А.Н. Леонтьева. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
2. Зенкин, С. Н. *Imago in fabula: Интрадиггетический образ в литературе и кино* / Сергей Зенкин. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 624 с.
3. Зенкин, С. Н. Переглядывающиеся портреты («Легкое дыхание» Бунина) // Новое литературное обозрение. – М., 2017. – №4 (146) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/146_nlo_4_2017/article/12604/ (дата обращения: 04.10.2024).
4. Литературная энциклопедия русского зарубежья. – М.: РОССПЭН, 1997–2006. – Т. 1–4.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 стб.
6. Логвинова, И. В., Николюкин, А. Н. Истоки сравнительно-исторической модели в русском литературоведении (М.П. Погодин, С.П. Шевырёв) // Литературоведческий журнал. – 2022. – №4 (58). – С. 113–132. DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.06.
7. Николюкин, А.Н. Василий Васильевич Розанов: (Писатель нетрадиционного мышления). – М.: Знание, 1990. – 64 с.
8. Николюкин, А. Н. Гений места и русская литература: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел литературоведения; Отв. ред. Т.М. Миллионщикова. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – 406 с.
9. Николюкин, А. Н. «Легкое дыхание» Бунина и Лара Пастернака // Литературоведческий журнал. – 2020. – №4 (50). – С. 50–53.
10. Николюкин, А. Н. Наедине с русской классикой. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – 442 с.
11. Николюкин, А. Н. О русской литературе: Теория и история. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – 560 с.
12. Николюкин, А. Н. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: ИНИОН РАН, 2022–2023.
13. Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325.
14. Пахсарьян, Н. Т. Человек-оркестр. Памяти Александра Николаевича Николюкина // Литературоведческий журнал, издательство ИНИОН РАН (М.). – Т. 62, № 4. – С. 198–200. DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.14
15. Розановская энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – 2422 стб.
16. Скобелев, В. П. Поэтика русского романа 1920–1930-х годов: Очерки истории и теории жанра. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. – 150 с.
17. Скобелев, В. П. Системно-субъектный метод в трудах Б.О. Кормана. – Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2003. – 135 с.
18. Толмачёв, В. М. Александр Николаевич Николюкин // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 2023. – № 5. – С. 217–224. DOI:10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-20
19. Финк, Л. А. Драматургия Леонида Леонова. – М.: Советский писатель, 1962. – 352 с.

COMPARATIVE STUDIES BY A.N. NIKOLYUKIN ON RUSSIAN LITERATURE IN THE PROCESS OF EDUCATING A PHILOLOGY STUDENT

© 2024 E.S. Shevchenko

Ekaterina S. Shevchenko, Doctor of Philology,

Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations

E-mail: e.shevchenko@ssau.ru

Samara National Research University

Samara, Russia

The purpose of the article is to analyze the prospects for the inclusion of historical and theoretical literary works by A.N. Nikolyukin in the educational process. It is noted that traditionally, in the professional training of a bachelor's philologist, two main historical and literary courses - "History of Russian Literature" and "History of World Literature" - are studied separately from each other, and therefore a university teacher faces difficulties in teaching students the ability to detect continuity and other relationships between national literatures and determine the meaning of these connections. It is established that the scientific heritage of A.N. Nikolyukin, permeated with the idea of the interaction of national literatures and the unity of the literary process, can be in demand in the professional training of both a Russian philologist and a German philologist. A review is given of a number of scientific studies by A.N. Nikolyukin, as well as his diary written during the Great Patriotic War, which traces the exchange of memory and the continuity of generations.

Keywords: Alexander Nikolaevich Nikolyukin, Russian literature, literary process, comparative historical literary criticism, training a philologist student, didactics

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-33-40

EDN: MZIABK

1. Vygotskij, L. S. Psihologiya iskusstva (Psychology of Art) / Predisl. A.N. Leont'eva. – M.: Iskusstvo, 1986. – 573 s.
2. Zenkin, S. N. Imago in fabula: Intradiegeticheskiy obraz v literature i kino (Imago in fabula: Intradiegetic Image in Literature and Cinema) / Sergej Zenkin. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. – 624 s.
3. Zenkin, S. N. Pereglyadyvayushchiesya portrety («Legkoe dyhanie» Bunina) (Exchanging glances portraits (Bunin's "Light Breathing")) // Novoe literaturnoe obozrenie. – M., 2017. – № 4 (146) [Elektronnyy resurs]. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/146_nlo_4_2017/article/12604/ (data obrashcheniya: 04.10.2024).
4. Literaturnaya enciklopediya russkogo zarubezh'ya (The Literary Encyclopedia of the Russian Abroad). – M.: ROSSPEN, 1997–2006. – T. 1–4.
5. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij (Literary encyclopedia of terms and concepts). – M.: Intelvak, 2001. – 1600 stb.
6. Logvinova, I. V., Nikolyukin A. N. Istoki sravnitel'no-istoricheskoy modeli v russkom literaturovedenii (M.P. Pogodin, S.P. Shevyryov) The Origins of the Comparative Historical model in Russian Literary Studies (M.P. Pogodin, S.P. Shevyrev) // Literaturovedcheskiy zhurnal. – 2022. – № 4 (58). – S. 113–132. DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.06
7. Nikolyukin, A. N. Vasilij Vasil'evich Rozanov: (Pisatel' netraditsionnogo myshleniya) (Vasily Vasilyevich Rozanov: (Writer of unconventional thinking)). – M.: Znanie, 1990. – 64 s.
8. Nikolyukin, A. N. Genij mesta i russkaya literatura: Sbornik nauchnykh trudov (The Genius of the place and Russian literature: A collection of scientific papers) / RAN. INION. Centr gumanitarnykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy. Otdel literaturovedeniya; Otv. red. T.M. Millionshchikova. – M.: INION RAN, 2018. – 406 s.
9. Nikolyukin, A. N. «Legkoe dyhanie» Buninai Lara Pasternaka ("Easy Breathing" by Bunin and Lara by Pasternak) // Literaturovedcheskiy zhurnal. – 2020. – N. 4 (50). – S. 50–53.
10. Nikolyukin, A. N. Naedine s russkoj klassikoj (Alone with the Russian classics). – M.: INION RAN, 2013. – 442 s.
11. Nikolyukin, A. N. O russkoj literature: Teoriya i istoriya (About Russian Literature: Theory and History). – M.: INION RAN, 2003. – 560 s.
12. Nikolyukin, A. N. Sobranie sochinenij: v 4 t. (Collected works: in 4 volumes). – M.: INION RAN, 2022–2023.
13. Orlovskij ob"edinennyj gosudarstvennyj literaturnyj muzej I.S. Turgeneva (Oryol United State Literary Museum of I.S. Turgenev). F. 1. Op. 3. OF. 325.
14. Pahsar'yan, N. T. Chelovek-orkestr. Pamyati Aleksandra Nikolaevicha Nikolyukina (The human orchestra. In memory of Alexander Nikolaevich Nikolyukin) // Literaturovedcheskiy zhurnal, izdatel'stvo INION RAN (M.). – T. 62. – № 4. – S. 198–200. DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.14
15. Rozanovskaya enciklopediya (Rozanov Encyclopedia). – M.: ROSSPEN, 2008. – 2422 stb.
16. Skobelev, V. P. Poetika russkogo romana 1920–1930-h godov: Ocherki istorii i teorii zhanra (The Poetics of the Russian Novel of the 1920s and 1930s: Essays on the history and Theory of the genre). – Samara: Izdatel'stvo «Samarskij universitet», 2001. – 150 s.

17. Skobelev, V. P. Sistemno-sub"ektnyjmetod v trudah B.O. Kormana (The system-subjective method in the works of B.O. Korman). – Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 2003. – 135 s.
18. Tolmachyov, V. M. Aleksandr Nikolaevich Nikolyukin (Alexander Nikolaevich Nikolyukin) // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 9. Filologiya. – 2023. – № 5. – S. 217-224. DOI:10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-20
19. Fink, L. A. Dramaturgiya Leonida Leonova (The dramaturgy of Leonid Leonov). – М.: Sovetskij pisatel', 1962. – 352 s.

УДК 821.161.1 : 004.04 (Русская литература /Ориентация процесса обработки данных)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ПАРСИНГА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА Г.Р. ДЕРЖАВИНА В ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЕ GOOGLE

© 2024 Р.А. Бакиров^{1,2}, А.Р. Нурутдинова³

*Бакиров Ринат Альбертович, кандидат филологических наук,
научный сотрудник Лаборатории цифровых исследований литературы и фольклора
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
доцент кафедры русской литературы и методики ее преподавания КФУ
E-mail: r1nt@ya.ru*

*Нурутдинова Алсу Рафаиловна, кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа
и когнитивной филологии ФИЦ «Казанский научный центр Российской академии наук»
E-mail: Nurutdonovaar@mail.ru*

¹Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург, Россия

²Казанский (Приволжский) федеральный университет

³ Казанский научный центр Российской академии наук
Казань, Россия

Статья поступила в редакцию 07.10.2024

В статье проводится количественное (1702 собранных интернет-ссылки) исследование репрезентации художественного творчества и биографических, социально-политических особенностей личности Г.Р. Державина. Основной акцент сделан на анализе представленности образа писателя в поисковой системе Google. Для решения задачи предложен инструмент на основе библиотек языка Python для парсинга и анализа ресурсов по заданным запросам. Для сбора ключевых контекстов использовались статистические данные сервисов Яндекс Вордстат и Google.Trends. Они продемонстрировали четкую сезонность запросов, связанных с Г.Р. Державиным, что было подтверждено хронологическими данными просмотров страницы писателя в русскоязычной Википедии. Были сформированы ключевые для понимания репрезентации личности и творчества Г.Р. Державина ключевые интернет-контексты (всего - 125), на основе анализа которых парсер вывел наиболее популярные и частотные ссылки-запросы в Google: «Державин читать», «Державин биография», «Державин университет». Среди самых непопулярных: «Державин ода», «Державин посвятил». По некоторым из представленных контекстов ссылок не было. Важным и частотным в Google прозвучал контекст Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Одновременно слабые связи оказались у образа Державина и его государственной службы, которую он сам считал важной частью своей личности. Ссылки и запросы по этой тематической группе представлены минимально.

Ключевые слова: Державин, Google, интернет, репрезентация, рецепция, парсинг, личность, творчество

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-41-50

EDN: PEFFBO

Введение. Вопрос о том, кем является для истории русской литературы и культуры Гавриил Романович Державин, отнюдь не праздный. И важную роль в этой проблеме позиционирования писателя-классика сыграл сам поэт.

История вопроса. Если собственно художественная автобиография Г.Р. Державина хорошо изучена [8], то рецепция его личности и творчества относительно не прояснена, особенно если говорить о современном состоянии этой проблемы.

Результаты исследования. Сам Державин, выстраивая свою биографию, вполне четко позиционировал себя прежде всего как чиновника. Показательна в этом случае даже архитектура державинских «Записок» – по сути, его автобиографии. Основная часть глав-«отделений» в них названо по соотнесенности с периодами в военной или государственной службе автора – см., например: «С рождения его и воспитания по вступление в службу», «Воинская Державина служба до открывшегося в империи возмущения», «С помянутого возмущения по вступление

Державина в статскую службу», «С окончания военной прохождения статской службы в средних чинах по отставку», «С определения его в губернаторы до удаления его от оного звания и возведения в вышние государственные чины и должности», «По отлучении от губернаторства до определения в статс-секретари, а потом в сенаторы и в разные министерские должности» [5]. Одновременно сохранялась безусловная связь биографии и сочинений поэта, «с определенного времени уже сам Державин склонен был рассматривать свою жизнь и творчество не просто как параллельно сосуществующие сферы своего Бытия, а как два постоянно взаимосвязанных мира» [10, с. 461]. Дальнейшие преобразования образа Г.Д. Державина и в массовом сознании, и в конкретных научных и художественных рецепциях, в текстах Я.К. Грота, В.Ф. Ходасевича, Ю.О. Домбровского, Запашова и пр. так или иначе далеко от этой модели не отходили. Единство социально-политического и творческого облика поэта в системе писателей XVIII в. дополнительно подтверждается и при рассмотрении его места в истории русской литературы этого периода, с точки зрения сетевого анализа датасетов на базе корпусов текстов соответствующих словарей [9; 2].

Между тем проведенные относительно недавно социологические исследования показывают, что глубинных знаний о Г.Д. Державине в массовом сознании практически нет. К примеру, лишь около 1% из опрошенных школьников смогли назвать хоть одно произведение одного из крупнейших русских поэтов и, как итог, – «многие сегодня знают, что был такой поэт — Державин, но привести хоть несколько его строк способны уже очень немногие» [11, с. 104]. Ситуация с Державиным в этом случае схожа со случаем М.В. Ломоносова. Оба писателя уходят в «тень русской литературы» уже в первой половине XIX в. [7, с. 653], актуализируясь лишь как пусть и уважаемые, но все же довольно условные памятники литературы прошлого столетия.

Методы исследования. Если говорить уже непосредственно о современном состоянии рецепции образа Г.Д. Державина, то наиболее достоверным средством оценки популярности/неизвестности писателя представляется анализ интернет-источников, которые «заставляют людей признать то, что они не признают больше нигде» [12, с. 138]. В данном случае нами предложена реализация инструмента сбора и анализа ссылок по данным писателя в поисковых системах с возможностью

идентификации характера информационного ресурса на основе библиотек языка Python для сбора, обработки и интеллектуального анализа данных. Предлагается методика анализа интернет-источников о писателе, в нашем случае – о Г.Д. Державине, с использованием инструментов автоматизированного извлечения информации из нескольких типов поисковых систем. Рассмотрим основные этапы поставленной задачи.

1. Формирование словаря биграмм и триграмм U релевантных возможных комбинаций для запросов $U =$ [«Державин поэт», «Гавриил Державин», «Державин ода» и пр.).
2. Сбор ссылок для каждого элемента словаря U .
3. Анализ полученного массива данных, очистка, преобразование и рейтингование.

Самодписный парсер для получения контента каждого из ресурсов из списка URL адресов пробегает по каждой ссылке, собирая код каждой страницы. Был разработан пакет таких функций для каждой из поисковых систем: Yandex, Google, Sputnik и др. Каждая функция использует для парсинга две библиотеки: BeautifulSoup и request. Данные пакет позволяют получить список URL адресов каждого из источников в случае хотя бы одного вхождения запроса в контент ресурса. Результаты парсинга консолидируются в виде таблицы со ссылками с группировкой по типу запроса и поисковой системы. Их можно выгрузить в виде электронной таблицы. Для первичного анализа использовались сервисы wordstat.yandex.ru [3] и trends.google.ru [4]. Также были привлечены данные анализа именной страницы о Г.Д. Державине на Википедии [6]. Многие запросы и тематические группы на этих ресурсах представлены по-разному, с использованием синонимов и поэтому не попадают в общую статистику. Разовые запросы не попадают ни в одни системы статистики. Тем не менее эти площадки дают наиболее адекватный результат по интересующей нас теме и могут быть использованы для формирования на первом этапе релевантного списка ключевых контекстов (пример подобной работы с дополнительной кластеризацией ссылок см. [1]). Однако так как количество таких запросов может быть достаточно большим, то использование этих инструментов становится нецелесообразным. Для получения полной информации, во-первых, необходимо сгенерировать этот массив возможных релевантных запросов, получить

результаты возможных поисковых систем с учетом пересечений по ресурсам, а для более глубокого анализа контента необходимо собрать данные из найденных ресурсов. Для решения этой задачи предложен инструмент, представляющий собой ноутбук [13] на основе библиотек языка Python для парсинга и анализа ресурсов по заданным запросам. Ноутбук можно запустить в Google Colab, которая является бесплатной средой для разработки и выполнения программного кода в облаке. Сам инструмент сбора ссылок на ресурсы является универсальным и позволяет обработать любой список запросов и выбрать поисковые системы, необходимые для анализа. Список запросов, в свою очередь, подгружается в ноутбук в

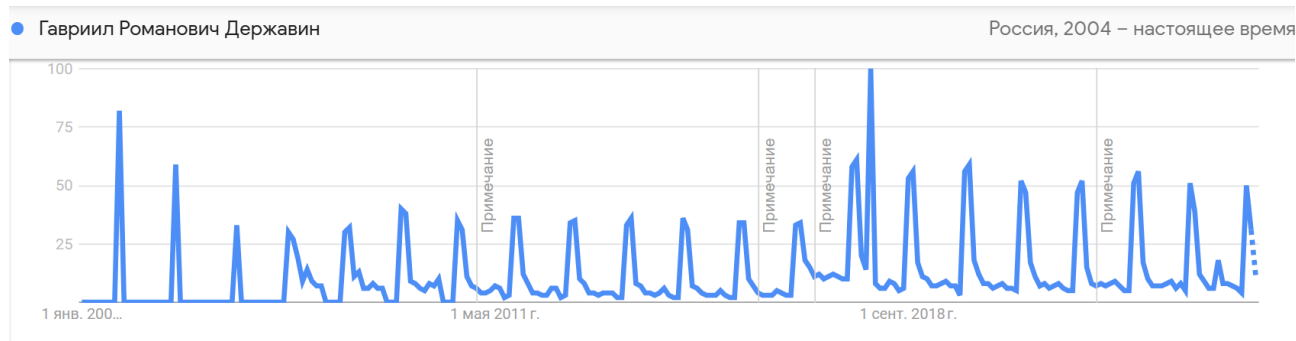
виде электронной таблицы. Далее каждый элемент списка этой таблицы пропускается через функции сбора ссылок и формируются промежуточные итоги по каждому запросу.

Результаты исследования. Согласно статистике Яндекса (Яндекс Вордстат [3]) и Google (Google.Trends [4]), наиболее часто запрос «Державин» сезонно актуализируется в сентябре-октябре каждого года — это, конечно же, связано с изучением этого автора в стандартных школьных программах именно в данные период. Основной акцент в нашем исследовании сделан на поисковой системе Google, поэтому дальнейшая статистика приводится именно по ней.

Таб. 1. Динамика популярности запросов в Google «Гавриил Романович Державин» с 01.01.2020 (Dynamics of popularity of Google queries "Gavriil Romanovich Derzhavin" since 01.01.2020)

2020-01	8	2021-04	7	2022-07	5	2023-10	44
2020-02	7	2021-05	8	2022-08	5	2023-11	12
2020-03	6	2021-06	6	2022-09	46	2023-12	9
2020-04	6	2021-07	5	2022-10	54	2024-01	6
2020-05	7	2021-08	5	2022-11	17	2024-02	6
2020-06	6	2021-09	46	2022-12	9	2024-03	18
2020-07	6	2021-10	54	2023-01	6	2024-04	7
2020-08	5	2021-11	14	2023-02	7	2024-05	8
2020-09	46	2021-12	8	2023-03	7	2024-06	6
2020-10	56	2022-01	7	2023-04	8	2024-07	6
2020-11	17	2022-02	8	2023-05	9	2024-08	4
2020-12	10	2022-03	7	2023-06	6	2024-09	50
2021-01	7	2022-04	7	2023-07	8	2024-10	30
2021-02	8	2022-05	8	2023-08	5	2024-11	11
2021-03	6	2022-06	7	2023-09	50		

Рис. 1. Динамика популярности запросов в Google «Гавриил Романович Державин» с 01.01.2004 (Dynamics of popularity of Google queries "Gavriil Romanovich Derzhavin" since 01.01.2004)

Аномальный всплеск популярности запроса был в январе 2018 г. – после смерти актера Михаила Державина, также среди частотных в формах выдачи – музыкант Андрей Державин. Региональный компонент запроса довольно ярко выражен: из стран наиболее частотен запрос по России, далее идут Киргизия и Беларусь; из российских регионов – по Тамбовской области. Здесь с

2004 г. чаще всего выполнялся поиск по личности Державина-поэта. В остальных регионах популярность запроса ниже втрое или более. Это объясняется, в основном, тем, что регулярно интересующий абитуриентов и студентов Тамбовский государственный университет носит имя Г.Р. Державина.

Таб. 2. Сравнительная популярность запросов в Google «Гавриил Романович Державин» по субрегионам (Comparative popularity of Google queries "Gavriil Romanovich Derzhavin" by subregions)

Тамбовская область	100
Новгородская область	37
Ненецкий автономный округ	32
Республика Карелия	31
Республика Калмыкия	27
Республика Алтай	26
Республика Татарстан	25
Чукотский автономный округ	24
Вологодская область	21
Республика Бурятия	20
Республика Тува	20
Республика Мордовия	19

Республика Ингушетия	19
Забайкальский край	19
Магаданская область	19
Оренбургская область	19
Белгородская область	18
Астраханская область	18
Курская область	18
Камчатский край	18
Еврейская автономная область	18
Карачаево-Черкесская Республика	18
Кабардино-Балкарская Республика	18
Республика Дагестан	18

Республика Коми	17
Калининградская область	17
Республика Саха (Якутия)	17
Брянская область	17
Республика Северная Осетия-Алания	17
Калужская область	16
Ульяновская область	16
Рязанская область	16
Смоленская область	16
Волгоградская область	16
город Санкт-Петербург	16

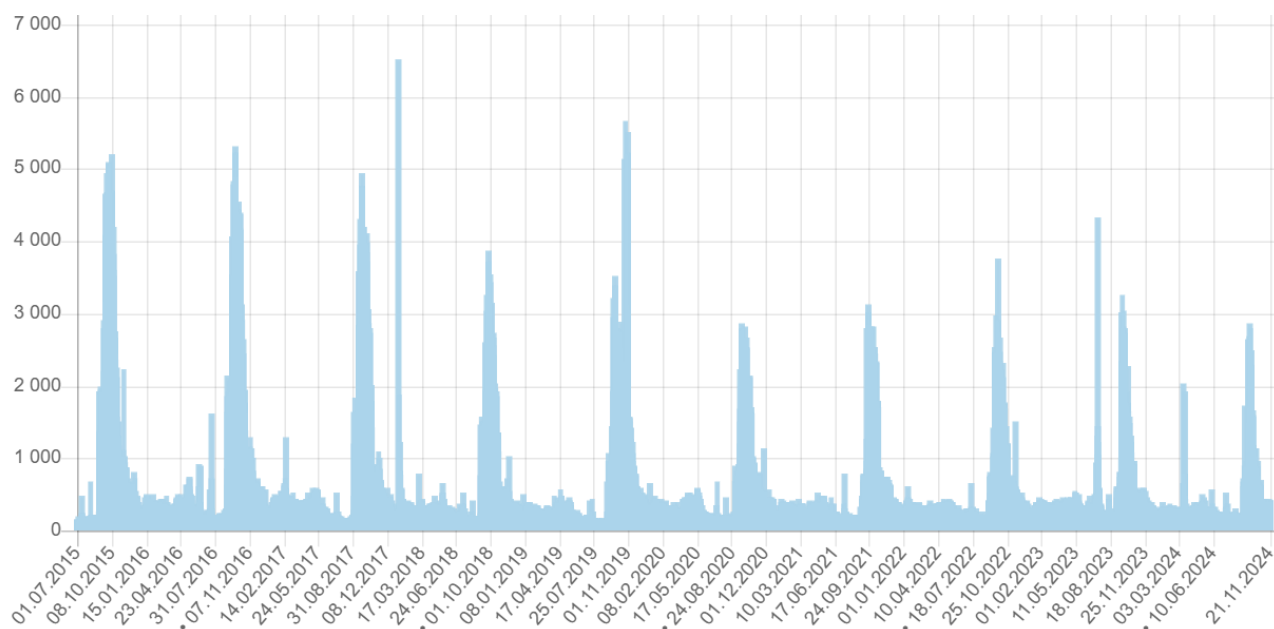
Статистика в Яндексe дает уточненные результаты и по конкретным жанровым предпочтениям в творчестве Г.Р. Державина пользователей этой поисковой системы (например, кратное доминирование количества запросов по оде над запросами по пьесам Державин и т. д.), и по отдельным текстам (например, явное проявление субрегионального компонента при запросах од «Водопад»

и «Арфа» - в Карелии и Татарстане, соответственно), однако это тема отдельного исследования со своим инструментарием. Google.Trends же не предоставляет столь подробные и незначительные для этой системы данные. Однако, что важно, имеющаяся в этой поисковой системе статистика популярности запросов подтверждается

обращениями к странице о Г.Р. Державине в русскоязычной Википедии [5]. Здесь также интерес к

Г.Р. Державину значительно увеличивается в сентябре-октябре каждого года.

Рис. 2. Количество просмотров страницы о Г.Р. Державине на ru.wikipedia.org
(Number of views of the page about G.R. Derzhavin on ru.wikipedia.org)

На основе анализа наиболее частотных запросов и контекстов в интернет-поисковиках, русскоязычной Википедии, учебной и научной лите-

ратуры были сформированы ключевые для понимания репрезентации личности и творчества Г.Р. Державина ключевые контексты (всего - 125):

Державин
Державин Г.
Г. Державин
Державин Г.Р.
Г.Р. Державин
Державин Гавриил
Гавриил Державин
Державин Гаврила
Гаврила Державин
Державин Гавриил Романович
Гавриил Романович Державин
Державин Гаврила Романович
Гаврила Романович Державин
Державин архив
Державин библиотека
Державин музей
Державин конференция
Державин университет
Державин кратко
Державин содержание
Державин пересказ
Державин перевод
Державин сборник
Державин письма

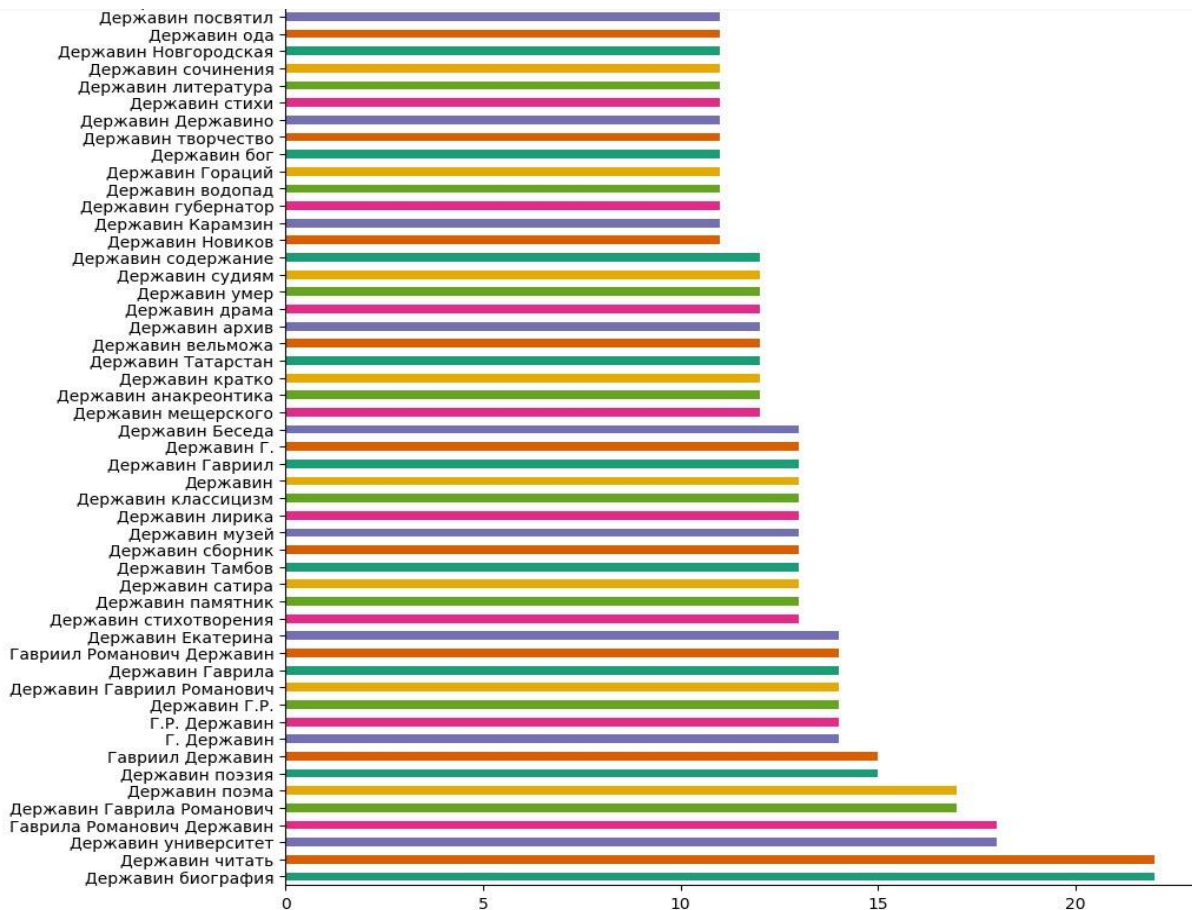
Державин поэт
Державин писатель
Державин драматург
Державин юрист
Державин чиновник
Державин сенат
Державин секретарь
Державин коллегия
Державин министр
Державин губернатор
Державин отставка
Державин анализ
Державин классицизм
Державин предромантизм
Державин сентиментализм
Державин романтизм
Державин реализм
Державин литература
Державин поэтика
Державин поэзия
Державин творчество
Державин стихотворения
Державин стихи
Державин ода

Державин сатира	Державин Екатерина
Державин лирика	Державин Суворов
Державин книги	Державин Потемкин
Державин поэма	Державин Новиков
Державин биография	Державин Радищев
Державин воспоминания	Державин Пушкин
Державин пьеса	Державин Болховитинов
Державин драма	Державин Львов
Державин анакреонтика	Державин Капнист
Державин бог	Державин Муравьев
Державин мурза	Державин Хемницер
Державин памятник	Державин Ломоносов
Державин фелица	Державин Сумароков
Державин арфа	Державин Тредиаковский
Державин водопад	Державин Карамзин
Державин властителям	Державин Дмитриев
Державин судиям	Державин Шишков
Державин мещерского	Державин Беседа
Державин евгению	Державин Арзамас
Державин званская	Державин архаист
Державин вельможа	Державин Грот
Державин багрим	Державин Пугачев
Державин Казань	Державин восстание
Державин Тамбов	Державин собрание
Державин Петрозаводск	Державин сочинения
Державин Новгород	Державин биография
Державин Петербург	Державин реферат
Державин Москва	Державин читать
Державин Казанская	Державин издал
Державин Тамбовская	Державин посвятил
Державин Олонецкая	Державин написал
Державин Новгородская	Державин жил
Державин Татарстан	Державин дружил
Державин Лаишево	Державин придумал
Державин Сокуры	Державин описал
Державин Державино	Державин родился
Державин Званка	Державин умер
Державин Гораций	Державин читать
Державин Анакреонт	

Были автоматически исключены контексты, относящиеся к однофамильцам Г.Р. Державина (прежде всего, А. Державину и М. Державину): «Андрей Державин», «Михаил Державин», «Державин музыкант», «Державин актер», «Державин

музыка», «Державин фильмы», «Державин песни», «Державин слушать», «Державин роли», «Державин играл», «Державин пел» и др.

Рис. 3. Ссылки по ключевым запросам в Google, связанным с Г.Р. Державиным
(Links for key queries in Google related to G.R. Derzhavin)

В итоге, по запросу из представленного контекстного словаря о Г.Р. Державине из поисковой системы Google было получено 1702 ссылки. Наиболее популярными контекстами оказались: «Державин читать», «Державин биография», «Державин университет». Среди самых непопулярных: «Державин ода», «Державин посвятил». По некоторым из представленных контекстов ссылок не было вовсе. Из показательных и относящихся напрямую к специфичным особенностям репрезентации Державина оказалась большая популярность формы имени «Гаврила». «Гавриил» в двух основных наиболее официальных формах (Ф.И.О. и И.О.Ф.) в разных позициях был менее частотен с точки зрения представленности в интернете. Однако наиболее интересными представляются два аспекта репрезентации Державина.

Во-первых, высокая частотность обращения к Г.Р. Державину в контексте «университет». В этом случае с большей вероятностью именно тамбовский вуз «повел за собой» писателя. Сам Г.Р. Державин ни в одном университете не учился и прямого биографического или творческого отношения ни к какому университету не имеет. Частично это подтверждается и высоким местом Тамбова среди всех регионально уточненных запросов.

Хотя именно губернаторство писателя в Тамбове нельзя назвать значимым фактом его биографии. Те же Карелия/Олонецкая губерния и Татарстан/Казанская губерния, казалось бы, должны были дать больший статистический эффект.

Во-вторых, среди примечательных особенностей репрезентации Г.Р. Державина нам видится слабая представленность чиновничьей службы поэта, несмотря на всю вышеотмеченную важность этого карьерного компонента для самого писателя. Ни министерская, ни губернаторская работа не оказались среди востребованных по объему представленности в Google, что само по себе показательно. Относительно же творчества Г.Р. Державина достаточно предсказуемо (и в соответствии с результатами соцопросов) лидером оказался «Памятник», который для многих школьников и встраивает одного из последних поэтов классицизма в их пушкиноцентричную систему ценностей русской литературы.

Вывод. В целом личность и творчество Г.Р. Державина при комплексном анализе соответствующих интернет-контекстов представляют собой достаточно цельное явление. С одной стороны, они подтверждают ожидания репрезентации Г.Р. Державина как поэта-классициста (что фактически верно лишь отчасти, но вполне соответствует

именно школьной программе) и встраивают в известную наследную модель «Ехегі monumentum» в ее российском изводе (Гораций – Ломоносов – Державин – Пушкин). С другой же, несколько неожиданно личность поэта «перетягивает» на себя Тамбовский университет, несколько количественно заслоняя в статистике непосредственно

державинскую поэзию. Впрочем, важно любое внимание, в том числе и в интернете, к личности все более забываемого «певца Фелицы», без которого невозможно представить всю историю русской литературы.

1. Бакиров, Р. А., Нурутдинова, А. Р. Репрезентация личности и творчества Г. П. Каменева с использованием технологий анализа интернет-ресурсов и контента // Филология и культура. – 2022. – № 3 (69). – С. 44–52.
2. Бакиров, Р. А., Орехов, Б. В. Русско-европейские литературные связи XVIII века // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору ИРЛИ РАН. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dataverse.pushdom.ru/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.31860/openlit-2023.4-B003> (дата обращения: 07.11.2024).
3. Гавриил Державин. Топы запросов [Электронный ресурс]. – URL: <https://wordstat.yandex.ru/?region=all&view=table&words=%D0%B3%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B8%D0%B8%D0%BB%20%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BD> (дата обращения: 07.11.2024).
4. Гавриил Романович Державин (Поэт). Динамика популярности [Электронный ресурс]. – URL: https://trends.google.ru/trends/explore?date=all&geo=RU&q=%2Fm%2F018_y9&hl=ru8. (дата обращения: 07.11.2024).
5. Державин, Г. Р. Записки. – М.: Мысль, 2000. – 334 с.
6. Державин Гавриил Романович. Анализ количества просмотров страниц [Электронный ресурс]. – URL: <https://inlnk.ru/YA6z77> (дата обращения: 07.11.2024).
7. Дубин, Б. В. Групповая динамика и общелитературная традиция отсылки к авторитетам в журнальных рецензиях 1820-1978 гг. // Очерки по социологии культуры: Избранное. – М.: НЛО, 2017. – 912 с.
8. Ларкович, Д. В. Г.Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 344 с.
9. Орехов, Б. В. Словарь русских писателей XVIII века: сеть персоналий // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору ИРЛИ РАН. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dataverse.pushdom.ru/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.31860/openlit-2022.1-B002> (дата обращения: 07.11.2024).
10. Пашкуров, А. Н., Разживин, А. И. История русской литературы 18 века: учебник: в 2 ч. Ч.2. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 536 с.
11. Сенчин, Р. Я пиит - я не умру (Г.Р. Державин) // Литературная матрица: Внеклассное чтение. – СПб., 2014. – 576 с.
12. Стивенс-Давидовиц, С. Все лгут. Поисковики. И Интернет знают о вас все. – М.: Эксмо, 2018. – 384 с.
13. SitesAnalysis.ipynb [Электронный ресурс]. – URL: <https://drive.google.com/file/d/1db3FUZuBaF2L4NnHaBWrg7HD68keUfuz/view> (дата обращения: 07.11.2024).

USE OF INTERNET PARSING IN THE STUDY OF REPRESENTATION OF PERSONALITY AND CREATIVITY OF G.R. DERZHAVIN IN GOOGLE SEARCH ENGINE

© 2024 R.A. Bakirov^{1,2}, A.R. Nurutdinova³

*Rinat A. Bakirov, Ph.D. in Philology, Researcher of the Laboratory of Digital Studies
of Literature and Folklore of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department
of Russian Literature and Methods of its Teaching, KFU.*

E-mail: r1nt@ya.ru

*Alsu R. Nurutdinova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Senior Researcher of the Laboratory of Multifactor Humanitarian Analysis and Cognitive
Philology of the Kazan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences*

E-mail: Nurutdonovaar@mail.ru

¹Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS
St. Petersburg, Russia

²Kazan (Volga Region) Federal University

³Kazan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
Kazan, Russia

The article conducts a quantitative (1702 collected Internet links) study of the representation of artistic creativity and biographical, socio-political features of G.R. Derzhavin's personality. The main emphasis is made on the analysis of the representation of the writer's image in the Google search engine. To solve the problem, a tool based on Python language libraries for parsing and analysing resources by specified queries was proposed. Statistical data from Yandex Wordstat and Google.Trends services were used to collect key contexts. They demonstrated a clear seasonality of queries related to G.R. Derzhavin, which was confirmed by the chronological data of views of the writer's page in the Russian-language Wikipedia. The key Internet contexts for understanding the representation of Derzhavin's personality and creativity were formed (125 in total), based on the analysis of which the parser deduced the most popular and frequent links-queries in Google: 'Derzhavin to read', 'Derzhavin biography', 'Derzhavin University'. Among the most unpopular: 'Derzhavin ode', 'Derzhavin dedicated'. For some of the presented contexts there were no links. The context of Tambov State University named after G.R. Derzhavin was important and frequent in Google. At the same time, the image of Derzhavin and his public service, which he himself considered an important part of his personality, appeared to have weak links. References and queries on this thematic group are presented minimally.

Keywords: Derzhavin, Google, internet, representation, reception, parsing, personality, creativity

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-41-50

EDN: PEFBBO

1. Bakirov, R. A., Nurutdinova, A. R. Reprezentatsiia lichnosti i tvorchestva G. P. Kameneva s ispol'zovaniem tekhnologii analiza internet-resursov i kontenta (Representation of the personality and creativity of G. P. Kamenev using technologies for analyzing Internet resources and content) // Filologiya i kul'tura. – 2022. – № 3 (69). – S. 44–52.
2. Bakirov, R. A., Orekhov, B. V. Russko-evropeiskie literaturnye svyazi XVIII veka (Russian-European literary connections of the 18th century) // Repozitorii otkrytykh dannykh po russkoi literature i fol'kloru IRLI RAN. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://dataverse.pushdom.ru/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.31860/openlit-2023.4-B003> (data obrashcheniia: 07.11.2024).
3. Gavriil Derzhavin. Topy zaprosov (Top queries) [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://wordstat.yandex.ru/?region=all&view=table&words=%D0%B3%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B8%D0%B8%D0%BB%20%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BD> (data obrashcheniia: 07.11.2024).
4. Gavriil Romanovich Derzhavin (Poet). Dinamika populiarnosti (Gavriil Romanovich Derzhavin (Poet). Popularity dynamics) [Elektronnyi resurs]. – URL: https://trends.google.ru/trends/explore?date=all&geo=RU&q=%2Fm%2F018_y9&hl=ru8. (data obrashcheniia: 07.11.2024).
5. Derzhavin, G. R. Zapiski (Derzhavin, G. R. Notes). – M.: Mysl', 2000. – 334 s.
6. Derzhavin Gavriil Romanovich. Analiz kolichestva prosmotrov stranits (Derzhavin Gavriil Romanovich. Analysis of the number of page views) [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://inlnk.ru/YA6z77> (data obrashcheniia: 07.11.2024).
7. Dubin, B. V. Gruppovaia dinamika i obshcheliteraturnaia traditsiia otsylki k avtoritetam v zhurnal'nykh retsenziakh 1820-1978 gg. (Group dynamics and the general literary tradition of referring to authorities in journal reviews from 1820 to 1978) // Ocherki po sotsiologii kul'tury: Izbrannoe – M.: NLO, 2017. – 912 s.
8. Larkovich, D. V. G.R. Derzhavin i khudozhestvennaia kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniia (G. R. Derzhavin and the artistic culture of his time: the formation of individual authorial consciousness). – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2011. – 344 s.
9. Orekhov, B. V. Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka: set' personalii (Dictionary of Russian writers of the 18th century: a network of personalities) // Repozitorii otkrytykh dannykh po russkoi literature i fol'kloru IRLI RAN. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://dataverse.pushdom.ru/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.31860/openlit-2022.1-B002> (data obrashcheniia: 07.11.2024).
10. Pashkurov, A. N., Razzhivin, A. I. Istoriia russkoi literatury 18 veka: uchebnik: v 2 ch. Ch.2 (History of Russian literature of the 18th century: textbook: in 2 parts. Part 2). – M.: FLINTA: Nauka, 2017. – 536 s.
11. Senchin, R. Ia piit - ia ne umru (G.R. Derzhavin) (I am a poet - I will not die (G.R. Derzhavin) // Literaturnaia matritsa: Vneklassnoe chtenie. – SPb., 2014. – 576 s.
12. Stivens-Davidovits, S. Vse lgot. Poiskoviki. I Internet znaiut o vas vse (Everyone lies. Search engines. And the Internet knows everything about you). – M.: Eksmo, 2018. – 384 s.

13. SitesAnalysis.ipynb [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://drive.google.com/file/d/1db3FUZuBaF2L4NnHaB-Wrg7HD68keUfuz/view> (data obrashcheniia: 07.11.2024).

УДК 821.161.1: 82-145 (Русская литература / Морально-философские стихотворения)

**ПОИСК «ИНОГО ЦАРСТВА»:
ОБРАЗ ПОЭТА В ЛИРИКЕ В. ДУДАРЕВА И Е. ГУСЕВА**

© 2024 М.А. Дударева^{1,2}, Г.Б. Аталян³

*Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии, доктор филологических наук,
заведующая кафедрой общей и славянской филологии*

Института славянской культуры

E-mail: mariannga.galieva@yandex.ru

Аталян Гаяне Бориковна, ассистент кафедры русского языка № 1

E-mail: papyan-rudn@mail.ru

¹РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Москва, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Нижегород, Россия

³Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 12.09.2024

Цель исследования — выявить философский, онтологический, аспект образа поэта в стихах современных русских поэтов Валерия Федоровича Дударева и Евгения Павловича Гусева. Объект статьи — два стихотворения: «Поэты» (В. Дударев) и «Возвращение» (Е. Гусев). Предметом исследования выступает эйдология «иноного царства», которая является фундирующей для образа поэта в лирике современников. Проводятся параллели с русской волшебной сказкой, ее иномировой эстетикой, строящейся на онтологическом поиске «иноного царства», идеального мира. В стихах современных поэтов раскрывается аксиологическая и онтологическая сущность этого поиска «иноного царства», который способен осуществить только художник слова, чувствующий знаки судьбы, пророчески относящийся к жизни. Обращаемся к русской философии начала XX века, наследию С. Франка, показавшего апофатический горизонт поэзии, и отечественному литературоведению, работам В. Кожина, в которых поэзия понимается ноуменально. Методология работы базируется на использовании герменевтико-интерпретационного анализа текста, также применяется сравнительный метод. Результаты работы могут быть интересны литературоведам, включающим литературу в пространство большого диалога культур, а также могут быть использованы в преподавании курсов по культурологии, философии.

Ключевые слова: современная русская культура и литература, онтологический, танатологический текст, творчество Евгения Гусева, поэтика Валерия Дударева, фольклор

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-51-56

EDN: MZLSFJ

Введение. В России, как литературоцентричной стране, поэзия выступает фундирующим элементом художественного космоса. В поэзии представлен Абсолют, к которому апофатически тянется русский человек, о чем писал еще в своей работе «Непостижимое» философ С. Франк: «...быть поэтом и значит в конечном счете не что иное, как быть в состоянии выразить в словах и дать нам почувствовать непостижимое и несказанное» [8, с. 55]. Отечественный Логос строится именно по этим законам, по меткому наблюдению литературоведа В.В. Кожина: «...поэзия же схватывает то органическое единство внешнего и внутреннего, в котором и осуществлены живая жизнь и живой

смысл явления, уходящие корнями в бесконечность Вселенной» [6, с. 83]. Здесь можно поставить вопрос об эйдологии «иноного царства», проявившейся в отечественной словесной культуре. Литературоведы, обращающиеся к национальной аксиосфере современной поэзии, отмечают: «Ориентация русского человека на “иноное царство”, на *тот край*, которого нет в пределах обозримого, дана еще в русской волшебной сказке. Этот поиск *иноного*, неведомого всегда будоражил душу народа, но он также сопряжен с поиском *отчего края*, своей Родины (земной и небесной). Это поэтически прочувствовал и современный поэт Евгений Гусев» [4, с. 124]. К творчеству последнего в сопоставлении с творчеством современников мы и

обратимся в данной статье. В центре герменевтической реконструкции топосов *инога* (смерти) находятся два стихотворения отечественных классиков — «Поэты» Валерия Федоровича Дударева и «Возвращение» Евгения Павловича Гусева.

Методы исследования: герменевтико-интерпретационный и сравнительный анализа текстов.

Результаты исследования. Возможно, сначала целесообразно было бы разобрать стихотворение

«Поэты» (2013) В. Дударева, строчку-образ из которого «поэты последнего ряда» творчески одолжил Е. Гусев, включив в свое стихотворение «Возвращение» (2016), но мы нарушим хронологию и сначала обратимся к герменевтической реконструкции этосов *инога*, «того света» в гусевском тексте. Приведем этот текст:

Откуда-то сверху пробилося: — Нет,
Там молятся за него!

Так случилось, что в ночь новогоднюю
Я вдруг умер, лечиться устав.
Для отправки меня в преисподнюю
Подается к перрону состав.

С алкашней и шпаной нету слада,
Им и здесь бы нарушить закон.
Для поэтов последнего ряда
Подается отдельный вагон.

В основном, люди мало известные,
Кто печатался, кто еще нет.
Собралась нас компания тесная
С целью выяснить, есть ли буфет.

Проводник, тоже пишуший дядя,
Объясняет нам, глядя в окно,
Но на нас почему-то не глядя:
— Нет буфета, и быть не должно!

Нет так нет. Почитаем стишата.
Но стишата читать не пришлось —
Наш вагон провалился куда-то,
Оторвавшись от гулких колес.

Вдруг я вижу — стою на перроне.
Кто-то шепчет: — А я за тобой,
Рано думать пока о Хароне,
Бог-отец объявляет отбой.

Собирайся за милую душу,
На земле еще множество дел...
Жаль, стихи ни прочесть, ни послушать
Я в вагоне тогда не успел. [2, с. 184–185]

Сюжет январского стихотворения (текст датирован 1 января 2016 г.) достаточно прост: лирическому герою снится страшный сон, в котором он

видит себя умершим и отбывающим в общем «поэтическом» вагоне на «тот свет». Традиция такого страшного видения, сна-видения и сновидения,

очень древняя, и она связана во многом с поворотными моментами в космическом годовом цикле. Во-первых, здесь упоминается новогодняя ночь, что встраивает анализируемое произведение в мировой новогодний текст (в первом приближении вспомним Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», Э.Т.А. Гофмана «Приключение в ночь под Новый год», Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», М. Горького «Наваждение») и заставляет задуматься над экзистенциалом последней ночи в уходящем году. Ночь всегда потенциально опасна и связана с иномирным пространством, на что обращали внимание многие немецкие и русские поэты [1]. Во-вторых, в отечественной поэтической традиции известны яркие примеры видения героем самого себя мертвым во сне. Вспомним есенинскую «Метель» (1924): «Себя усопшего / В гробу я вижу» [5, с. 151]. Вспомним и ближний текст, а именно шуточное по интонации стихотворение В. Высоцкого «Мои похороны» (1971). В-третьих, по славянским народным представлениям, сон и смерть семантически близки, сон воспринимается народом как *временная смерть*.

Зададим главный онтогерменевтический вопрос: для чего автору это нужно? Поэт всегда старается профетически заглянуть в будущее, провидеть свою судьбу, а для этого необходимо совершить *посыл в смерть*, выражаясь философским языком С. Есенина, писавшего о связи Танатоса и Эроса, смерти и искусства в трактате «Ключи Марии». Но, по законам русской волшебной сказки,

строющейся на системе обретений и потерь, последовательных инициаций, необходимо не только иметь волю и мужество спуститься в «иное царство», но и вернуться обратно, в наш мир, в новом качестве. Лирический герой стихотворения Евгения Гусева в этом иномирном сне, похожем на *обмирание* из русского фольклора (несказочная проза), осознает себя в новом качестве. Сначала герой думает, что его везут в ад вместе с грешившими на земле людьми, а потом он понимает, что является поэтом *последнего ряда*, то есть человеком, на котором, по воле Бога, лежит особая просветительская миссия, и ее нужно выполнять на этой земле, на этом свете. Так происходит трансцендирование за пределы своего «я», и мы наблюдаем градацию художественного образа: лирический герой (поэт) после иномирного временного путешествия осознает свое поэтовое дело, иначе понимает свою судьбу. В этом стихотворении выразился поиск «иноного царства»: с одной стороны, его онтологическая суть состоит в обретении новых качеств героем, его духовом преображении, с другой стороны, этот поиск *иноного*, запретного, сокрытого от глаз, связан с законом самого творчества, с апофатической составляющей поэзии, которая создается на грани двух миров.

Обратимся к матричной для Е. Гусева строчке «поэты последнего ряда» из программного стихотворения В. Дударева «Поэты»:

Мы, поэты последнего ряда,
Допиваем прокисший абсент.
Мы — ваш Дант в дебрях рая и ада,
Вашей жизни последний момент.

Серебра нам с тобой не досталось,
Да и золото тут не в чести —
Но надеемся, самую малость,
И колосья сжимаем в горсти.

Соберем семена и коренья,
И путем продвигаясь зерна —
Мы роняем стихотворенья,
Словно шишки сосна.

Нам и ворон — благая примета,
И княжна — придорожная блядь.
За сто первый лесной километр
Нас положено отселять.

Мы — полынь!

Мы — Путивль!

Мы — Непрядва!

Мы — надгробий чужие цветы —

Самозванцы последнего ряда,

Прощельги последней черты. [3, с. 163]

Нет сомнения в том, что Евгений Гусев хорошо знал этот текст, с которым мог ознакомиться как письменно, так и изустно, во время поэтических приездов Валерия Дударева в Ярославль, его творческих командировок «Дни журнала «Юность» в России». Кроме того, супруга Е. Гусева и хранительница его наследия Л.Л. Гусева подтверждает большой интерес мужа к творчеству Валерия Дударева, имя которого возникает на полях записных тетрадей. Однако особого культурно-философского осмысления требует образ поэта, вдруг поставленного в *последний ряд*. Понятно, что не о самоуничтожении здесь идет речь, не о второрядности или третьерядности поэта в литературных кругах. Очевидно, что В. Дударев ставит перед нами онтологический вопрос о существовании самой поэзии в наши дни, в цифровое время, человек которого как бы в стихах и вовсе не нуждается. *Поэты последнего ряда* — люди, несущие в себе зерно культуры, пассионарии, способные продвигаться путем этого зерна (В. Ходасевич), помочь нам, метафизически отрешенным, спуститься вниз по временной оси, заглядывая в колодезь времени (один из любимых образов В. Дударева). Таких поэтов осталось не так много, но тот, кто остался, ощущает на себе ответственность за сохранение мировой культуры. Неслучайно стихотворение «Поэты» энтелехийно по своей сути: лирический герой обращается мысленно и к фигуре Данте, чувствуя себя проводником по лабиринтам мировой культуры, посредником между мирами, вспоминает литературный философский образ зерна, который оставил нам В. Ходасевич, погружает нас в забытый город со сложной судьбой Путивль, в исторические глубины реки Непрядвы, где разворачивалась та самая битва, определившая судьбу православной Руси-России (битва Дмитрия Донского с Мамаем).

Представляется, что все символы можно герменевтически дешифровать в этом стихотворении, но одна строчка нас заставляет особо задуматься: «Серебра нам с тобой не досталось, / Да и золото тут не в чести» [3, с. 163]. С одной стороны, это можно понимать метафорически: как пра-

вило, в литературных кругах художник всегда живет бедно. С другой стороны, указательное местоимение «тут» делит мир на две части, на явь и навь, на *этот* свет и *тот*. Думается, что лирический герой и Валерия Дударева совершает свое иномирное путешествие и обозревает вселенную, стараясь постигать ее в целокупности, находясь за чертой, то есть на «том свете». Танатологическими маркерами в стихотворении являются прокисший (от времени) абсент, стихотворения, которые падают на землю, как шишки, оторвавшись от дерева (важен сам вектор движения вниз, умирания, отпадения от мирового древа — поэзии и жизни), архетипически заряженный образ ворона как вестника смерти, княжна, которая теряет свой софийный статус и превращается в обычную женщину, сто первый лесной километр, как нулевой километр, как земля, которая лежит за пределами данного, то есть реально обозреваемого. Наконец, апогеем на этом пути инициации выступает не только отселение поэта, как особого вида человека, за *сто первый километр*, на выселки, но и преодоление им той самой черты, за которой начинается вечность. Поэт после смерти обретает бессмертие и смотрит на этот мир цветами, прорастающими сквозь надгробья времен и народов.

Выводы. Два стихотворения современных поэтов Валерия Дударева и Евгения Гусева, ушедших от нас в одном году (2019) в эоны истории, являются художественными экспериментами, попытками опуститься за ватерлинию видимого, приоткрыть нам дверь в «иное царство», к которому всегда стремится апофатически настроенный русский человек, главный герой волшебной сказки Иван-дурак. Онтогерменевтическая реконструкция топосов «иног царства» в указанных стихотворениях наших современников позволяет выявить культурно-философский потенциал русской поэзии по изучению онтологических вопросов творчества: и у Е. Гусева, и у В. Дударева образ поэта включен в аксиосферу национальной культуры, с ним связан ее метафизический пласт. Поэт продолжает быть носителем духовной культурной традиции.

1. Галиева, М. А. Космическое прозрение: Ф. Новалис — М.И. Цветаева. Фольклорная традиция в поэтике // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2015. — Т. 2, № 153. — С. 135–139.
2. Гусев, Е. От рассвета до заката. — Ярославль: Аверс Плюс, 2018. — 460 с.
3. Дударев, В. Ветла и другие стихотворения. — М.: Художественная литература, 2016. — 196 с.
4. Дударева, М. А., Морозов, В. Э. Образ Родины в книге стихов Евгения Гусева «В том краю серебристого инея» // Казанская наука. — 2024. — № 6. — С. 123–125.
5. Есенин, С. А. Собр. соч.: в 7 т. — М.: Наука; Голос, 1997. — Т. 2. — 464 с.
6. Кожин, В. В. Стихи и поэзия. — М.: Сов. Рос., 1980. — 304 с.
7. Толстой, Н. И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Очерки славянского язычества. — М.: Индрик, 2003. — С. 303–310.
8. Франк, С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. — М.: АСТ, 2007. — 512 с.

SEARCH FOR «ANOTHER KINGDOM»: THE IMAGE OF THE POET IN THE LYRICS OF V. DUDAREV AND E. GUSEV

© 2024 M.A. Dudareva^{1,2}, G.B. Atalyan³

Marianna A. Dudareva, Doctor of Philology, Doctor of Culturology Professor of the Department of General and Slavic Philology

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Gayane B. Atalyan, Assistant of The Russian Language Department No. 1

E-mail: papyan-rudn@mail.ru

¹Russian State University named after A.N. Kosygin
Moscow, Russia

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia

³Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russia

The aim of the study is to identify the philosophical, ontological aspect of the poet's image in the poems of modern Russian poets Valery Fedorovich Dudarev and Evgeny Pavlovich Gusev. The object of the article is two poems: "Poets" (V. Dudarev) and "Return" (E. Gusev). The subject of the study is the eidology of "another kingdom", which is the foundation for the image of the poet in the lyrics of his contemporaries. Parallels are drawn with the Russian fairy tale, its other-worldly aesthetics, built on the ontological search for "another kingdom", an ideal world. The poems of modern poets reveal the axiological and ontological essence of this search for "another kingdom", which can only be realized by an artist of the word, who feels the signs of fate, prophetically treating life. We turn to Russian philosophy of the early 20th century, the legacy of S. Frank, who showed the apophatic horizon of poetry, and Russian literary criticism, the works of V. Kozhinov, in which poetry is understood noumenal. The methodology of the work is based on the use of hermeneutic-interpretative analysis of the text, and the comparative method is also used. The results of the work may be of interest to literary scholars who include literature in the space of a large dialogue of cultures, and can also be used in teaching courses on cultural studies and philosophy.

Keywords: modern Russian culture and literature, ontological, thanatological text, the work of Evgeny Gusev, the poetics of Valery Dudarev, folklore

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-51-56

EDN: MZLSFJ

1. Galieva, M. A. Kosmicheskoe prozrenie: F. Novalis — M. I. Tsvetaeva. Fol'klornaia traditsiia v poetike (Cosmic Insight: F. Novalis — M. I. Tsvetaeva. Folklore Tradition in Poetics) // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2015. — Т. 2, № 153. — С. 135–139.
2. Gusev, E. Ot rassveta do zakata (From Dawn to Sunset). — Iaroslavl': Avers Plus, 2018. — 460 s.
3. Dudarev, V. Vetla i drugie stikhotvoreniia (Vetla and Other Poems). — M.: Khudozhestvennaia literatura, 2016. — 196 s.
4. Dudareva, M. A., Morozov, V. E. Obraz Rodiny v knige stikhov Evgeniia Guseva «V tom kraiu serebristogo ineia» (The Image of the Motherland in the Book of Poems by Evgeny Gusev "In That Land of Silvery Frost") // Kazanskaia nauka. — 2024. — № 6. — С. 123–125.
5. Esenin, S. A. Sobr. soch.: v 7 t. (Collected Works: in 7 volumes). — M.: Nauka; Golos, 1997. — Т. 2. — 464 s.
6. Kozhinov, V. V. Stikhi i poeziia (Poems and Poetry). — M.: Sov. Ros., 1980. — 304 s.

7. Tolstoi, N. I. Narodnye tolkovaniia snov i ikh mifologicheskaya osnova (Folk Interpretations of Dreams and Their Mythological Basis) // Ocherki slavianskogo iazychestva. — М.: Indrik, 2003. — С. 303–310.
8. Frank, S. L. Nepostizhimoe: Ontologicheskoe vvedenie v filosofiiu religii (Incomprehensible: Ontological Introduction to the Philosophy of Religion). — М.: AST, 2007. — 512 с.

УДК 821.160.1 (Русская литература)

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭПИГРАММАТИЧЕСКОГО СТИЛЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2024 С.Р. Недбайлик, Н.К. Дмитриева

*Недбайлик Сабина Рудольфовна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры
немецкого и французского языков Института иностранных языков*

E-mail: snedbailik@mail.ru

*Дмитриева Наталья Константиновна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков естественно-технических направлений и специальностей*

E-mail: nataliadmitrie@yandex.ru

Института иностранных языков

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Россия

Статья поступила в редакцию 10.10.2024

В данной статье рассматриваются основные направления эволюции эпиграмматического стиля в русской литературе различных исторических периодов. В этой связи проводится диахронический обзор характерных особенностей и проявлений жанра, с акцентированием генетических связей эпиграммы с малыми формами фольклора, такими как: частушки, потешки, песни-шутки, пословицы, поговорки, прибаутки и многие другие. Говоря о значимости исторических литературных традиций в становлении русского эпиграмматического стиля как такового, автор отдает дань бесспорной самобытности и уникальности жанру так называемого «обличительного слова», который в течение долгого времени существовал параллельно с различными фольклорными формами. Именно это и обусловило широкие возможности варьирования специфических особенностей и характерных черт эпиграмматического стиля в российской литературе. Результаты комплексного анализа значительного объема теоретического и практического материала, выполненного в рамках данного исследования, свидетельствуют о том, что лучшие традиции малого эпиграмматического жанра нашли свое достойное воплощение и продолжение во все исторические эпохи и имеют бесспорную перспективу дальнейшего успешного развития в настоящем и в будущем.

Ключевые слова: эпиграмма, фольклор, басни, эпитафия, жанр, стиль, форма, русская литература

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-57-65

EDN: OJCIEN

Введение. Как известно, в России почва для эпиграмматического творчества была подготовлена фольклором – такими жанрами, как частушки, потешки, песни-шутки, а также колкими пословицами, поговорками, прибаутками, типа «жить было весело, да есть нечего», «хорош пень в вешний день, а все пень», «и ряб, да божий раб, гладок, да гадок» и др. Элементы эпиграмматического жанра в российской литературе появились рано, причем даже в серьезном ракурсе «обличительного слова», восходившего корнями к традиции византийского учительского наказа. Эпиграмма, как правило, высмеивала идоломоление, волхование, верование в «птичий грей», ритуальные пляски, сохранившиеся еще от дохристианской веры [9]. Из человеческих пороков чаще всего становились мишенью пьянство, златолюбие, поклеп, злосердие, ложь и блуд.

История вопроса. В эпоху барокко созрела и общественно-историческая обстановка для изящной сатиры. Зарубежные басни и эпиграммы

переводились на русский язык, отечественные остроловы осваивали новые форму и стиль. Личностное начало, неведомое литературе русского средневековья, побуждало к разработке ранее не культивировавшихся жанров. В результате этого пробуждения личности, а также социально-исторической дифференциации общества, т.е. возникновения новых черт мировосприятия, появляется и тяга к художественно-публицистическим жанрам, и, прежде всего, к эпиграммам и эпитафиям, о которых в XVIII столетии уже можно говорить как о самостоятельном направлении. И, как всегда, возникает вопрос: а какой цели должна служить столь ёмкая форма?

Известный общественный деятель, проповедник и публицист, архиепископ Ф. Прокопович (1681-1736), прекрасно знавший латынь, риторику, поэтику и теорию литературы, считал, что эпиграмма – не пустяк, а «польза Отечеству» [9, с.236]. Именно поэтому модные на тот момент «куриозные» вирши – палиндромы или «рачыи

стихи» – он считал бесполезными, а эпиграммы возвел на высоты политического звучания. Его убийственный сарказм придавал этим миниатюрам оттенок остросоциального плана. Примером

может быть миниатюра Прокоповича, изначально написанная на латинском и адресованная медику и путешественнику Георгу Стеллеру, адъюнкту Петербургской Академии наук:

Случай с врачом Стеллером

Пока Стеллер, добрый врач, подбирал лекарство,
Его больной отошел в загробное царство.
Родственники, как могли, пережили бедство,
Прах его предав земле, разделив наследство
И когда они уже слезы осушили,
Дружно прокляли врача и о нем забыли.
Наконец, явился врач, закричав гневливо:
«Отчего злодейка смерть так нетерпелива!» [7, с. 283].

Методы исследования. В работе использованы такие методы, как: сравнительный анализ поэтических текстов, диахронический, литературоведческий, стилистический анализ.

Результаты исследования. Литературоведы считают, что у истоков русской эпиграммы одну из наиболее значимых позиций занимает и последователь Ф. Прокоповича – А. Кантемир (1708-1744), переводчик с французского и один из основоположников русского сатирического направления. По словам В. Г. Белинского, это направление развития «со времен А. Кантемира сделалось живою струёю всей русской литературы, определив на протяжении XVIII-XIX вв.

пафос нашей словесности» [6, с. 132]. А. Кантемир выразил назревшую потребность растущего национального и эстетического самосознания русского общества, верхушка которого еще явно тяготела в своих литературных привязанностях к классицизму. Так, реальный мир стал находить все большее отражение не в парадных одах и трагедиях, а в так называемых «низких» жанрах: стихотворной сатире и сказке, басне, комической поэме, комедии [1, с. 10]. В своих острых миниатюрах А. Кантемир обличал глупость и амбициозность, сословные предрассудки и «злонравие вообще». Можно привести несколько примеров:

На Брута

Умен ты, Бруте, порук тому счесть устанешь;
Да и ты же, Бруте, глуп. Как то может статься?
Изрядно, и, как я мню, могу догадаться:
Умен ты молча; а глуп, как говорить станешь [7, с. 206].

На старуху Лиду

На что Друз Лиду берет? дряхла уж и седа,
С трудом ножку воробья сгрызет в пол-обеда. –
К старине охотник Друз, в том забаву ставит;
Лидой медалей число собранных прибавит [7, с. 195].

Имена персонажей в произведениях А. Кантемира, как правило, стилизованы в античном духе – ведь любому поэту-сатирику важна критика обобщенных и вечных пороков.

Большую роль в становлении русской эпиграммы играла и опора на раннюю европейскую традицию, что обусловило обилие переводных

виршей, широкое заимствование сюжетов у наиболее известных мастеров малых жанров. Однако это не подразумевало механической трансплантации: русские литераторы по-своему интерпретировали иностранные произведения, приспособляя их к местным условиям, облекая в национально-самобытную форму [1, 6]. Таким

образом, эпиграммы и эпитафии способствовали обогащению отечественной поэзии и дальнейшему формированию русского языка. Собственно, именно такой же колеёй двигались и сами зарубежные авторы, осваивая творческое наследие античного периода. Так, известный российский писатель и драматург А. П. Сумароков (1717-1777) в своем труде о стихотворстве верно очертил типичные особенности основных сатирических

жанров тех лет. Начал поэт с комедии, указав, что ее основное предназначение - «издевкой править нрав». А «в сатирах должно все пороки осуждать, безумство пышное в смешное превращать...». Не менее ясно им изложено и назначение басен: «Склад басен должен быть шутив, но благороден, И низкий в оных дух к простым словам пригоден» [8, с. 215]. Между суждениями о сатире и басне ходит, разумеется, речь и об эпиграмме:

Рассмотрим свойство мы и силу эпиграмм.
Они тогда живут, красой своей богаты,
Когда сочинены остры и узловаты,
Быть должны коротки, и сила их вся в том,
Чтоб нечто вымолвить с издевкою о ком [8, с. 229].

Сам же А.П. Сумароков оказался и наиболее плодовитым отечественным эпиграмматистом XVIII в. Тематика его эпиграмм широка и

разнообразна, а многие из его остроумных высказываний и сегодня не потеряли своей актуальности, например:

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.
Конечно, голова в почтеньи меньше ног [8, с. 197].

Помимо носителей бытовой и политической проблематики, эпиграммы представляли значимость как орудие литературной полемики. В этом были замечены такие titаны, как М.М. Херасков (1733-1807), М.В. Ломоносов (1711-1765), Г.Р. Державин (1743-1816), равно как и многие их последователи, хотя их взгляды на жизнь, интересы и

кругозор были неизменно шире и касались не только науки управления государством, но и многого другого [1]. Так, в эпиграммах М.В. Ломоносова, человека науки, уже в те давние времена отражалась вера в бесконечное могущество будущей медицины:

«Женился Стил, старик без мочи,
На Стелле, что в пятнадцать лет,
И, не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись оставил свет...
А звал бы вовремя врача,
Была бы ночка горяча...» [7, с. 237].

Общая тенденция развития русской эпиграммы в XVIII столетии характеризуется интенсивностью и стремительностью. За сравнительно короткий срок она прошла путь от начинаний Ф. Прокоповича, писавшего некоторые свои произведения на латыни, до весьма совершенных русскоязычных образцов этого жанра [7, с.125]. Причем период ученичества фактически отсутствовал: уже первые опыты А. Кантемира дали вполне зрелые плоды, отмеченные печатью высокого мастерства и редкого таланта. И все же, после блестящего успеха А. Кантемира, по мнению ряда литераторов, возможно, в связи с инерцией восприятия, эпиграммы и эпитафии еще некоторое время оставались «младшими сестрами» и находились на периферии литературного

процесса [9]. На одно из почетных мест их вывел именно А.П. Сумароков, поставив сразу же вслед за басней, - одним из самых популярных стихотворных сатирических жанров XVIII в. В итоге эпиграммы и эпитафии заняли видное место в творчестве не только тех, кто считал деятельность сатирика своим основным профессиональным делом, но и большинства крупнейших поэтов более широкого профиля, среди которых можно отметить не только Г.Р. Державина, М.М. Хераскова, но и И.И. Хемницера (1745-1784), В.В. Капниста (1758-1823) [1, 6]. Хотя большинству из этих авторов не удалось выйти за пределы привычной эстетики классицизма, все же в рамках этого направления их эпиграммы и эпитафии нередко приобретали эталонный характер, а

отдельные строки становились афоризмами, например, эпиграмма В.В. Капниста из цикла надолго переживая своих создателей. Такова, «Встречные мысли»:

Всяк любит искренность; всяк говорит: будь прям;
А скажешь правду - по зубам [6, с. 123].

Весьма дальний «родственник» популярного в наши дни нано-эпиграмматиста-однострочника В. Вишневского И.И. Хемницер уже тогда умел сжать стихотворную миниатюру до одной-единственной строки. Например, говоря о даме: «Рай на лице её, однако в сердце ад»; или о скупердяе: «Он умер, чтоб расход на кушанье сберечь» [10, с. 139]. Довольно трудно объяснить проявленное российской эпиграмматикой несколько

негативное отношение к медицине: врач в ней долгое время был одним из самых заметных персонажей. Остается считать это национальной особенностью наших литераторов. Причем такая тенденция была заметна уже на самом первом, «корневом» этапе истории отечественных малых жанров. М.М. Херасков, судя по характеру его миниатюр, медицину также особенно не жаловал:

Искусный медик ты, мы все о том слышали.
Которые в твоих руках ни побывали,
Те после никогда в болезни не впадали
Затем, что уж они с постели не вставали [6, с. 189].

Искусные врачи хвалимы должны быть,
Что могут в крайностях они нам пособить.
Ты хочешь, и тебя чтоб также похвалили,
Что многим пользою твои рецепты были.
Хвалю. Кому ж явил ты пользу ону?
Себе, аптекарям, церковникам, Харону [7, с. 238].

Пив много, пьяница в велику немощь впал.
Чтоб боль свой разорвать, он медика призвал
И говорит ему: «Я лихорадкой стражду,
Причём безмерную всегда имею жажду:
Чтоб медику болезнь по правилам лечить,
Хотел он наперёд в нём жажду утолить.
Больной ему на то: «Лечи моё ты тело.
А жажду утолить, моё то будет дело» [7, с. 193].

Рука об руку с эпиграммами, в Россию XVII-XIX вв. приходит и традиция посмертных эпитафий. Например, строки на памятнике Абраму

Ганнибалу, знаменитому «арапу» Петра I и прадеду А.С. Пушкина, гласят:

Зной Африки родил, хлад кровь его покоил,
России он служил, путь к вечности устроил [9, с. 195].

Замечательные образцы малых жанров, ставших уже своеобразным вариантом поэтического творчества, появляются в XVIII-XIX вв. и появляются под пером Г.Р. Державина, В.А. Жуковского (1783-1852), И.А. Крылова (1769-1844) и других

поэтов. Многие работы носят анонимный характер, так как атрибутировать их специалистам так и не удалось. Вот «державинский» образец – эпитафия Екатерине II, написанная в 1796 г:

Сия гробница той ковчегом мрачной стала,
Которая венец, как солнца луч, горел,
Души – Россия не вмещала,
Славе – вечность лишь предел [7, с. 187].

Достаточно интересны и эпиграмматические эпитафии В.А. Жуковского:

Прохожий, удались! Во гробе сон священный;
Судьба почивших в нем покрыта грозной тьмой.
Надежда робкая живет их пепел тленный...
Кто знает, что нас ждет за гробовой доской!
Как утром на цветах весенняя роса.
Едва она на сей земле блеснула,
С улыбкою на здешний мир взглянула,
И вознеслась на небеса [2, с. 34].

На новый уровень русская сатира выходит в первой половине XIX столетия, ознаменовав себя расцветом таланта баснописца и переводчика всемирно известного французского автора Ж. де Лафонтена - И.А. Крылова. Причем если у А.П. Сумарокова и его последователей господствовал сословный и этнографический подход к изображению жизни, то у И.А. Крылова виден качественный скачок - в его творениях отражается все, что воистину социально и национально [2]. Так, вместо условных Дамонов и Глупонов появляются простецкие: кум Фома, Лука, Федька и Ерема. Отличное знание истоков творчества французских авторов, свежесть и конкретность жизненных образов, неповторимые краски окружающего мира, обилие реалистических деталей были уже далеко не отдельными особенностями стиля, имевшими место у некоторых предшественников. В баснях И.А. Крылова эти признаки, сливавшиеся в единое целое и определившие

качественно иной тип художественного видения и изображения действительности, обеспечили появление того, что абсолютно чуждо эстетике классицизма - восприятие самой жизни как трагикомедии [2, с. 123]. Все это имело как прямое, так и косвенное влияние на малые литературные жанры, которые охотно заимствовали модернизированную демократичную тематику, современный язык и стиль, создавая новое качество. Вполне очевидно, что промежуточные отношения эпиграммы и эпитафии с целым рядом иных жанровых образований делают богатство их возможностей воистину неисчерпаемым [4, 5].

Пушкинское время стало, пожалуй, пиком в развитии русской версии эпиграмматического жанра. Поэт взял на вооружение весь арсенал накопленных до него приемов и создал множество острых и проникновенных сатирических миниатюр. Причем наиболее ярко удавались А.С. Пушкину эпиграммы-портреты, например:

На Н.М. Карамзина

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута [7, с. 283].

На Колосову

Всё пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любви
Набеленная рука,
Размалеванные брови

И огромная нога! [8, с. 267].

Пушкинские шедевры – легко запоминающиеся миниатюры, схватывающие самую суть события или человека, ставшие настоящим явлением в литературе XIX в. В них меткое и красивое слово

облекалось в непредсказуемо очаровательные формы, иногда просто переполненные снайперской насмешкой гения:

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной [8, с. 265].

Творчество поэта стало воистину символом расцвета малых жанров в российской поэтике. Не случайно любимый «песенник» наших сограждан А.А. Григорьев (1822–1864) подарил Родине летучую фразу: «Пушкин это наше всё» [6, с. 267]. При этом именно Александр Сергеевич был первым, кто настойчиво подчёркивал, что эпиграмме

должны быть присущи не только остроумие, но и такт. Правда своей эпиграммой на графа М.С. Воронцова «Наше всё» еще раз показал миру, как часто теория расходится с практикой: истинной причиной появления такой жесткой эпиграммы был совсем не граф, а его жена, которая очень понравилась влюбчивому поэту:

На М.С. Воронцова

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что станет полным наконец [8, с. 174].

А граф, по историческим слухам, был человеком порядочным и к поэту относился вполне прилично.

Разумеется, как и любой текст, содержащий иносказания и элементы эзоповского языка, эпиграммы и эпитафии требуют для правильного и своевременного понимания наличия определённой литературной эрудиции. Иначе ни ассоциации и цитаты, ни каламбуры и аллитерации, как и прочее литературное «дальнобойное вооружение» никогда не будут попадать в цель [5]. По традиции еще античных времен, помимо фактического наследия, А.С. Пушкину, как и всем великим поэтам, на основании догадок и предположений приписывалось еще многое из неатрибутированного материала. Сам же поэт собрал лишь пятьдесят наиболее значимых для него собственных эпиграмм и хотел издать их отдельной книгой, но изрядная их часть содержала ту или иную

политическую составляющую, что и сделало его план неосуществимым в условиях достаточно жесткой цензуры того времени [3]. Так, известно, что по законам эпиграмматического жанра (композиция от вопроса к ответу, лаконизм, игра слов) построены многие фрагменты «Евгения Онегина» и комедии А.С. Грибоедова (1795–1829) «Горе от ума» [8, с. 287]. Тексты этих произведений легко разделяются на двух- и четырехстишия, которые давно уже вошли в устную речь, причем в те годы, когда публикация грибоедовской комедии была еще запрещена.

Расцвет эпиграмм и эпитафий пушкинской поры выразился и в их более значительном удельном весе среди других литературных миниатюр. Ярким примером могут служить эпиграммы П.А. Вяземского (1792–1878) и М.Ю. Лермонтова (1814–1841):

Уездный врач Пахом в часы свободы
От должности убийственной своей
С недавних пор пустился в переводы.
Дивлюсь, Пахом, упорности твоей:
Иль мало «перевел» в уезде ты людей? [7, с. 238].

Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь; поныне он грустит.
Но не о том, что жизни друг лишился:
Пять раз забыл он взять билеты за визит! [7, с. 295].

В пост-пушкинское время, по выражению исследователя М.И. Гиллельсона [8, с. 185], «были единичные, разрозненные выстрелы, а в целом с середины 1830-х до середины 1850-х гг. эпиграмма «присмирела» и ждала подходящего часа, чтобы обрести второе дыхание». Но и когда «оно открылось», жанр эпиграммы, всё теснее примыкая к памфлету, не совершил принципиальных открытий – сохранялась ориентация на эпигramму А.С. Пушкина, вплоть до прямых реминисценций и цитат [3, с. 167].

Во второй половине XIX в. эпиграмма как жанр с головою уходит в политическую сатиру, и её

публицистические возможности резко возрастают за счёт слияния с энергетикой фельетона. В малых формах, ассимилировавших лучшие традиции пушкинского времени, появляется всё больше резко обличительных, крамольных эпитетов и гротескной деформации предмета [9, с. 156]. Однако большая часть образцов этого жанра в это время живет «в людях» анонимно, поскольку мишенью зачастую является сам монарх со своими царедворцами, включая министров. Вот типичная сатира конца 60-х гг., принадлежащая перу талантливого эпиграмматиста Н.Ф. Щербины (1821-1869):

Выбросили сор мы –
Вновь торим дорожку,
Делая реформы
Из кулька в рогожку [6, с. 297].

Известный поэт-эпиграмматист А.М. Жемчужников (1821-1908) так описал особенности современного ему «прогресса»:

Он рос так честен, так умен,
Он так радел о меньших братьях,
Что был Россией задушен
В ее признательных объятиях [7, с. 178].

Поэт и философ Владимир Соловьев (1853-1900) очень характерно закончил опубликованную в 1887г. эпигramму «Современное

воспоминание», ставшую его возмущенной реакцией на церковные гонения, которым подвергся Л.Н. Толстой:

Гонима, Русь, ты беспощадным роком,
Хотя за грех иной, чем Билеам –
Заграждены уста твоим пророкам,
И слово вольное дано твоим ослам [7, с. 284].

Выводы. В целом, уже в конце XIX - начале XX вв. эпиграмма, хорошо ассимилировав традиции пушкинского времени и активно впитывая остроумные уроки революционно-демократической журналистики, начинает перемещаться из узкой студийной атмосферы серебряного века в

широкую литературно-художественную жизнь, чувствуя себя в ней довольно вольготно. Именно это и определило ее дальнейшее эволюционное развитие в отечественной литературе.

1. Васильев, В. Е. Беглый взгляд на эпигramму // Русская эпигramма. – Москва: Художественная литература, 1990. – С. 3–26.
2. Жуковский, В. А. О басне и баснях И.А. Крылова. – Москва, 1972. – 134 с.
3. Мальчукова, Т. Г. О жанровых традициях в «Антологических эпигramмах» А.С. Пушкина // Жанр и композиция литературного произведения. – Петрозаводск, 1986. – С. 64–82.

Выводы. В целом, уже в конце XIX - начале XX вв. эпиграмма, хорошо ассимилировав традиции пушкинского времени и активно впитывая остроумные уроки революционно-демократической журналистики, начинает перемещаться из узкой студийной атмосферы серебряного века в

широкую литературно-художественную жизнь, чувствуя себя в ней довольно вольготно. Именно это и определило ее дальнейшее эволюционное развитие в отечественной литературе.

1. Васильев, В. Е. Беглый взгляд на эпигramму // Русская эпиграмма. – Москва: Художественная литература, 1990. – С. 3–26.
2. Жуковский, В. А. О басне и баснях И.А. Крылова. – Москва, 1972. – 134 с.
3. Мальчукова, Т. Г. О жанровых традициях в «Антологических эпиграммах» А.С. Пушкина // Жанр и композиция литературного произведения. – Петрозаводск, 1986. – С. 64–82.
4. Мучник, Е. М. // Ironic: ироническая и юмористическая поэзия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ironicpoetry.ru/authors/muchnik-evgeniy/> (дата обращения: 10.10.2024).
5. Пронин, В. А. Теория литературных жанров: учеб. пособие. – Москва: Изд-во МГУП, 1999. – 196 с.
6. Русская эпиграмма XVIII – XX вв. / под ред. М. И. Гиллельсона, К. А. Кумпан. – Ленинград: Советский писатель, 1988. – 783 с.
7. Русская эпиграмма // Под ред. В.Е. Васильева. – Москва: Художественная литература, 1990. – 367 с.
8. Сумароков, А. П. Избранные произведения. – Ленинград: Советский писатель, 1957. – 213 с.
9. Щербакова, О. Н. История русской эпиграммы // Кириллица [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyrillitsa.ru/posts/625-istoriya-russkoj-epigrammy.html> (дата обращения: 10.10.2024).
10. Эпиграмма / под ред. А.М. Арканова. – Москва: Эксмо, 2005. – 382 с.

THE MAIN FEATURES OF THE FORMATION OF EPIGRAMMATIC STYLE IN RUSSIAN LITERATURE

© 2024 S.R. Nedbaylik, N.K. Dmitrieva

*Sabina R. Nedbaylik, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of
the Department of German and French Languages at the Institute of Foreign Languages*

E-mail: snedbaylik@mail.ru

*Natalia K. Dmitrieva, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages of Natural and Technical Directions and Specialties*

of The Institute of Foreign Languages

E-mail: nataliadmitrie@yandex.ru

Petrozavodsk State University

Petrozavodsk, Russia

The article regards main trends of the epigrammatic style evolution in Russian literature of different historical periods. In this connection, a diachronic review of peculiar features and manifestations of this genre is made, with accentuating its genetic links with small folklore literary forms, such as: ditties, nursery rhymes, joke songs, proverbs, sayings, jokes and many others. Speaking about the importance of historic literary traditions in the formation of Russian epigrammatic style, as such, the author pays tribute to the doubtless originality and singularity of the so called «accusatory word» genre, which for a long time existed in parallel with various folklore forms. This is precisely what has created great possibilities for such a wide variability of peculiar and characteristic features of epigrammatic style in Russian literature. The results of large theoretical and practical material complex analysis carried out in the frame of given study give full grounds to assert that the best small epigrammatic genre traditions have found their reflection and worthy continuation in all historical epochs and have an indisputable prospect of further successful development at present and in future.

Keywords: epigram, folklore, fables, epitaph, genre, style, form, Russian literature

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-57-65

EDN: OJCIEN

1. Vassilyev, V. E. Beglyj vzglyad na epigrammu (A quick look at the epigram) // Russkaya epigramma. – Moscow:

9. Shcherbakova, O. N. Istoriya russkoj epigrammy (The History of Russian Epigram) // Kirillica [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://cyrillitsa.ru/posts/625-istoriya-russkoy-epigrammy.html> (data obrashcheniia: 10.10.2024).
10. Epigramma (Epigram) / Pod red. A. Arkanova. – Moscow : Eksmo, 2005. – 382 s.

УДК: 821.112.2 (Немецкая литература)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНДИВИДУАЛЬНОГО МЕТАФОРИЧЕСКОГО СТИЛЯ Ф.Р. ДЮРЕНМАТТА

© 2024 С.Р. Недбайлик, Е.А. Яковлева

*Недбайлик Сабина Рудольфовна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры
немецкого и французского языков Института иностранных языков*

E-mail: snedbailik@mail.ru

*Яковлева Екатерина Анатольевна, доцент, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры немецкого и французского языков Института иностранных языков*

E-mail: yakowlewa85@yandex.ru

**Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия**

Статья поступила в редакцию 10.10.2024

В данной статье рассматриваются некоторые особенности литературного стиля знаменитого швейцарского публициста, прозаика и драматурга второй половины прошлого столетия Ф.Р. Дюренматта. На материале одного из известных произведений «Судья и его палач» авторы исследуют характер метафорических средств, используемых писателем для создания образности и эмоционально-стилистической экспрессии. Результаты проведенного в рамках данной работы комплексного многоаспектного анализа лексического материала свидетельствуют о том, что литературный язык Ф.Р. Дюренматта отличается многообразием и разноплановостью метафорических эпитетов, используемых как для характеристики индивидуальных физических, психологических, поведенческих особенностей тех или иных персонажей, так и для создания общего нарративного, событийного фона произведения. Причем при описании окружающей среды, природы, обстановки, каких-либо отдельных событий, ситуаций и впечатлений автор, как правило, прибегает к узуализованным, стертым и когнитивным метафорам, которые чаще используются как элементы целого многосоставного комплекса стилистических приемов, таких как: олицетворение, метонимия, гипербола, литота, сравнение, гротеск, оксюморон, антитеза и многие другие, также призванные выполнять как когнитивную и номинативную, так и образно-экспрессивную функции.

Ключевые слова: стиль, творчество, средство, экспрессивность, метафора, когнитивный

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-66-71

EDN: OJCYNC

Введение. Как известно, стилю современной немецкоязычной литературы в большой степени свойственно придавать различным лексико-семантическим языковым средствам характер субъективных впечатлений и идей, нужной эмоционально-оценочной окраски, а это, в свою очередь, связано с необходимостью широкого использования приемов создания стилистической выразительности, в том числе, тех, которые основаны на вторичной номинации. Нетрудно предположить, что в ряду этих средств одно из наиболее важных мест занимает метафоризация, зачастую являющаяся для многих авторов единственно эффективным способом непосредственного воздействия на читателя.

История вопроса. Увлечение писателей метафорами объясняется в большой степени не столько так называемой «утилитарностью» их эксплицирующих свойств [4], сколько тем, что,

наряду с реализацией самой художественно-эстетической функции, они являются способом передачи новых понятий в языке, способствуют более широкому пониманию объекта и самого предмета того или иного высказывания. Вполне понятно, что метафоризация в литературном творчестве используется как элемент целого многосоставного комплекса стилистических приемов, т.е. в сочетании с другими средствами, к которым можно причислить, в частности, олицетворение, метонимию, гиперболу, литоту, сравнение, гротеск и многие другие, также призванные выполнять как когнитивную и номинативную, так и образную функции.

Говоря о литературе Германии послевоенного времени, необходимо отметить, что она заново пересмотрела многие проблемы, связанные с личностью и поведением человека. Наверное, именно поэтому язык авторов второй половины

XX в. (Г.Т. Бёлля, Э.М. Ремарка, Ф.Р. Дюрренматта) гораздо менее насыщен метафорами и более прост, чем у ранних авторов. Кроме того, по мере приближения к стилю современной литературы становится еще более яркой существующая тенденция активного сближения письменного языка с разговорным, отмеченная впервые уже в конце XVIII в., что проявляется, в частности, не только в значительном упрощении синтаксической структуры текстов, но и в увеличении в них числа универсальных конструкций, различных экспрессивных элементов [8]. Поскольку писателям так называемого «нового» поколения, взявшимся за перо после войны, нужно было создавать письменную культуру как бы с «чистого листа», вполне очевидно, что единственную возможность духовного возрождения литературы они видели в том, чтобы абсолютно и радикально изменить ее стилистическую направленность [9], а это выражалось, прежде всего, в их стремлении показать реальную правду, как бы жестока и беспощадна она ни была, рассказать без прикрас, лишнего символов и аллегорий о том, что они видели своими глазами. Причем если Э. М. Ремарк создал свой роман «Три товарища» после первой мировой войны и незадолго до второй мировой войны, то произведения Г.Т. Бёлля и Ф.Р. Дюрренматта были написаны уже после второй мировой войны, относясь к литературному направлению, вполне справедливо называемому «восстановлением и реставрацией» [11, с. 289]. Так или иначе, военная эпоха со всей ее трагедийностью, насыщенностью событиями серьезно повлияла на художественную литературу того времени, для которой характерен особый, пристальный интерес к проблемам человеческой личности, к общефилософским, этическим вопросам вины, моральной ответственности перед отдельным человеком, перед всем народом за его судьбу. Поэтому неудивительно, что почти все герои рассказов тогдашних авторов имеют довольно сложный жизненный путь, а нередко становятся и так называемыми «аутсайдерами».

Методы исследования. В работе используются методы стилистического, сравнительно-сопоставительного, структурно-семантического анализа художественного текста.

Результаты исследования. Что касается популярного швейцарского публициста, прозаика и драматурга с мировым именем Ф.Р. Дюрренматта, то его творческий стиль отличается от литературного почерка многих авторов того же времени, прежде всего, тем, что в его

произведениях нет непосредственных упоминаний о войне, кроме того, в них обнаруживается гораздо меньшее количество средств создания выразительности. Среди его многочисленных трудов хочется отметить, прежде всего, роман «Der Richter und sein Henker» («Судья и его палач»), написанный в 1952 г., когда в Швейцарии были ещё очень свежи воспоминания о национал-социализме. Именно в этом произведении автор фактически изложил свои каноны детектива: пессимизм и философичность на фоне привычного расследования [3]. Главная особенность романа состоит в том, что интрига сохраняется фактически до самого конца, что держит читателя в постоянном напряжении. В описаниях персонажей, окружающих предметов, природы писатель предпочитает прибегать к простым, когнитивным и стершимся, «нейтральным» метафорам, не имеющим большого эмоционального эффекта [5].

Необходимо отметить, что одной из наиболее часто используемых в произведении автора разновидностей метафорических номинаций является когнитивная метафора, выполняющая гносеологическую функцию и формирующая новые значения прилагательных и глаголов, признаки которых выделяются по аналогии со сходными им в восприятии автора [9]. Так, в первом же предложении романа мы видим довольно яркий пример: Alphons Clenin, der Polizist von Twann, fand am Morgen des dritten November neunzehnhundertachtundvierzig dort, wo die Straße von Lamboing aus dem Walde der Twannbachschlucht hervortritt, einen blauen Mercedes, der am Straßenrande stand.

Es herrschte Nebel, wie oft in diesem Spätherbst, und eigentlich war Clenin am Wagen schon vorbeigegangen, als er doch wieder zurückkehrte.

Es war ihm nämlich beim Vorbeischreiten gewesen, nachdem er flüchtig durch die trüben Scheiben des Wagens geblickt hatte, als sei der Fahrer auf das Steuer niedergesunken [10, с.152].

В данном отрывке можно увидеть два примера использования когнитивной метафоры: «die Straße von Lamboing aus dem Walde der Twannbachschlucht hervortritt» – «дорога выходит из ущелья» и «Es herrschte Nebel» – «стоял туман», «господствовал туман». Явные изменения в комбинаторике глагола подтверждают то, что данные метафоры – когнитивные. В первом случае глагол «hervortreten» переводится как «выступать вперед» (о человеке), поэтому здесь налицо персонификация. Во втором случае мы также видим использование олицетворения, так как

глагол «herrschen» имеет значение «господствовать, править, управлять» и, как правило, употребляется при описании монарха или какой-либо главы государства. На наш взгляд, в соответствии с принятой классификацией, обе метафоры можно отнести к «стертым».

Erlief am Straßenrande hin und her. Als die aufgehende Sonne durch den Nebel brach und den Toten beschien, war ihm das unangenehm.

Er kehrte zum Wagen zurück, hob den grauen Filzhut auf, der zu Füßen der Leiche lag, und drückte ihr den Hut über den Kopf, so tief, dass er die Wunde an den Schläfen nicht mehr sehen konnte, dann war ihm wohler [10, с.152].

В данном отрывке описывается момент, когда деревенский полицейский Альфонс Кленин обнаруживает покойника. Когнитивную метафору «die aufgehende Sonne durch den Nebel brach» в этом случае можно перевести как «восходящее солнце пробилось сквозь туман». Сам глагол «brechen» имеет в обычном контексте значение «ломать, разломать, разбивать». По общепринятой классификации, эту метафору также можно отнести к «стертым», так как она часто используется в повседневном контексте, например: «лучи солнца пробиваются ...».

В описании девушки одного из героев романа мы видим еще один яркий пример использования когнитивной метафоры:

Drunten auf dem Platz fuhr ein Mercedes vor, leuchtete unter einer Straßenlaterne blau auf, hielt zwischen an deren Wagen, die dort parkten. Bärlach sah genauer hin. Tschanz stieg aus und ein Mädchen in weißem Regenmantel, über den das Haar in blonden Strähnen floss [10, с.165].

«ein Mädchen in weißem Regenmantel, über den das Haar in blonden Strähnen floss» – «девушка в белом плаще, по которому струились светлые пряди волос».

Глагол «fliessen» имеет значение «течь», «струиться». Благодаря этой метафоре, которую можно, на наш взгляд, отнести к «резким», волосы уподобляются водопаду, роднику. Наличие в данном фрагменте полисемантического варианта подтверждает то, что выбранная нами метафора действительно является когнитивной [1].

Наряду с когнитивными, в тексте романа «Судья и его палач» можно встретить и номинативные метафоры. Так, в следующем эпизоде дается описание комнаты убитого полицейского Ульриха Шмидта и вида из ее окна: Das Zimmer lag zu ebener Erde, und durch die Gartentüre sah

man in einen kleinen Park, in welchem alte, braune Tannen standen, die krank sein mussten, denn der Boden war dicht mit Nadeln bedeckt. Es musste es das schönste Zimmer des Hauses sein [10, с.164].

Существительное «Die Nadel» обычно переводится как «иголка, булавка, шпилька», однако в данном случае это слово имеет значение «хвоя». Выбранную нами метафору можно отнести к номинативным, так как она служит источником омонимии, являясь явно «стертой».

«Ich wurde ein immer besserer Verbrecher und du ein immer besserer Kriminalist: Den Schritt jedoch, den ich dir voraus hatte, konntest du nie einholen.

Immer wiedertauchte ich in deiner Laufbahn auf wie ein graues Gespenst, immer wieder trieb mich die Lust, unter deiner Nase sozusagen immer kühnere, wildere, blasphemischere Verbrechen zu begehen, und immer wieder bist du nicht imstande gewesen, meine Taten zu beweisen. Die Dummköpfe konntest du besiegen, aber ich besiegte dich».

Dann fuhr er fort, den Alten aufmerksam und wie belustigt beobachtend [10, с.175].

Данный фрагмент текста содержит разговор главного героя романа комиссара Берлаха с его давним врагом Гастманом. Много лет комиссар пытался доказать, что тот виновен в совершенном преступлении, но ему это никак не удавалось. Существительное «Laufbahn» имеет значение «беговая дорожка», «карьера», но в данном случае слова Гастмана можно перевести как: «я все время возникал на твоём пути (в твоей жизни)». Данная метафора является, на наш взгляд, номинативной, так как используется для замены одного описательного значения другим, в то же время ее можно считать «стертой».

В романе Ф.П. Дюрренматта можно встретить и окказиональные образные метафоры: «Er fuhr an der Brücke vorbei, bei der sie gewartet hatten, und dann den Wald hinunter. Da hatte er ein sonderbares und unheimliches Erlebnis, das ihn nachdenklich stimmte. Er war schnell gefahren und sah plötzlich in der Tiefe den See aufleuchten, einen nächtlichen Spiegel zwischen weißen Felsen. Er musste den Tatort erreicht haben. Da löste sich eine dunkle Gestalt von der Felswand und gab deutlich ein Zeichen, der Wagen sollte anhalten [10, с.185].

Один из главных героев романа – молодой полицейский Чанц, проезжая через лес на автомобиле, видит озеро. При его описании автор использует развернутую метафору «einen nächtlichen Spiegel zwischen weißen Felsen», ко-

торая переводится как «ночное зеркало между белыми скалами», порождая в воображении читателей довольно живописную картину. На примере данной метафоры можно проследить явный переход идентифицирующего лексического значения в предикативное [7].

В следующем же эпизоде описываются похороны Ульриха Шмида, на которых присутствуют персонажи Берлах и его начальник Лутц:

Sie standen auf der Straße, ohne zu reden, beide in schwarzen Mänteln, die sie hochschlugen. Es regnete, doch spannten sie die Schirme für die wenigen Schritte zum Wagen nicht auf. Blatter führte sie. Der Regen kam nun in wahren Kaskaden, prallte schief gegen die Fenster. Jeder saß unbeweglich in seiner Ecke. Nun muss ich es ihm sagen, dachte Lutz und schaute nach dem ruhigen Profil Bärlachs, der wie so oft die Hand auf den Magen legte [10, с.179].

Мы видим в этом отрывке образную метафору «Der Regen kam nun in wahren Kaskaden» – «теперь дождь полил подлинными каскадами» (как если бы это были каскады). Данная образная, «резкая» метафора помогает читателю представить мрачный образ сильного дождя в день похорон, печаль людей, провожающих покойного в последний путь.

В следующем фрагменте произведения, когда Гастман приходит в дом Берлаха, представлены примеры использования оценочной и когнитивной метафор: Der Mann hinter Bärlachs Schreibtisch klatschte in die Hände, es war ein einziger, grausamer Schlag:

«Nun sind wir am Ende unserer Laufbahn», rief er aus. «Du bist in dein Bern zurückgekehrt, halb gescheitert, in diese verschlafene, biedere Stadt, von der man nie recht weiß, wie viel Totes und wie viel Lebendiges eigentlich noch an ihr ist, und ich bin nach Lamboing zurückgekommen, auch dies nur aus einer Laune heraus: Man rundet gern ab, denn in diesem gottverlassenen Dorf hat mich irgendein längst verscharrtes Weib einmal geboren, ohne viel zu denken und reichlich sinnlos, und so habe ich mich denn auch, dreizehnjährig, in einer Regennacht fortgestohlen. Da sind wir nun also wieder. Gib es auf, Freund, es hat keinen Sinn. Der Tod wartet nicht» [10, с.173].

Метафора Der Mann hinter Bärlachs Schreibtisch klatschte in die Hände, es war ein einziger, grausamer Schlag переводится как: «человек, сидящий за письменным столом Берлаха, ударил в ладоши – это был одинокий, зловещий удар». Прилагательное «grausam» имеет в данном случае значение «жестокий, зловещий» и очень хорошо передает напряженную атмосферу, царив-

шую при встрече двух заклятых врагов. «Der Tod wartet nicht» – «смерть не ждет» – эти слова Гастмана представляют собой когнитивную метафору, используемую в комплексе с персонификацией.

Aber wie sie auf eine Handbewegung des Schriftstellers hin in weichen Lehnstühlen saßen, merkten sie überrascht, dass sie im Lichte des kleinen Fensters waren, während sie in diesem niedrigen, grünen Zimmer, zwischen den vielen Büchern das Gesicht des Schriftstellers kaum sahen, so heimtückisch war das Gegenlicht [10, с.184].

Выше представлен отрывок из встречи Берлаха и Чанца с писателем, сотрудничающим с Гастманом. Гости усаживаются напротив хозяина, лица которого невозможно разглядеть из-за падающего на него света. Автор использует в данном случае оценочную метафору «so heimtückisch war das Gegenlicht» – «так коварно слепил их встречный свет». Свет из окна здесь наделяется человеческим качеством, поэтому речь опять-таки идет о персонификации.

Нетрудно предположить, что, как и многие другие немецкоязычные авторы, Ф.Р. Дюррентматт пользуется для описаний персонажей, явлений природы и экспрессивно-оценочными метафорами:

«Wie Sie wollen», sagte der Schriftsteller, «kommen wir auf Gastmann zurück, Kommissär, zu diesem einen Pol des Bösen. Bei ihm ist das Böse nicht der Ausdruck einer Philosophie oder eines Triebes, sondern seiner Freiheit: der Freiheit des Nichts». «Für diese Freiheit gebe ich keinen Pfennig», antwortete der Alte.

«Sie sollen auch keinen Pfennig dafür geben», entgegnete der andere [10, с.182].

В приведенном выше отрывке представлен разговор комиссара Берлаха с писателем о Гастмане. В ходе разговора писатель использует метафору, иронично называя Гастмана «einen Pol des Bösen» – «полюсом зла», и таким образом насмехается над тем, как комиссар относится к этому человеку. Сам же писатель понимает натуру Гастмана по-другому, считая его философом и свободным человеком. Вполне очевидно, что данную метафору можно отнести к «резким».

В последнем выбранном нами отрывке мы видим фрагмент из монолога Гастмана, обращенного к Берлаху, в котором он рассказывает об их знакомстве и о чудовищном пари, которое они заключили:

«Und wie wir nun weiterstritten, von den höllischen Bränden der Schnäpse, die uns der Judenwirt einschenkte, und mehr noch, von unserer Jugend

verführt, da haben wir im Übermut eine Wette geschlossen, eben da der Mond hinter dem nahen Kleinasien versank, eine Wette, die wirtrotzig in den Himmel hineinhängen, wie wir etwa einen fürchterlichen Witz nicht zu unterdrücken vermögen, auch wenn er eine Gotteslästerung ist, nur weil uns die Pointeiztal seine teuflische Versuchung des Geistesdurch den Geist» [10, с.188].

Гастман употребляет экспрессивно-оценочную метафору «von den höllischen Bränden der Schnäpse» – «под (воздействием) адского пламени шнапса» для того, чтобы показать, что алкоголь сыграл не последнюю роль в том, что обоим пришла в голову страшная мысль о заключении пари. Эта метафора является также «резкой» по общепринятой классификации.

Выводы. В целом результаты выполненного нами анализа текстового материала свидетельствуют о том, что литературный язык Ф.Р. Дюренматта отличается многообразием и разноплановостью метафорических эпитетов, используемых как для характеристики индивидуальных особенностей персонажей, так и для создания общего нарративного, событийного фона. Причем наиболее часто при описании окружающей среды, природы, обстановки, каких-либо ситуаций автор прибегает к узуализованным, стертым и когнитивным метафорам, используя экспрессивно-оценочные номинации в гораздо меньшем объеме, что отражает общую идейно-психологическую направленность его творчества.

1. Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций//Вопросы языкознания. – 1993. – Вып. III. – С.134-167.
2. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс //Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
3. Бельский, А. А. Зарубежная драматургия: сборник статей. – Пермь: Изд.-во Пермского госуниверситета им. А.М. Горького, 1989. – С. 5–27.
4. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка. – М.: «Высшая школа», 1990. – 245с.
5. Миллер, Д. А. Образы и модели, уподобления и метафоры//Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236-265.
6. Руссова, Н. Ю. От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. – М.: «Флинта: Наука», 2004. – 296с.
7. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция// Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26-52.
8. Томашевский, Б. В. Стилистика. Текст. – Л.: Изд.-во Ленинградского государственного университета, 1989. – 267с.
9. Федоров, А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. – М.: Высшая школа, 1991. – 196с.
10. Dürrenmatt, F. Der Richter und sein Henker. – Berlin, 1952. – 386s.
11. Rothmann, K. Kleine. Geschichte der deutschen Literatur. – Stuttgart: Philipp Reclamjun. Verlag, 1992. –S.107-154; 269-327.

ON THE PECULIARITIES OF THE INDIVIDUAL METAPHORICAL STYLE OF F.R. DURRENMATT

© 2024 S.R. Nedbaylik, E.A. Yakovleva

*Sabina R. Nedbaylik, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of German and French Languages
at the Institute of Foreign Languages*

E-mail: snedbaylik@mail.ru

*Ekaterina A. Yakovleva, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of German and French Languages
at the Institute of Foreign Languages*

E-mail: yakowlewa85@yandex.ru

*Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia*

This article regards some peculiar features of the literary style of a famous Swiss publicist, novelist and playwright of the second half of the past century F.R. Durenmatt. Based on the material of one of his works "The Judge and his Executioner", the authors study the character of metaphoric means used by the writer to create imagery and emotional-

stylistic expression. The results of complex multi-aspect lexical material analysis carried out in the frame of given work prove rather convincingly that the literary language of F.R. Dürrenmatt is distinguished by the variety and diversity of metaphorical epithets used both to characterize some individual physical, psychological, behavior features of different heroes and to create a common narrative background of the novel. As a fact, when describing the environment, nature, some particular events, situations and impressions the author prefers as a rule the usualized, erased and cognitive metaphors that are frequently used as the elements of a whole multi-part complex of stylistic devices, such as: personification, metonymy, hyperbola, litotes, comparison, grotesque, oxymoron, antithesis and many others, also aimed at realizing cognitive and nominative as well as imagery, figurative-expressive functions.

Keywords: style, creativity, medium, expressivity, metaphor, cognitive

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-66-71

EDN: OJCYHC

1. Apresyan, V. Yu., Apresyan, Yu. D. Metafora v semanticheskom predstavleni i emocij (Metaphor in the Semantic Representation of Emotions) // Voprosy yazykoznavaniya. – 1993. – Vyp. III. – S.134-167.
2. Arutyunova, N. D. Metafora i diskurs (Metaphor and Discourse) // Teoriya metafory. – M.: Progress, 1990. – S. 5–32.
3. Bel'skij, A. A. Zarubezhnaya dramaturgiya: sbornik statej (Foreign Drama: aCollection of Articles). – Perm': Izd.-vo Permskogo s. Universiteta im. A.M. Gor'kogo, 1989. – S. 5–27.
4. Brandes, M. P. Stilistika nemeckogo yazyka (The Style of the German Language). – M.: «Vysshaya shkola», 1990. – 245s.
5. Miller, D. A. Obrazy i modeli, upodobleniya i metafory (Images and Models, Likenesses and Metaphors) // Teoriya metafory. – M.: Progress, 1990. – S. 236-265.
6. Russova, N. Yu. Ot allegorii do yamba: Terminologicheskij slovar'-tezaurus po literaturovedeniyu (From Allegory to Iambic: A Terminological Dictionary-thesaurus on literary Studies). – M.: «Flinta: Nauka», 2004. – 296s.
7. Teliya, V. N. Metafora kak model' smysloproizvodstva i ekspressivno-ocenochnaya funkciya (Metaphor as a Model of Semantic Production and Its Expressive and Evaluative Function) // Metafora v yazyke i tekste. – M.: Nauka, 1988. – S. 26-52.
8. Tomashevskij, B. V. Stilistika. Tekst (Stylistics. Text). – L.: Izd.-vo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1989. – 267s.
9. Fedorov, A. V. Ocherki obshchej i sopostavitel'noj stilistiki (Essays on General and Comparative Stylistics). – M.: Vysshaya shkola, 1991. – 196s.
10. Dürrenmatt, F. Der Richter und sein Henker (The judge and His Executioner). – Berlin, 1952. – 386 s.
11. Rothmann, K. Kleine. Geschichte der deutschen Literatur (History of German Literature). – Stuttgart: Philipp Reclamjun Verlag, 1992. – S.107-154; 269-327.

УДК 821.161.1 (Русская литература)

МОТИВЫ ИНДУИЗМА В «МАЛАБАРСКОЙ ПОЭМЕ» В. РАБИНОВИЧА

© 2024 З.Ю. Огорокова-Алькаева

*Огорокова-Алькаева Зульфия Юнировна, старший преподаватель
кафедры гуманитарных наук*

E-mail: zalkaeva@bk.ru

*Московский международный университет
Москва, Россия*

Статья поступила в редакцию 22.10.2024

В статье анализируются семантические и стилистические особенности «Малабарской поэмы» В. Рабиновича, впервые опубликованной в книге стихов «В каждом дереве скрипка» (1978) с учетом критических отзывов. Отмечен интерес русских писателей к Индии, берущий своё начало ещё в средневековой литературе и сохранившийся по сей день, переключки русской фольклористики с мотивами древней индийской культуры. Обозначена связь поэтики Рабиновича с традициями советской поэзии, творчеством Обзриутов и поэтов Серебряного века, историей мировой культуры. Выявлены приемы языковой игры и подтекстовое отражение атмосферы 70-х гг. XX в. в России, когда в условиях очередного витка «холодной войны» усилилась антивоенная риторика, а во внутренней политике царил так называемый застой, и советская интеллигенция сопротивлялась засилью официоза и стандарта в публицистике и литературе. Подчеркнута актуальность самой поэмы и её исследования, обусловленная погружением в уникальный авторский метод поэта, объединяющий науку и лирику. Сформулирована сверхзадача автора — попытка с помощью стилистического эксперимента подчеркнуть общие черты индуизма и христианства, а также создать утопическую картину всеобщего мира и гармонии.

Ключевые слова: Малабарская поэма, поэтика В. Рабиновича, мотивы индуизма, Индия, фольклор, советская поэзия, аллюзия, подтекст, языковая игра, ирония, энтомосемизм

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-72-81

EDN: OZNDUN

Введение. «Малабарская поэма» — первое эпическое произведение современного российского поэта, философа и культуролога Вадима Рабиновича (1935–2013). В начальной редакции она вышла в свет в поэтической книге «В каждом дереве скрипка» в издательстве «Советский писатель» в 1978 г. [18, с. 86–92] и состояла из 182 строк-стихов, а затем, в сокращенном виде, появилась в трех поэтических книгах: «Фиолетовый грач», «Синица ока», «Сто стихотворений».

«Малабарская поэма» В. Рабиновича представляет интерес в литературном, философском и социокультурном плане. Здесь за «легкой пародией на исчезающую у нас постепенно буколическую манеру в изображении жизни селян», за «лёгкой полуиронической улыбкой рассказчика» [11, с.13] скрывается глубокий мистическо-религиозный и философский смысл, нарратив, работающий сразу на нескольких уровнях. Иван Киуру в своей рецензии на книгу В. Рабиновича «В каждом дереве скрипка» называет «Малабарскую поэму» «одной из наиболее удачных вещей» автора, и столь высокая оценка оправдан-

на. Небольшое произведение пронизано подлинным духом той заветной индийской духовности, которую на протяжении многих веков искали и находили русские писатели. Освещение в «Малабарской поэме» индуистских мотивов, основных постулатов санатана-дхармы, семантически, просодически и стилистически максимально приближено к русскоязычному читателю и выглядит актуально даже сегодня, а множественность заложенных в этом тексте смыслов отвечает склонности современной литературы эпохи постмодерна к семиотичности [16, с. 99].

Данное исследование полнее раскрывает особенности поэтики автора, так как еще раз иллюстрирует уникальный метод Рабиновича — стилистический эксперимент [16, с. 81], позволяющий одновременно решать как поэтическую, так и научную задачу. В случае с «Малабарской поэмой» — задачу соединения русской и индийской культуры и — шире — включение проблематики поэмы в контекст мировой культуры. Погружение в этот авторский метод, постижение богатой палитры художественных приемов поэта-

шестидесятника В. Рабиновича позволяют по-новому оценить логику развития современной литературы. Все это обусловило актуальность исследования.

Методы исследования. В работе использованы литературоведческие методы — сравнительно-исторический, структурно-семиотический, лингвистический, биографический, формальный, интертекстуальный.

История вопроса. Интерес к Индии прослеживается в русской литературе с давних времён, что отчасти обусловлено наличием единой исторической общности [13, с. 177]. Индия то представлялась страной загадочной и крайне опасной, становилась «преградой» на пути к земному раю, как в историко-географических памятниках «Хронике» Георгия Амартола и «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, то превращалась в символ поиска нового смысла, в «Страну Мысли», как в периоды, подобные Серебряному веку [5, с. 164]. Само путешествие в Индию считалось сакральным событием, это был религиозный переход из жизни обыденной в сферу духовную «от собственной греховности» [12, с. 211]. Особое место Индии в древнерусской литературе отмечалось многими учеными: об этом говорить, к примеру, в статье А.С. Дёмина «Индия в древнерусской литературе» [7, с. 197], в работе А.Я. Соколовского «Индийские мотивы в русской культуре», в исследовании Л.О. Свиридовой «Утопический образ Индии в древнерусских письменных памятниках».

Культурно-историческое взаимодействие России и Индии, непосредственное или опосредованное, не прерывалось, но в разные периоды обретало новые черты и звучание. Прочным литературно-культурным связям двух стран посвящены диссертация Е.В. Фисковец [25], статьи Т.В. Бернжукевич [5], Л.В. Спесивцевой [25], Н.А. Даренской [6], А.К. Морье [15], А.Н. Люсого [13] и других ученых.

Результаты исследования. В исследовании индийского контекста в конкретной поэме В. Рабиновича нам помогут две рецензии, С. Золотцева и И. Киуру, написанные в 1979 г., по следам первой книги поэта, а также статьи о творчестве писателя и труды по поэтике русской литературы.

Творческое устремление к востоку в «Малабарской поэме» В. Рабиновича можно расценить как попытку постижения неизведанного, духовного, что возможно только в экзотическом, сказочном, а не в реальном пространстве. Поэма побуждает к духовной работе как автора, так и читателя. Рабинович мастерски обыгрывает

принцип противопоставления мира обывателя и мира книжника, мира идеального и мира банального, поля яркого метафорического слова и дискурс бесстрастного официоза. Таким образом в «Малабарской поэме» просматриваются тема поэта и поэзии, вектор взаимоотношения поэта и власти, контраст духовного и косного. Интимное, обращенное к каждому читателю, слово поэта не исключает и впечатляющего обобщения.

«Постепенно, по мере движения поэмы, эта горстка идущих к священной реке бедных людей перерастает в глазах читателя в символ нащупывающего свои пути — во мраках своей истории — человечества. Форма обратилась в дух, — в поэзию» [11, с. 13]. Опубликовав «Малабарскую поэму» под иным названием — «Джунгли. Марш мира» — в сборнике стихотворений и поэм «Фиолетовый грач» в 1988 г. [20, с. 70–75], то есть спустя десятилетие, автор прямо указал на антивоенную направленность произведения и масштаб творческой задачи. Действительно, разве только индийские и русские культурные реалии просматриваются в тексте? Наивно-романтические восклицания и старославянизмы говорят о присутствии темы европейской книжности. Не даром в контексте первой поэтической книги В. Рабиновича заметна стилистическая перекличка «Малабарской поэмы» со стихотворением «Ах, братец одуванчик» [18, с. 56–57], отсылающим к наивно-исповедальной поэтике Франциска Ассизского. Значит, речь идет о союзе народов мира, чтобы «Звенело и пело / На разных наречьях / Во славу прекрасных / Детей человеческих...» [18, с. 90], причем, в настоящем времени, — в современность поэт постоянно возвращает читателя, замороженного медитативным шагом индусов, с помощью разговорных слов и фраз — своеобразной рефлексией рассказчика: «Короче: индусы / Шагали сквозь джунгли»; «Так мне говорили, / А вы уж поверьте»; «Жука-паука... / Но с какой это стати, // По праву какому / Жука убивати?!» [18, с. 86–89].

Но вернемся к Индии. Индуистская философия, религиозные обряды, приметы местного быта и экзотической природы наполняют небольшую поэму особым колоритом. При этом Рабинович избегает манипуляции сложными терминами. Похоже, вслед за Бальмонтом в «индийском мышлении», богатом «разнообразием рассвета и заката» [3, с. 93], мог бы признаться и Рабинович.

Станислав Золотцев в своей рецензии отмечает, что поэма Рабиновича «сложна и виртуозна», но оговаривается: «всё же от неё остаётся

ощущение перевеса эрудиции, литературных познаний автора над его ощущением мира, удивлением жизни» [9, с. 283], с чем мы не можем согласиться. Легкость произношения зарифмованных строк и простота сюжета способствуют интуитивному пониманию постулатов индуизма и столь же естественному, логичному их соединению с основами христианского мировоззрения. Библейскую заповедь «не убий» и за-

печатленный в евангелии призыв Христа быть чистыми и бесхитростными, как дети, без труда угадает любой человек, даже факультативно знакомый с русской культурой, в подтексте концовки поэмы. Этот наивный светлый гимн разумному человеку и всему живому на земле и начинается с расхожей русской фразы — «все живы-здоровы»:

Все живы-здоровы.
О, как это мило —
Любить-щебетать
Средь подлунного мира!

Так вот почему
Все живое звенело,
Звенело и пело,
И благоговело.

Так вот почему
Все живое кружило,
И благо дарило,
И благоволило

Безусым индусам
С душою дитяти,
Которым нельзя
Никого убивати [18, с. 92].

Именно гуманность замысла делает «Малабарскую поэму» художественно цельным и универсальным, вневременным эпосом. Отсюда, пожалуй, простая форма и язык поэмы (обилие разговорной лексики), подчеркнутая «детскость» и наивность.

Присущая поэтике В. Рабиновича интертекстуальность [16, с. 81] проявляется и в «Малабарской поэме». В языковой игре с разностильной и устаревшей лексикой, в игривой инвентаризации мира насекомых и зверей можно заметить тонкие аллюзии на детские стихи Обэриу, сказки К. Чуковского «Муха-Цокотуха» и «Тараканище» и популярную песенку В. Шаинского на стихи Н.

Носова «В траве сидел кузнечик». Есть в поэме и скрытая, подтекстовая ирония. Она порадует пытливого читателя, который знает или захочет узнать о том, что паук-птицеяд и медоед вовсе не безобидные существа и вряд ли достойны трогательного к себе отношения: «ушибить» злобного хищника медоеда, чья кожа-броня не пробивается ни стрелой, ни мачете, просто невозможно, а случайно задев ядовитого паука-птицеяда, рискуешь быть укушенным. К слову, на присутствие загадки автор слегка намекнул тем, что выделил данную строфу за счет необычной ассонансной рифмы:

И не раздавить
Паука-птицеяда,
И не ушибить
Старичка-медоеда [18, с. 87].

Можно пойти дальше, усмотрев в сложном окказиональном существительном с оценочным

словом — «старичка-медоеда» — с одной стороны, связь с внешностью хищника, шерсть кото-

рого в верхней части туловища отличается се-ребристым блеском, напоминающим седину, с другой стороны — аллюзию на имя Старичка-Боровичка, лесного духа из славянской мифологии, управляющего грибами.

«Лексический оттенок слова, например архаизм или провинциализм, — писал М. Бахтин, — указывает на какой-то другой контекст, в котором нормально функционирует данное слово (древняя письменность, провинциальная речь...)» [4, с. 317]. Заповедная русская фольклорность в «Малабарской поэме» обеспечена повтором слов и фраз, как в народных песнях и заличках («Нельзя убивати / Нельзя убивати» [18, с. 86]), а также устаревшими и просторечными словами и выражениями («убивати», «дитяти», «далече», «заране», «по крайности», «клонились

долу», «тяжелые вежды»). [18, с. 86–92] Игра с устаревшей лексикой популярна среди современников писателя. Подтверждение мы обнаруживаем, к примеру, в его статье «Аэропланы и ангелы. Кросскультурные конфигурации», где Рабинович к месту цитирует строчки Юнны Мориц, содержащие экспрессивный глагол «плакоти»: «К утру прорезалось крыло. / Торчит молочное из мякоти. Ах, господи! Не надо плакоти: / С крылом не так уж тяжело» [24, с. 111].

Выверенная звукопись также важна для поэта, потому что она настраивает на песню, сопровождающую монотонное, выматывающее действие, отсылает к русской истории, как будто это бурлаки на Волге тянут баржу, а не бредут изможденные индусы, чередуя свистящие вдохи-выдохи.

По узкой тропинке,
Худы и безусы,
Ступали индусы,
Ступали индусы.

Свисали лохмотья
Подобьем одежды.
Клонились долу
Тяжелые вежды [18, с. 86].

В эту исконно русскую сказовость вплетаются прецедентные имена индийской культуры: Малабар, Джамна, Сакья-Муни. При этом ни один образ не выпадает ни из смыслового, ни из фонетического, ни из эстетического ряда. Здесь стоит напомнить: в русском фольклоре присутствуют не только прямые упоминания Индии, но и многочисленные отсылки к восточным мотивам. В качестве примера приведем сказку о Еруслане Лазоревиче или былин о Дюке. Да и сказка о Жар-птице, по мнению В.В. Стасова, уходит корнями в рассказы индийского автора XII в. Сомадевы. [23, с. 109] На этих единых духовных критериях двух народов, на стыке двух

фольклорных традиций искусно возвращает свою Индию Вадим Рабинович. И так же искусно переплетает две нити — христианство и индуизм.

Что есть путешествие пресловутых индусов, как не поиски рая? Или Будды? Или Спасителя? Разумеется, в «Малабарской поэме» все дорожки и тропки ведут к Богу. И насколько тяжёлым окажется путь к желанному покою, настолько и отдохновение будет полным. Вода Джамнана, наконец-то утоляющая жажду, служит здесь подобием сомы, из гимнов ригведы, духовным, очищающим средством, квинтэссенцией счастья.

Захвати свет, захвати солнце,
и все, что приносит счастье, о сома,
и сделай нас лучше! [21, с. 302].

Сопрягая мотивы христианства и индуизма, Рабинович не механически смешивает краски идей, слов и выражений, а добивается благозвучия и благопонимания, синергетического эффекта. В результате алхимии слов рождается обновленный язык веры, нечто новое и одновременно извечное, глубоко близкое и понятное.

Успех такого сложного действия, на наш взгляд, связан с глубокой предварительной философской проработкой вопроса о сущности Бога и божественного. Именно поэтому «Малабарская поэма» не стала «научнообразной, популярной повестью в стихах — об основах буддизма или индуизма». Автор не отстранен от своих героев, в

тексте «угадывается его сочувствие поклонникам той наивной пантеистической религии, для которых все сущее и живое священо, ибо являет воплощение их бога» [11, с. 13].

Таким образом, самый высокий и сложный семантический пласт поэмы — это, очевидно, попытка описать универсальный момент бытия, причем в этом стремлении «обновить мифологическое время» поэт был не одинок. А. Македонов в книге «Свершения и кануны» описал тенденцию отечественной поэзии конца 70-х годов: с помощью лирики в каждом событии «достигать устойчивости мифа», искать чудесное в повседневно-реальном» и привел в пример образ «замороженного мяса мамонта у Вознесенского», а также стихотворный цикл Е. Винокурова «Мифы» [14, с. 327]. Сам В. Рабинович в беседе с Г. Бурбулисом «О мудрости и природе поэтического» назвал свое «заглядыванье в прошлое» «топикой припоминаний с целью понимать что-то из утопического предвидения» [19, с. 236].

В пространстве поэмы Рабиновича происходят и более понятные для читателя метаморфозы, к примеру синтез культур и эпох, о чем во многом говорит соседство устаревшей лексики с современной. Заметно и смешение стилей: разговорного, художественного и официально-делового. Присутствие официоза, канцелярских выражений служат маркером времени, 70-х годов, а также инструментом создания иронии и самоиронии. Попутно В. Рабиновичу удастся высмеять издержки советского дискурса, наполненного газетными штампами. В пользу присутствия этой темы в поэме говорит хотя бы 17-я строфа: здесь единственная живо звучащая строчка — «Мельчайшего зверя» — буквально зажата в тисках трех канцелярских строк, не передающих ни эмоций, ни интересной мысли. Любитель поэзии, конечно, понимает, что поэт ерничаёт, но подспудно усваивает отвлечение к

пустому формальному слову и начинает больше ценить изящные тропы, такие эпитеты, как «дурная, ночная ухмылка убийцы» [18, с. 89] или окказиональные энтомосемизмы (названия насекомых в художественных текстах): вглядимся в «комашку-букашку» «бабочку-лист», «птицу-малинку», «жука-паука» из «Малабарской поэмы» [18, с. 88].

Тема жесткой советской цензуры удачно вписана в конец поэмы и занимает одиннадцать строф: автор передает жесткую критику безымянного чиновника с нарочитым пафосом называя его мыслителем: «Лишь некий мыслитель, / Любитель мясного, / Уже приготовил / Сердитое слово. / Учитель-ревнитель / И нравоучитель, / Худящих индусов / Пустой обличитель». [18, с. 90] Отрицательный герой поэмы перегибает палку, упрекая вегетарианцев в том, что они едят растения, которые тоже можно считать живыми. В этой ситуации автор-рассказчик, несмотря на свою кротость, находит в себе силы дать отпор оппоненту: «Мыслитель, оставьте / Свои укоризны!..» [18, с. 92]. Разумеется, есть биографический подтекст у этого отступления в поэме. Сложные взаимоотношения с цензорами Рабинович в красках описал в своей книге «Алхимия», в главе «Постскриптум». Требования к автору порой выдвигались абсурдные. К примеру, фраза «вернуться к нашим драконам», вызвала подозрение, потому что, по мнению редактора, можно было лишь «вернуться к нашим баранам», как во французской поговорке. [17, с. 681] Однако никакие проблемы не отняли у поэта жизнелюбия и желания иронизировать и шутить.

Бесконечный юмор, изобретательность — неизменные черты идеостилия В. Рабиновича, который, как академик П. Капица, «уверен, что наука и поэзия должны быть веселыми, и считает этот постулат одной из важнейших имитаций» [2].

Идти далеко им
До берега Джамны.
До влаги
Сухие гортани их жадны.

Но если немножечко
Им поспешить,
То можно, пожалуй,
Жука раздавить,

Жука-паука...

Но с какой это стати,
По праву какому
Жука убивати?! [18, с. 89].

В конце процитированного отрывка автор-рассказчик не зря возмущается. Описанная ситуация уже напрямую связана с основными постулатами индуизма. Дело в том, что Санатана-дхарма строится на принципе всеприсущности бога (параматмы), где изначальная истинная

природа всех живых существ без исключения, вплоть до «личинки, еще не живой» вечна и духовна. Истребление любого живого существа приводит к сбою в цикле перерождений, оставляя погибшего насильственной смертью в той же форме. Это и есть дхарма, духовный закон.

Всем людям из той
Малочисленной джати
Нельзя убивати,
Нельзя убивати [18, с. 86].

Максимально наглядно выглядит это отрицание насилия на реальном историческом фоне, в свете факта: область Малабар стала первой индийской территорией, колонизированной британцами. Здесь часто возникали народные волнения, в том числе известное Малабарское восстание или Восстание мопла 1921 года. Возможно, в этом факте — ключ к символике названия поэмы. Притесняемый народ, полностью сознающий свое главное право — свободу жить, не мог не бастовать.

И ликующий, «звнящий» финал поэмы — не что иное, как художественное отображение кармы как следствия деяний человека, его духовных и жизненных установок, мыслей и устремлений. Всё, полученное людьми в этой жизни, является следствием их прошлых поступков. Картину мира вокруг себя человек рисует сам, сам складывает свою судьбу из крошечных кубиков-мгновений. Бог ничего не даёт и не забирает, бог есть чистая энергия и порядок.

И жажду студили
Джамнанской водою.
И златоголосо
Звенело живое.

Звенело и пело
На разных наречьях
Во славу прекрасных
Детей человеческих... [18, с. 90].

Индуистская идея состоит в том, что накопленная человеком карма записана в его тонком теле в виде тончайших звуковых вибраций. Добавим: неоднократно повторяющийся в поэме мотив «звона» соотносим с благовестом, то есть снова две религии становятся на одну ступень.

Другой символ индуизма, колесо сансары, означает круговорот рождения и смерти. И мо-

тивы метемпсихоза в «Малабарской поэме» обозначены тонко и деликатно. Рабинович преподносит сюжет как действие, которое происходило в прошлом (малабарская быль) и происходит сейчас, на наших глазах. Эту идею поддерживает умелая игра с хронотопом.

Смешавшись с высокой
Зеленой травой,
Им под ноги сверху
Бросалось живое.

Но, как говорят
Малабарские были,

Они и тогда
Никого не убили [18, с. 89].

Позитивный финал означает: колесо сансары совершило поворот, и это действие снова будет происходить в будущем. Мировая гармония не пострадала, а временной диапазон произведения еще больше расширился.

Не случаен также образ коровы: «Секло их прутье, / Ибо не было крова. / Но с ними священная — / Рядом — корова» [18, с. 88]. Как и мать-земля, корова-мать рождает все живое, она прародительница Гау Мата и символ бескорыстного жертвования. Такие же бескорыстные жертвы приносят индусы Рабиновича, поступаясь комфортом и благополучием ради «не то что гаура, не то что барана», но и «мелкой рыбки», «малой птахи» [18, с. 86]. Так как корова — священное животное, «а-гхнья» [10, с. 18], то есть, «та, которую нельзя убивать», она встаёт в один ряд со всеми обитателями окружающего мира, которых старательно оберегают герои поэмы. Кроме того, через культ коровы автор подключает к дискурсу зороастризм, джайнизм, а также традиции Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рим, согласно которым корова тоже считается благородным животным.

Наконец, нельзя обойти стороной и такое базовое понятие индуизма, как гуру, духовный наставник, учитель. В «Малабарской поэме» за гуру можно принять рассказчика. Высокая роль поэта видится здесь и рецензенту Ивану Киуру: «Индусы бредут с берегов священной Джанмы, а над ними весёлым и полуироничным ангелом-хранителем витает дух поэта». [11, с. 13] Автор словно озвучивает добрую, красивую, лукавую сказку с хорошим концом, не давая оценочных суждений, оставляя читателю право самостоятельно делать выводы и строить аналогии. Тако-

ва «всемирная отзывчивость» [8, с. 37] Рабиновича, таков его творческий путь.

Выводы. В отличие от многих русских писателей Рабинович использует индийские мотивы не в пейзажной, а в философской лирике, определяя этим их особенное звучание и значение в контексте своего уникального авторского метода. Индуистские мотивы в «Малабарской поэме» не цель, а средство, способ выражения автором своей картины мира. Синтез культур, стилей и времен делает это произведение интересным для исследования и позволяет обращаться к разным сферам знания. Рабинович сумел поставить необычный эксперимент: скрестить русскую народную культуру с народной индийской культурой, и две религии, которые в его понимании также являются частью культуры. В итоге поэт построил модель идеального нравственного мироустройства, а заодно сумел вписать в текст реалии России 70-х годов.

В. Рабинович не просто знакомит читателя с «былью» далёкой страны, преподносит азы индийской философии, религии и культуры, он погружает его в мир индусов, побуждая к сочувствию и пониманию. А по большому счету и автор, и читатель путешествуют к самому себе, истинному, чистому, наивному. «Малабарская поэма» Рабиновича и вся его первая книга «В каждом дереве скрипка» есть, по замечанию критика, «не что иное, как очень даже нелегкий путь обнаружения сути творчества: от самовыражения вообще, от поиска средств этого самовыражения — своего стиля, — к поэзии; от внешней яркости, броскости — к более надежному, глубокому потаенному свету» [11, с. 14].

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 1056 с.
2. Алькаева, З. Портрет Вадима Рабиновича, или читая его новую книгу // Зинзивер. — No 6 (26) [Эл. ресурс]. — URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2011/6/portret-vadima-rabinovicha-ili-chitaya-ego-novuyu-knigu.html> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Бальмонт, К. Д. Полное собрание стихов. Т.5. — М.: Скорпион, 1911. — 148 с.
4. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст]. - 3-е изд. - Москва: Худож. лит., 1972. — 470 с.
5. Бернюкевич, Т. В. Буддийские мотивы в лирике К. Бальмонта / Т. В. Бернюкевич // Гуманитарный вектор. — 2010. — № 2(22). — С. 164–168. — EDN MSXVUP.
6. Даренская, Н. А. Индия в творчестве Н. С. Гумилева / Н. А. Даренская // XV международные научные чтения (памяти Капицы С.П.): сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 01 октября 2017 года. — М.: ООО "Европейский фонд инновационного развития", 2017. — С. 43–51. — EDN ZOILWT.
7. Дёмин, А. С. Индия в древнерусской литературе // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 197–215.

8. Дударева, М. А., Рождественская, О. Ю. Язык поэзии Вадима Рабиновича: феномен всемирной отзывчивости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2024. – Т. 26. – № 4 – С. 37–43.
9. Золотцев, С. В каждом дереве скрипка // Новый мир. – 1979. – №9. – С. 282–283.
10. История и культура Древней Индии: Тексты / Сост. А.А. Вигасин. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 352 с.
11. Киуру, И. Найти в дереве скрипку. Рецензия на книгу В. Рабиновича «В каждом дереве скрипка», апрель 1979 г. – 14 с. Личный архив А.Н. Рылевой.
12. Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Учёные записки Тартуского государственного университета. – 181 выпуск. – Тарту, 1965. – С. 210–216.
13. Люсый, А. П. «Индия духа» и серебряный ноль. Новая сцена для культуры Серебряного века от Елены Шахматовой / А. П. Люсый // Вопросы культурологии. – 2021. – № 2. – С. 177–182. – DOI 10.33920/nik-01-2102-09. – EDN RHAJJU.
14. Македонов, А. В. Сверхшения и кануны [Текст]: о поэтике русской советской лирики 1930-1970-х гг. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1985. – 358, [1] с. – Б. ц.
15. Морье, А. К. Индия - Россия: литературно-культурное взаимопонимание / А. К. Морье // Художественное образование и наука. – 2019. – № 4. – С. 127-138. – DOI 10.34684/hon.201904016. – EDN ZOYKEN.
16. Окорочкова-Алькаева, З. Ю. Интертекст как исследовательский эксперимент поэта и культуролога Вадима Рабиновича (на примере анализа эссе «Футуристический диптих») / З. Ю. Окорочкова-Алькаева // Известия Смоленского государственного университета. – 2019. – № 3(47). – С. 81–102. – DOI 10.35785/2072-9464-2019-47-3-81-102. – EDN MLTCXG.
17. Рабинович, В. Л. Алхимия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. – 704 с.
18. Рабинович, В. Л. В каждом дереве скрипка. [Текст] / В. Рабинович. Стихи. Художник Владимир Левинсон. – М.: Советский писатель, 1978. – 96 с.
19. Рабинович, В. Л. Синица ока стихотворения и поэмы / Вадим Рабинович. – Москва: Стратегия, 2008. – 270, [1] с. ил., портр.; 20. – (Политософская библиотека); ISBN 5-9234-0079-0.
20. Рабинович, В. Л. Фиолетовый грач.: Стихотворения и поэмы / Вадим Рабинович; [Худож. В. Левинсон]. – М.: Сов. писатель, 1988. – 220 с.
21. Ригведа. Избранные гимны. / Перевод, комментарий и вступительная статья Т.Я. Елизаренковой. – М.: ГРВЛ. 1972. – 418 с.
22. Спесивцева, Л. В. Тема Востока в лирической поэме Серебряного века / Л. В. Спесивцева // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2(46). – С. 087–093. – EDN QJIKX.
23. Стасов, В. В., Пыжиков, А. В. Происхождение русских былин (Неожиданный Владимир Стасов). – М.: Концептуал, 2019, 416 с.
24. Философский век. Альманах. Вып. 32 Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 2 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2006. – 345 с.
25. Фисковец, Е. В. Образ Индии в русской литературе (между реальностью и мечтой): специальность 10.01.01 "Русская литература": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Фисковец Елена Валерьевна. – Петрозаводск, 2011. – 22 с. – EDN ZODZHP.

HINDUISM MOTIVES IN THE "MALABAR POEM" BY V. RABINOVICH

© 2024 Z.Yu. Okorokova-Alkaeva

Zulfiya Yu. Okorokova-Alkaeva, Senior Lecturer, Department of Humanities

E-mail: zalkaeva@bk.ru

Moscow International University

Moscow, Russia

The article analyzes the semantic and stylistic features of V. Rabinovich's "Malabar Poem", first published in the book of poems "In every Tree there is a violin" (1978), taking into account critical reviews. Russian Russian writers' interest in India, which dates back to medieval literature and has been preserved to this day, and the overlap of Russian folklore with the motifs of ancient Indian culture, are noted. The connection of Rabinovich's poetics with the traditions of Soviet poetry, the work of the Oberiutes and poets of the Silver Age, and the history of world culture is indicated. The techniques of language play and the subtext reflection of the atmosphere of the 70s of the XX century in Russia were revealed, when anti-war rhetoric intensified in the conditions of the next round of the cold War, and the so-called stagnation prevailed in domestic politics, and the Soviet intelligentsia resisted the dominance of officialdom and standard in journalism and literature. The relevance of the poem itself and its research is emphasized, due to immersion in the unique author's method of the poet, combining science and lyrics. Formulate the author's super task is formulated — an attempt to emphasize the common features of Hinduism and Christianity with the help of a stylistic experiment, as well as to create a utopian picture of universal peace and harmony.

Key words: Malabar poem, V. Rabinovich's poetics, motives of Hinduism, India, folklore, Soviet poetry, allusion, subtext, language game, irony, entomosemism

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-72-81

EDN: OZNDUN

1. Azadovskiy, M. Istoriya russkoy folkloristiki (History of Russian folklore). – M.: Institut russkoy civilizatsii, 2014. – 1056 s.
2. Alkaeva, Z. Portrait of Vadim Rabinovich, or reading his new book // Zinziver No. –6 (26) [Electronic resource]. – URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2011/6/portret-vadima-rabinovicha-ili-chitaya-ego-novuyu-knigu.html> (data obrashcheniia: 10.10.2024).
3. Balmont, K. D. Polnoe sobranie stihov (Complete collection of poems. T.5. – M.: Izd. Skorpion, 1911. – 148 s. Sobranie sochineniy (The complete works). T.6. – M.: «Knigovek», 2010
4. Bakhtin, M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo (Dostoevsky's poetics problems) [Tekst]. – 3-e izd. – Moskva: Hudoj. lit., 1972. – 470 s.
5. Bernukevuch, T. V. Buddiyskie motivy v lirike K. Balmonta (Buddhist motives in K. Balmont's lyrics) / T.V. Bernukevuch // Gunanitarnyy vektor. – 2010. – № 2(22). – S. 164–168. – EDN MSXVUP.
6. Darenskaya, N. A. India in the works of N. S. Gumilev / N. A. Darenskaya // XV International scientific readings (in memory of Kapitsa S.P.) : collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 01, 2017. – Moscow: European Fund for Innovative Development LLC, 2017. – Pp. 43-51. – EDN ZOILWT.
7. Demin, A. S. Indiya v drevnerusskoy literature (India in Old Russian literature) // Germenevtika drevnerusskoy literatury. Sbornik 21 / In-t mirovoy literatury im. A.M. Gorkogo RAN; gl. red. O.A. Tufanova. – M.: IMLI RAN, 2022. – S. 197-215.
8. Dudareva, M. A., Rojdestvenskaya, O. U. Yazyk poezii Vadima Rabinovicha: fenomen vsemiroy otzivchivosti (The language of Vadim Rabinovich's poetry: a phenomenon of worldwide responsiveness) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk. Socialnye, humanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2024. – T. 26. – № 4. – S. 37–43.
9. Zolotcev, S. V kajdom dereve skripka (There is a violin in every tree) // Novyy mir. – 1979. – №9. – S. 282–283.
10. Istoriya i kultura Drevney Indii (The history and culture of ancient India): Teksty / Sost. A.A. Vigasin. – M.: Izd-vo MGU, 1990. – 352 s.
11. Kiuru, I. Nayti v dereve skripku (Find a violin in a tree). Recenziya na knigu V. Rabinovicha «V kajdom dereve skripka», aprel 1979 g. – 14 s.
12. Lotman, Yu. M. O ponyatii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh (About the concept of geographical space in Russian medieval texts) // Uchenye zapisi Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta. – 181 vypusk. – Tartu, 1965. – S. 210–216.
13. Lyusy, A. P. «Indiya dukha» i serebryanny nol. Novaya scena dlya kultury Serebryanogo veka ot Eleny Shachmatovoy ("India of Spirit" and silver zero. A new scene for the culture of the Silver Age from Elena Shakhmatova) / A.P. Lyusy // Voprosy kulturologii. – 2021. – № 2. – S. 177-182. – DOI 10.33920/nik-01-2102-09. – EDN RHAIJU.
14. Makedonov, A. V. Achievements and evans [Text]: on the poetics of Russian Soviet lyrics of the 1930 s-1970 s / - L.: Soviet writer. Leningrad branch, 1985. – 358, [1] S. - B. ts.
15. Okorokova-Alkaeva, Z. U. Intertekst kak issledovatel'skiy eksperiment poeta i kulturologa Vadima Rabinovicha (na primere analiza esse «Futuristicheskii diptikh») (Intertext as a research experiment of the poet and culturologist Vadim Rabinovich (using the example of the analysis of the essay "Futuristic Diptych") / Z.U. Okorokova-Alkaeva // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 3(47). – S. 81–102. – DOI 10.35785/2072-9464-2019-47-3-81-102. – EDN MLTCXG.
16. Morye, A. K. India - Russia: literary and cultural understanding / A. K. Morye // Art education and science. – 2019. – No. 4. – Pp. 127-138. – DOI 10.34684/Hon.201904016. – EDN ZOYKEN.
17. Rabinovich, V. L. Alchemy. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2012. – 704 p.
18. Rabinovich, V. L. V kajdom dereve skripka (In every tree a violin) / V.L. Rabinovich. Stikhi. Hudojnik Vladimir Levinson. – M.: Sovetskii pisatel, 1978. – 96 s.
19. Rabinovich, V. L. Tit of the Eye poems and poems / Vadim Rabinovich. – Moscow: Strategiya, 2008. – 270, [1] p. ill. portr.; 20. – (Politosophical Library); ISBN 5-9234-0079-0.
20. Rabinovich, V. L. Fioletovyy grach (Purple rook): Stikhotvoreniya i poetry / Vadim Rabinovich; [Hudoj. V. Levinson]. – Moskva: Sov. pisatel, 1988. – 220 s.
21. Rigveda. Izbrannye gimny (Selected hymns). / Perevod, kommentariy i vstupitelnaya statya T.Y. Elizarenkovoy. – M.: GRVL. 1972. – 418 s.
22. Spesivtseva, L. V. The theme of the East in the lyrical poem of the Silver Age / L. V. Spesivtseva // Humanitarian studies. – 2013. – № 2(46). – Pp. 087-093. – EDN QJIIKX.
23. Stasov, V. V., Pyjikov, A.V. Proishozhdenie russkikh bylin (Origin of Russian epics). – M.: Konceptual, 2019. – 416 s

24. Filosofskiy vek (Philosophical age). Almanakh. Vyp. 32 Denjamin franklin I Rossiya: k 300-letiyu so dnya rojdeniya. Chast 2 / Otv. Redaktory T.V. Artemeva, M.I. Mikeshein. — SPb.: Sankt-Peterburgskiy Centr istorii idey, 2006. — 345 s.
25. Fiskovets, E. V. The image of India in Russian literature (between reality and dream): specialty 10.01.01 "Russian literature": abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences / Elena V. Fiskovets. — Petrozavodsk, 2011. — 22 p. — EDN ZODZHP.

УДК 168.522 : 392.51 (Гуманитарные науки. Культурология /Свадебные обычаи)

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ПРЕДСВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ УЗБЕКОВ ГОРОДА ОШ (КИРГИЗИЯ)

© 2024 Г.А. Ахмедова (Охунова)

*Ахмедова (Охунова) Гулида Абдраимджановна, старший преподаватель
кафедры истории и философии*

E-mail: gulida@mail.ru

Кыргызско-Узбекский Международный университет им. Б. Сыдыкова
Ош, Киргизия

Статья поступила в редакцию 09.10.2024

Данная работа освещает влияние мировых тенденций на традиционные обычаи и ритуалы, принятые в узбекском обществе. Изменение условий жизни, социально-экономические и культурные преобразования, забвение национальных традиций привели к потере и трансформации многих обрядов и обычаев жизненного цикла узбеков города Ош. Такие компоненты предсвадебного этапа, как обычай избегания молодыми старших родственников друг друга, обычай пребывания в чужом доме и т. д., практически не сохранились на сегодняшний день в городской среде. Так, если раньше наши бабушки и прабабушки большую часть приданого для дочери или внучки накапливали постепенно, ещё с раннего детства последних, то сегодня, когда мода стремительно меняется, откладывание приданого стало не актуальным. Количество и качество приданого зависит от материального состояния семьи девушки. Хотя сегодня и богатые, и ограниченные в средствах пытаются перещеголять друг друга в этом обряде, дабы не стать предметом осуждения, особенно со стороны родственников жениха. За несколько дней до свадьбы производится мусульманский обряд бракосочетания – никах. В последнее время мусульмане города Оша придают большое значение выполнению никаха, наряду с торжественной регистрацией брака в загсе. В последнее время стало цениться наличие высшего образования у молодых. Результаты исследования могут быть полезными для лучшего понимания динамики изменений в культурных практиках под воздействием глобализации, а также для сохранения и преобразования традиций в современном контексте.

Ключевые слова: свадьба, обряды, городское население, трансформация, калым, махр, кебин

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-82-86

EDN: PBQYWK

Введение. Одним из этапов создания новой семьи является свадьба, которая во все времена сопровождалась всевозможными церемониями и обрядами. Суть всей свадебной обрядности составляла совокупность разнохарактерных обычаев, а сами ритуалы являлись разнообразной красочной и глубоко содержательной частью всего обрядового комплекса. За долгие годы многое изменилось в культуре и быту узбеков города Ош. Эти изменения тесно связаны с социально-экономическими и культурными преобразованиями, произошедшими в регионе. Изменениям подверглись и традиционные свадебные обряды. Многие обряды и обычаи изжили себя или трансформировались. Наряду с этим зародились новые, о которых не знали наши предки.

История вопроса. Имеющиеся в науке труды по исследуемой проблеме быстро устаревают. Так, например, статья А.К. Амирхановой и Л.Б. Салиховой [1] датируется 2017 г. Поэтому цель данного исследования – определить влияние процессов глобализации на трансформацию предсвадебных

обрядов узбеков города Ош (Киргизия) в режиме реального времени.

Методы исследования. Сбор материала для статьи проводился с использованием методов наблюдения и бесед с участниками предсвадебных обрядов в г. Ош.

Результаты исследования. Свадебный цикл, как принято в этнографии, делится на три этапа: предсвадебный, свадебный и послесвадебный. К предсвадебному этапу узбекской свадьбы относятся: выбор невесты, стовор, сватовство, помолвка (обручение), преподношение подарков, подготовка приданого, кыз той (свадебная церемония в доме невесты), обряд заключения мусульманского брака (никах) с выдачей кебина (предбрачный дар будущей жене для её обеспечения на случай развода по инициативе мужа или вдовства). Эти ритуалы составляли целый комплекс предсвадебных обрядов в традиционной свадьбе узбеков.

Согласно традициям, присмотрев сыну невесту, родители наводят справки о девушке. В современных невестах, как и ранее, ценятся хозяйственные навыки, аккуратность и чистоплотность, женственность, почтительность к старшим, целомудренность. Обращают внимание также на её скромность, воспитанность и, конечно, красоту. К юноше чаще предъявляют такие требования, как воспитанность, сдержанность, почтительное отношение к старшим, отсутствие вредных привычек, опрятный внешний вид, умение вести себя в обществе, ответственность, владение профессией, работоспособность и др.

В последнее время одним из главных требований в выборе брачного партнера является уровень образования (в том числе религиозного) молодых. Хотя какое-то время назад «родители юношей, напротив, старались не брать для сыновей девушек, которые учились, кончили вузы, считая, что такие девушки забывают традиции, что негативно влияет на их этические качества» [3, с. 72].

Современные родители, напротив, не хотят видеть в избранниках своих детей человека, который не имеет образования. Касается это как парней, так и девушек. Если для девушки наличие образования является желательным, то для юноши это обязательно, так как это дает больше возможностей успешно содержать семью [2, с. 114].

Здесь следует заметить, что в ходе полевых исследований информаторы говорили о частых случаях, когда юноши, окончившие вузы, не работают по специальности, но могут содержать семью.

Инициатива в подборе невесты в основном исходит со стороны родственников парня. Но бывает, что семье парня предлагают определенную девушку. Если парня или его родных не устраивает предложенная кандидатура, то отказаться стараются в тактичной форме. Также и девушка, по требованию этикета, должна тактично отвергнуть неприглянувшегося парня.

В ходе сбора полевых материалов респонденты свидетельствовали и о том, что сегодня молодежь города присматривает себе пару самостоятельно, но всё же советуется и с родителями. Если брак заключается по выбору родителей, то старшие родственники стремятся познакомить молодых и выяснить их симпатии друг к другу. Чаще всего современная молодёжь знакомится в вузах, на работе, через общих друзей или родственников, на свадьбах и т. д. С появлением мо-

бильных телефонов и интернета, развитием социальных сетей и разнообразных мессенджеров молодые люди общаются друг с другом напрямую, без посредников, путем обмена сообщениями, фотографиями.

Как и прежде, основным мотивом добрых встреч и ухаживаний остается намерение вступить в брак, создать семью.

Как отмечено выше, важным предсвадебным моментом является сбор информации. По традиции, кому-то из близких родственников поручалось навести справки об отношении родных девушки к семье парня. Сегодня тоже начинают с этого этапа. Через соседей, родственников, знакомых стараются как бы вскользь упомянуть имя претендента или его родителей, для того чтобы проверить реакцию со стороны родственников невесты. Если не встречают резкой неприязни с их стороны, то тогда отправляют людей для более подробного разговора. К выбору сватов для отправки в дом невесты во все времена относились очень серьезно. От их авторитета и умения вести переговоры часто зависел исход визита. Поэтому это были уважаемые люди преклонного возраста, имеющие дружные и счастливые семьи. Не допускалось, чтобы в составе сватов были люди, живущие в повторном браке, вдовцы или бездетные. Однако в случае, когда парень и девушка уже все решили между собой, то этот этап значительно упрощается и носит формальный характер, так как сваты идут в дом девушки, будучи твердо уверенными в её согласии. В этот день иногда стороны преподносят друг другу небольшие подарки, а невесту одаривают наиболее ценными. После удачного стовора приступают к следующему этапу – официальному сватовству (помолвке). Если раньше между сватовством и помолвкой проходило некоторое время, то сегодня в городах эти церемонии (эшик очти, пахта та-шади, булди-булди) объединяют в одну.

Следует отметить, что на данном этапе решался лишь один главный вопрос – согласие семьи девушки породниться с семьей юноши. После окончания сватовства следовала помолвка, известная под названием «фотиха туй». Количество гостей-участников помолвки оговаривается сторонами заранее. В доме родителей невесты в день помолвки собираются близкие родственники и соседи, готовится обильное угощение, что определялось благосостоянием хозяев. Стороны готовят подарки друг другу. Обычно дарят красивые пледы, постельное бельё, хрустальные вазы, набор посуды, мужчинам – рубашки и т. д. Родственники парня преподносят невесте комплект

золотых украшений. Здесь заметим, что объем подарков растет из года в год. С этого дня молодые считаются обрученными. Далее оговариваются сроки предстоящей свадьбы и идет подготовка к ней.

Родители невесты готовят её приданое, что требует серьезных материальных расходов. Если раньше наши бабушки и прабабушки большую часть приданого для дочери или внучки накапливали постепенно ещё с их раннего детства, то сегодня, когда мода меняется с каждым годом, откладывание приданого стало не актуальным. Меняется мода на все, что входит в приданое – посуду, ковры, мебель, одежду невесты. Количество и качество приданого, конечно же, зависит от материального состояния семьи девушки. Хотя на сегодняшний день и богатые, и менее обеспеченные пытаются перещеголять друг друга в этом, дабы не стать предметом осуждения, особенно со стороны родственников жениха. За несколько дней до свадьбы происходит заключение мусульманского обряда бракосочетания – никах. В последнее время мусульмане города Оша придают большое значение выполнению никаха, наряду с торжественной регистрацией брака в загсе [7, с. 127].

По сведениям информаторов, обряд заключения мусульманского брака – никах – происходит в некоторых случаях и в день свадьбы. Никах обычно сопровождается выдачей кебина (махр). Кебин – это предписанное исламским шариатом право женщины, которое является одним из условий для заключения мусульманского брака никаха. У мусульманских народов, где в той или иной форме практикуется выкуп за невесту, эта традиция в сознании общественности стала ассоциироваться с шариатским условием заключения брачного союза – махром. Однако махр и калым различаются по многим параметрам (об этом сообщают информаторы: семья Умаровых).

Махр – это обязательная выплата денежных средств или передача каких-либо материальных ценностей женихом своей будущей невесте (только ей, а не семье). Он является одним из условий никаха. Условно говоря, калым – это плата ЗА невесту, а махр – выплата НЕВЕСТЕ. Поэтому стоимость махра определяет будущая супруга, а не её семья, как в случае с калымом. Махром может служить всё то, что подлежит купле-продаже. Если же в момент заключения брака махром оказалось то, что нельзя ни купить, ни продать, в этом случае следует выплатить

махр мислий (махр, соответствующий уровню и статусу первоначальному, или принятый в этом регионе). Выплата махра преследует иные цели, нежели калым. Во-первых, это повеление Всевышнего не является компенсацией для семьи, денежной оценкой невесты. Махр символизирует решительность мужчины вступить в брак и его серьёзное отношение к браку, умение выполнять требования и обеспечить семью. Во-вторых, махр направлен для защиты женщины в случае, если она останется без мужа. Поэтому распоряжаться имуществом или деньгами может только она, а не её семья. Калым выплачивают до вступления молодых в брак. Махр обычно передают во время совершения никаха, когда спрашивают жениха и невесту о махре и согласии невесты на такой махр. Этот вид махра называется «махр муад-жалъ», то есть даруемый сразу. С позиции всех мазхабов, кроме ханафитского, никах без махра не является действительным. По мнению Абу Ханифы, такой брак нежелателен. Махр можно выплатить позже, но не очень затягивая сроки, если стороны договорились об этом. Такой вид получил название «махр муаххар» [6].

Родителям или близким родственникам девушки запрещается использовать для собственных нужд полученные от жениха в качестве кебинных денег средства, так как это будет считаться харамом (грехом). Как пишет Ф.А. Филельсбург, никах совершается муллоу в отцовской кибитке. Невеста сидит за кошого (ширмой) справа внизу, жених – среди народа. Кошого принадлежит невесте [9, с. 36].

Следует также отметить, что такие компоненты предсвадебного этапа, как обычай избегания молодыми старших родственников друг друга, обычай пребывания в чужом доме и т. д., практически не сохранились сегодня в городе. Процессы глобализации внесли свои коррективы в эти этапы предсвадебных обрядов. Исследователи отмечают меньшую частоту избегания в городской среде, в молодых возрастных группах и в тех группах, принадлежность которых связана с более высоким уровнем образования, т. е. наблюдается общая тенденция к более свободному общению мужчин со старшими родственниками, отход от запрета есть с ними за одним столом. Всё же эти красивые обычаи стараются не забывать и сохранять в Оше.

Выводы. Таким образом многие традиционные предсвадебные обряды, формировавшиеся и практиковавшиеся веками у узбеков города Оша,

не потеряли своего значения и в наши дни. Многие обычаи и традиции живут, несмотря на то, приносят они пользу обществу или нет. В то же время, какие-то обычаи и обряды утрачены совсем, а какие-то подверглись трансформации; также появились новшества, не свойственные

традициям наших предков. Этническая и культурная неоднородность городского населения Оша, глобализация повлияли на вариативность свадебных обрядов. Складываются и совершенно новые интернациональные традиции, соответствующие новому образу жизни узбеков города Оша.

1. Амирханова, А. К., Салихова, Л. Б. Предсвадебные обряды в городах в прошлом и настоящем // Археология и этнография Кавказа и Крыма: Тезисы докладов. – СПб, 2017. – С.105-107.
2. Ахмедова, Г. А. Досвадебные и свадебные обычаи узбеков города Ош // Вестник института: познание истории. – 2023. – Вып. 1. – С. 114-119.
3. Ахмедова, Г. А. Ош шаарындагы өзбек элинде нике тоюна чейинки жана той менен байланыштуу үрп-адаттар // Вестник Ошского государственного педагогического университета им А. Мырсабекова. – 2022. – Вып. 20. – С. 71–79.
4. Жданов, Т. А. Состав семьи // Семейный быт народов СССР. – М.: Наука, 1990. – С 489-506.
5. Кагаров, Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1929. – Т. 8. – С. 152–195.
6. Калым и махр, различия между ними. [Сайт Islam.Global]. – URL: <https://islam.global/semya/semeynaya-zhizn/makhr-i-kalym-chto-polagaetsya-vyplatit-neveste/> (дата обращения: 09.10.2024).
7. Осмонова, С. К. Традиционные свадебные обряды юго-запада Ферганской долины (конец XIX – начало XX вв.) : Монография. – Ош, 2015. – 208 с.
8. Ташалиева, М. М. Памир өрөөнүндөгү кыргыздардын үйлөнүү тою салты (XIX к.аягы-XXк.башы): Монография. – Бишкек, 2021. – 224 с.
9. Фиельструп, Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М.: Наука, 2002. – 299 с.

THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION PROCESSES ON THE TRANSFORMATION OF PRE-WEDDING RITES OF UZBEKS IN THE CITY OF OSH (KYRGYZSTAN)

© 2024 G.A. Akhmedova (Okhunova)

Gulida A. Akhmedova (Okhunova), Senior Lecturer at the Department of History and Philosophy

E-mail: gulida@mail.ru

Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov
Osh, Kyrgyzstan

This article highlights the influence of global trends on traditional customs and rituals accepted in Uzbek society. Changing living conditions, socio-economic and cultural transformations, oblivion of national traditions have led to the loss and transformation of many rites and customs of the life cycle of Uzbeks in the city of Osh. Such components of the pre-wedding stage as the custom of young people avoiding each other's older relatives, the custom of staying in someone else's house, etc., have practically not survived in the urban environment today. Thus, if earlier our grandmothers and great-grandmothers gradually accumulated most of the dowry for their daughters or granddaughters, even from the early childhood of the latter, today, when fashion is changing rapidly, putting off the dowry has become irrelevant. The quantity and quality of the dowry depends on the financial situation of the girl's family. Although today both the rich and those with limited means try to outdo each other in this ritual, so as not to become the subject of condemnation, especially from the groom's relatives. A few days before the wedding, the Muslim wedding ceremony - nikah - is performed. Recently, Muslims of Osh attach great importance to the performance of nikah, along with the solemn registration of marriage at the registry office. Recently, having a higher education has become valued among young people. The results of the study may be useful for better understanding the dynamics of changes in cultural practices under the influence of globalization, as well as for preserving and transforming traditions in the modern context.

Keywords: wedding, rituals, urban population, transformation, bride price, mahr, kebin

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-82-86

EDN: PBQYWK

1. Amirhanova, A. K., Salihova, L. B. Predsvadebnye obryady v gorodah v proshlom i nastoyashchem (Pre-wedding Ceremonies in Cities in the Past and Present) // Arheologiya i etnografiya Kavkaza i Kryma: Tezisy dokladov. – SPb, 2017. – S.105-107.

2. Ahmedova, G. A. Dosvadebnye i svadebnye obychai uzbekov goroda Osh (Pre-wedding and wedding customs of the Uzbeks of Osh) // Vestnik instituta: poznanie istorii. – 2023. – Vyp. 1. – S. 114-119.
3. Ahmedova, G. A. Osh shaaryndagy o'zbek elinde nika toyuna chejinki zhana toj menen bajlanyshuu yrp-adattar (A seminar-meeting on environmental protection was held in the city of Kara-Kul) // Vestnik Oshskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A. Myrsabekova. – 2022. – Vyp. 20. – S. 71-79.
4. Zhdanov, T. A. Sostav sem'i (Family composition) // Semejnyj byt narodov SSSR. – M.: Nauka, 1990. – S. 489-506.
5. Kagarov, E. G. Sostav i proiskhozhdenie svadebnoj obryadnosti (The composition and origin of the wedding ceremony) // Sbornik Muzeia antropologii i etnografii. – 1929. – T. 8. – S. 152-195.
6. Kalym i mahr, razlichiya mezhdu nimi (Kalym and mahr, the differences between them). [Sajt Islam. Global]. – URL: <https://islam.global/semya/semeynaya-zhizn/makhr-i-kalym-cto-polagaetsya-vyplatit-neveste/> (data obrashcheniia: 09.10.2024).
7. Osmonova, S. K. Tradicionnye svadebnye obryady yugo-zapada Ferganskoj doliny (konets XIX – nachalo XX vv.) (Traditional wedding ceremonies in the south-west of the Ferghana Valley (late XIX – early XX centuries): Monografiya. – Osh, 2015. – 208 s.
8. Tashalieva, M. M. Pamir o'rtoyindog' kyrgyzdardyn yjlonoy toyu salty (XIX k.ayagy-XXk.bashy) (Kyrgyz wedding tradition of the Pamir Valley (XIX century end – XX century the beginning)): Monografiya. – Bishkek, 2021. – 224 s.
9. Fiel'strup, F. A. Iz obryadovoj zhizni kirgizov nachala XX veka (From the ceremonial life of the Kyrgyz people of the early XX century) . – M.: Nauka, 2002. – 299 s.

УДК 168.522: 002.2 (Гуманитарные науки. Культурология / Печать в целом. Книговедение)

ПОНИМАНИЕ КНИГИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МЕДИА

© 2024 Н.А. Берсенин

*Берсенин Николай Александрович, аспирант, преподаватель кафедры культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов*

E-mail: nikolaibersenin5876@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва
Саранск, Россия

Статья поступила в редакцию 25.10.2024

Статья представляет собой анализ феномена книги и форм ее существования, что в большей степени лежит в области книговедения. Однако на современном этапе активного внедрения цифровых технологий как в производство, так и социальные отношения возникают новые практики, вытесняющие привычные текстоцентричные каналы передачи сообщений. В условиях медиатизации культуры возникает потребность в изучении книжной коммуникации в текущий момент. Книга представляет собой упорядоченный массив текста, обладающий смысловым наполнением, целью которого является трансляция сообщения от автора путем установления отложенной коммуникации с читателем. В современных реалиях развития медиа появляются новые способы информационного обмена, происходит превалирование аудиовизуальных форматов над текстовыми. Исследуя работы М. Маклюэна в изучении роли медиа при развитии человека и культуры, следует выделить многозначность данного понятия. В данной статье представлены результаты опроса граждан и сделаны выводы о положении книги в срезе других медиа. Главный вывод представленного исследования: настоящее место книги среди всех возможных медиа четко не определено ни в научной литературе, ни в общественном сознании, однако печатная основа и электронный аналог со своими специфическими характеристиками, согласно проведенному опросу, находятся на близких позициях их понимания в контексте медиа.

Ключевые слова: книжная культура, медиа, книжная коммуникация, текст, медиалогический подход

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-87-92

EDN: NLGQDA

Введение. Книга в истории развития цивилизации имеет одно из ключевых значений. На протяжении всей истории, пройдя путь от рукописных фолиантов до первых печатных экземпляров и современных технологий для ее создания, книга представляет собой формализованную память человечества. Она отражает актуальную социокультурную ситуацию, этап развития научной мысли и технологического прогресса в хронотопе ее бытования. Роль книги в вопросах преемственности поколений трудно переоценить.

Медиаальный поворот в сторону технических средств обеспечил многообразие способов коммуникационного взаимодействия. Так, в массовое использование вошли аудиальные, визуальные и аудиовизуальные форматы сообщений, а также их прямое транслирование в медиасфере. Такой скачок в возможностях обмена сообщениями, средствах фиксации различного рода информации способствовал переменам в отношении общества к тексту, чтению и книге.

Медиатизация книжной культуры повлекла за собой трансформацию книги, появление новых

книжных форматов, изменения в трансляции читательского опыта, а также переосмысление подходов к ее созданию и распространению в обществе.

Методы исследования. Для изучения места книги среди наиболее востребованных на данный момент медиа необходимо провести анализ действующих смыслов, связанных с медиа и книгой в научной периодике. В настоящее время активно разрабатывается медиалогический подход к интерпретации книжной культуры, поэтому его применение в данной работе необходимо для детальной проработки вопроса.

Посредством метода опроса и анализа полученных результатов выявлена наиболее употребительная дефиниция понятия «медиа», которая позволяет сделать вывод о расхождении научной теории и социальной интерпретации. Такое отличие усложняет положение книги как «явления культуры, средства коммуникации и распространения информации в печатной и электронной формах» в сравнении с другими медиа [4, с. 8].

История вопроса. Проблемное поле изучения книги лежит в книговедении. Однако исследователи все чаще обращаются к междисциплинарному подходу для толкования книги как феномена. Рассматривая книжную культуру как структуру, В.И. Васильев определяет роль книги как «потребителя достижений науки, культуры и образования», при этом она же выступает «барометром культуры общества, его духовности, источник знаний и прогресса» [3, с. 19]. Перенимая достижения общества, книга трансформируется и начинает адаптироваться под новые реалии. Так, под влиянием современных технологий возникают новые коммуникационные практики, которые становятся предметом изучения исследователей. Все чаще в научной литературе наблюдается обращение авторов к медиалогическому подходу для понимания книги, книжности и книжной культуры, где ключевой становится связь «автор – письмо – текст – чтение – читатель», в системе «нового книговедения» [8, с. 47].

Помимо Д.А. Эльяшевича и В.А. Мутьева, большой вклад в развитие медиалогического подхода вносят работы И.В. Лизуновой, С.В. Павленко, С.В. Козлова и М.Г. Вохрышевой. В частности, книга рассматривается в соотношении с другими медиа «как медиум, обеспечивающий циркуляцию экстернализованных смыслов, запечатленных в текстах и облеченных в ту или иную материальную форму» [5, с. 73]. Эти работы лежат в междисциплинарном поле и отражают новые тенденции в изучении книжной культуры, выходящие за пределы классического книговедения.

В зарубежной литературе также актуальным направлением исследований книги является изучение новых реалий ее существования. В «пост-цифровой издательской парадигме» происходят трансформации «практик издания, чтения и обсуждения книг», что влияет на регулирование данной сферы [12, с. 3]. Помимо этого, объектом внимания становится чтение как акт, олицетворяющий частную жизнь. Информация о покупке книг конкретным человеком ранее никогда не выходила за пределы книжного магазина. Современные цифровые технологии позволяют использовать остававшуюся до недавнего времени скрытой информацию о читательских предпочтениях в коммерческих целях напрямую не связанной с чтением [10, с. 520-521].

Результаты исследования. Эпоха цифрового развития привнесла глобальные изменения в

коммуникационный опыт социума. Современные практики в области применения информационных технологий в отношении всех процессов человеческого существования и адаптация данных процессов под новые условия коснулись и книжной культуры.

На протяжении сотен лет с момента возникновения письменности и первых печатных станков книга выступала одним из ведущих способов фиксации информации для дальнейшего потребления. Однако доля книжной коммуникации в системе обмена информацией на данный момент не столь велика, как было ранее.

Книга есть средство коммуникации и представляет собой материальное выражение информации. Только в случае использования книги с целью чтения можно говорить о совершении коммуникации. В свою очередь, идет активное развитие иных каналов коммуникации, зачастую менее затратных в плане восприятия и обладающих низкими требованиями к пониманию содержания послания и конкурирующих с текстовыми форматами за внимание общественности. На фоне информационного перепроизводства книги начали уступать позиции новым форматам.

Канадский исследователь М. Маклюэн обозначил коммуникацию детерминирующим фактором социальной трансформации, начиная с дописьменного периода человеческой цивилизации до эпохи электронной коммуникации XX в. Как следствие, выделяется дописьменный, письменный, печатный и электронный этапы развития культуры [7]. В каждый из этих этапов применялись и развивались свои медиа для взаимодействия друг с другом и окружающим миром, при этом не вытесняя другие. Они сосуществуют и в данный момент. В их число входят невербальное общение, устная речь, письменность, печать, электронные и цифровые коммуникации и прочие формы взаимодействия. В эпоху цифровых трансформаций превалирование технологий подобного рода отражает состояние современной культуры, находящейся в условиях медийного поворота.

Книжная культура как результат предшествующих медийных трансформаций в настоящее время также претерпевает изменения и адаптирует новые медиумы под собственные процессы. Книга как ключевой элемент данной структуры в медийном контексте «меняет свою физическую природу: формат, способы фиксации, воспроизводства и репродуцируемости в зависимости от

коммуникационных потребностей, технологических возможностей и пространственно-временных характеристик (хронотопа) социума» [6, с. 15]. Текст является главным средством выражения через книжную коммуникацию. Обладая специфическим способом фиксации информации, книга предъявляет требования к человеку в виде умений читать и осмысливать прочитанное, для чего необходимо применять некоторые усилия. Поэтому способности индивида обращаться с текстом определяет успешность книги в качестве медиума.

Не столько важна материальная компонента книги, сколько ее коммуникативные возможности. А. Баллаторе и С. Натале рассматривают печатный или электронный носитель как вторичное по отношению к роли книги как носителя информации и культурной формы [9, с. 2385]. При этом отмечается небольшое преимущество печатного варианта в понимании сюжета, знаний о печати и увеличении словарного запаса у детей дошкольного возраста в процессе чтения [11, с. 244].

Массовое погружение общества в цифровое пространство формирует положение открытости всех и каждого к общению, о чем говорит Д.А. Божедаров, формулируя «модель пионера», т. е. актора, проявляющего «сиюминутную готовность участия в медиакоммуникационном сетевом процессе» [1, с. 71]. Коммерческий потенциал данного феномена и рост пользовательских запросов в сторону упрощения заставляют генераторов цифровой среды все больше приближать подобный формат к симулякризации реальности посредством цифровых технологий, тем самым все больше стирая границы между действиями реальными и виртуальными. В свою очередь текст должен соотноситься с умственными способностями человека в плане понимания и интерпретации прочитанного. Исходя из этого следует говорить о синкретизме информации и коммуникации как единстве материального и идеального.

Наиболее полно подобную взаимосвязь отражает понятие «медиа». Его этимология происходит из латинского языка в значении «средний», «посредник». Зачастую медиа интерпретируют в контексте средств массовой информации (СМИ) либо средства массовой коммуникации (СМК). Сведение феномена медиа только к коммуникации или только к информации не отражает комплекса современной проблемной ситуации.

Традиционные медиа, в число которых входят произведения печати, представляются как сооб-

щения, передающееся в одном направлении, зачастую на массовую среднестатистическую аудиторию. В свою очередь новые медиа, пришедшие в конце XX в., расширили возможности коммуникации, предоставив функции интеракции. Так, смена каналов порождает большое число возможных источников информации. Разнообразие выбора способов удовлетворения информационных потребностей создает конкуренцию среди создателей подобной продукции, тем самым побуждая авторов и издателей к поиску различных методов привлечения потенциальных читателей.

Большое значение имеет интерес общества к феномену книги и его восприятию в контексте других медиумов. Доминирующими концептами в представлении медиа является массовость или приспособленность сообщения быть понятым каждым и применения новых технологий фиксации и представления информации. В такой интерпретации книга в умы многих не вписывается. Во-первых, она теряет свою популярность, чему свидетельствует спад читательской активности в библиотеках, а также малый тираж большинства изданий на печатном носителе, и закрепляет за собой ярлык «особости». Во-вторых, появление альтернативных способов представления информации оказывает вытесняющее действие на книгу как средство проведения досуга, источника информации и прочих первоочередных задач.

Анализируя историю развития способов коммуникации от дописанных способов коммуникации, затем вербализации сообщения и до современных аудиовизуальных технологий, можно сделать вывод о том, что первостепенной задачей становится не рассказать, а показать, т.е. визуализировать вербальное содержание текстов. Экранизация книг, визуальное сопровождение лекций, графическое наполнение печатной продукции и т.п. является дополнением к объяснению написанного. Можно поразмышлять о возвращении в догутенберговскую эпоху, задолго до появления печати, где любой коммуникационный акт составляли только звук и изображение. Такой тип контента воспринимается быстрее и эффективней, но не каждую информацию можно преподнести через такие каналы. Развитие гуманитарного знания, сложность его преобразования в визуальный материал с дальнейшим единым интерпретированием вызывает сложности.

Для обозначения всей совокупности медиа существуют множественные дефиниции. В отечественной практике данные понятия строятся на приписывании части «медиа» к другим словам,

что причисляет их к иной категории. Медиакультура, медиапространство, медиасреда, медиасфера, медиаграмотность – лишь малая часть встречающихся терминов. Однако следует обратить внимание, что в профессиональном медиа-сообществе данные понятия зачастую не имеют четких границ. Как отмечает в своей работе М.А. Буряк, по отношению к понятию медиасфера нет единого мнения среди специалистов, работающих в медиаиндустрии. При этом можно определить два подхода, где первый – это «пространство информации в целом», а второй – «совокупность всех медиа» [2, с. 206-207]. Такая неоднозначность в понятийном аппарате создает поле для субъективности и предвзятости не только со стороны экспертов, но и со стороны простых пользователей, что представляет собой проблемное поле для определения места книги в системе медиа.

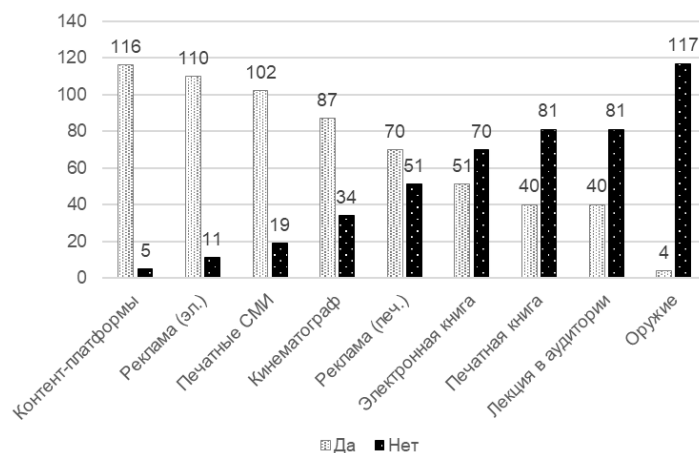
Чтобы упорядочить представления о книге в обществе, мы провели опрос. Цель – выявить точку зрения общественности в понимании медиа путем отнесения того или иного явления к данной категории. Для этого была сформирована

анкета, состоящая из 14 закрытых дихотомических вопросов (да/нет). Участники отвечали на поставленные вопросы на платформе Google Форма. Ссылка для прохождения распространялась среди студентов института национальной культуры Мордовского госуниверситета посредством социальных сетей, а также через публикацию в группе ВКонтакте с аудиторией более 100 тыс. подписчиков для более широкого охвата. В опросе приняли участие 121 респондент, 106 (86,6%) из которых были женщины, а 15 (12,4%) мужчины. Возрастная категория участников начинается от 18 лет и разделена на 4 группы:

- от 18 до 22 лет – 76 участников, что составило 62,8% от числа всех опрошенных. Среди них 6 мужчин и 70 женщин;
- от 23 до 30 лет – 41 участник – это 33,9% от всего количества опрошенных. Среди них 8 мужчин и 33 женщины;
- от 31 до 45 лет – 3 участника (2,5%), 2 женщины и 1 мужчина;
- от 45 и старше – 1 женщина (0,8%).

Профессиональная сфера респондентов не имеет отношения к медиаиндустрии. Результаты опроса представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Результаты опроса «Является ли ... медиа?» (Results of the survey «Is ... media?»)

Исходя из полученных результатов печатная книга и её электронный аналог для большинства не являются медиа, а основной акцент в представлении медиа сделан на массовости (СМИ и реклама на традиционных и цифровых носителях), а также на цифровых и электронных средствах передачи информации (телевидение, интернет, контент-платформы и т. д.). Проводя качественный анализ анкет, можно сделать вывод о

нераспространенности научного понимания медиа, однако 2 ответа соответствуют положениям М. Маклюэна. Следует отметить, что один из участников в комментарии отразил научную трактовку медиа как средства, респондент также сходит в мнении, что современное понимание медиа зачастую связывают с массовой информацией и коммуникацией, что и отразил в своем ответе на вопросы анкеты. Подавляющее большинство понимают под медиа распространение через

электронные и цифровые каналы коммуникации сообщений, рассчитанных на неопределенный круг получателей, что соответствует массовому восприятию данного феномена. Из всех опрошенных только 30 человек отнесли к медиа и печатную, и электронную книгу. В других случаях только один из двух приведенных примеров был интерпретирован как средство.

Подводя итог результатам опроса, можно сделать вывод, что популярное представление о медиа основывается на массовом распространении информации с ориентацией на широкое восприятие. Однако, сравнивая результаты опроса по способам распространения информации на печатных и электронных носителях, следует указать, что электронная основа является доминирующей в понимании медиа. Такие явления, как контент-платформы (в т. ч. социальные сети и видеохостинги), реклама на радио, телевидении и в интернете, т.е. на электронных и цифровых каналах коммуникации, набрали более 90%. Печатные СМИ набрали почти 85%, что отражает представления о медиа как массовом феномене, при этом печатная реклама на листовках, баннерах и т.п. является медиа лишь для 57,9% респондентов, тогда как кинематограф – это медиа для

71,9% опрошенных. По результатам опроса, книга не является медиа как в печатном варианте (66,9%), так и в электронном эквиваленте (57,9%), тогда как в научной теории книга – одно из первых медиа, которое имеет массовый характер, отражаемый в экзemplарности и тиражируемости.

Вывод. Книга неоспоримо считается одним из главных достижений культуры. Изобретение книгопечатания как один из медиальных поворотов человечества сделало данный способ коммуникации доступней людям, обладающим определенным набором навыков для ее восприятия. Современное состояние технологического прогресса обеспечивает общество иными способами коммуникации, которые вытесняют книгу как главный источник информации. Место книги среди всех средств медиа не определено однозначно. В научном сообществе по исследованию медиа, в основе которого лежат труды М. Маклюэна, книга стоит наряду с телевидением и интернетом, тогда как в обществе книга зачастую теряет свой статус в контексте медиа, на что указывают результаты опроса. Поэтому одной из ключевых задач на данном этапе следует считать анализ таких аналогов традиционной книги, как электронные книги, аудиокниги и иные форматы.

1. Божедаров, Д. А. Медиакультура и современные вызовы в парадигме сетевой коммуникации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2023. – Т. 25. – № 93. – С. 69-74.
2. Буряк, М. А. Медиафера: концептуализация понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2014. – № 2. – С. 200-212.
3. Васильев, В. И. Книжная культура в отечественной истории: теоретические и историко-книговедческие аспекты (XVIII- начало XXI в.) : 05.23.03 Библиотечное, библиографическое и книговедение : 07.02.00 Отечественная история : диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук / В. И. Васильев; Московский государственный университет печати. – Москва, 2005. – 100 с.
4. Вохрышева, М. Г. Книга в системе медиа // Библиосфера. – 2020. – № 1. – С. 5-11.
5. Козлов, С. В., Лизунова, И. В. О медиалогическом понимании концепта «книжная культура» // Библиосфера. – 2024. – № 1. – С. 65-75.
6. Лизунова, И. В., Павленко, С. В. Трансформация книги в условиях медийных революций // Библиосфера. – 2020. – № 1. – С. 12-23.
7. Маклюэн, М. Г. Понимание медиа: внешние расширения человека [Электронный ресурс] / пер. с англ. В. Г. Николаева. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3528> (дата обращения 20.09.2024).
8. Эльяшевич, Д. А., Мутьев, В. А. Новое книговедение: взгляд в будущее // Библиосфера. – 2021. – № 1. – С. 43-53.
9. Ballatore, A., Natale, S. E-readers and the death of the book: or, new media and the myth of the disappearing medium // New Media & Society. – 2016. – Vol. 18. – No 10. – P. 2379-2394.
10. Davis, M. E-books in the global information economy // European Journal of Cultural Studies. – 2015. – Vol. 18. – No 4-5. – P. 514-529.
11. Kozminsky E., Asher-Sadon, R. Media type influences preschooler's literacy development: E-book versus printed book reading // Interdisciplinary Journal of E-Learning and Learning Objects. – 2013. – No 9. – P. 231-245.
12. Weber, M., Dane, A. The conventions and regulation of book culture // Australian Humanities Review. – 2020. – No 66. – P. 1-9.

UNDERSTANDING THE BOOK IN THE CONTEXT OF MEDIA REPRESENTATIONS

*Nikolay A. Bersenin, postgraduate, Lecturer of the Department of Cultural Studies and Library
and Information Resources*

E-mail: nikolaibersenin5876@mail.ru

*National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia*

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of the book and its forms of existence, which to a greater extent lies in the field of book studies. However, at the present stage of active introduction of digital technologies both in production and social relations, new practices arise that displace the usual text-centered channels of message transmission. With the mediatization of culture, there is a need to study book communication in the present moment. A book is an ordered array of text with semantic content, the purpose of which is to broadcast a message from the author by establishing a delayed communication with the reader. In the modern realities of media development, new ways of information exchange appear, audiovisual formats prevail over textual ones. Studying the works of M. McLuhan in the study of the role of media in the development of man and culture, it is necessary to emphasize the multiple meanings of this concept. The paper presents the results of the survey and draws conclusions about the position of the book in the cross-section of other media. The real place of the book among all possible media is not clearly defined neither in the scientific literature nor in the public consciousness, but the printed basis and the electronic analog with its specific characteristics, according to the survey, are in close positions of their understanding in the context of media.

Key words: book culture, media, book communication, text, medialogical approach

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-87-92

EDN: NLGQDA

1. Bozhedarov, D. A. Mediakultura i sovremennyye vyzovy v paradigme setevoy kommunikatsii (Media culture and modern challenges in the paradigm of network communication) // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsialnyye. gumanitarnyye. mediko-biologicheskiye nauki.* – 2023. – T. 25. – № 93. – S. 69-74.
2. Buryak, M. A. Mediasfera: kontseptualizatsiya ponyatiya (Mediasphere: conceptualisation of term) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika.* – 2014. – № 2. – S. 200-212.
3. Vasilyev, V. I. Knizhnaya kultura v otechestvennoy istorii: teoreticheskiye i istoriko-knigovedcheskiye aspekty (XVIII- nachalo XXI v.) (Book culture in Russian History: theoretical and historical aspects of book studies (XVIII- early XXI century)): 05.23.03 Bibliotekovedeniye. bibliografovedeniye i knigovedeniye: 07.02.00 Otechestvennaya istoriya: dissertatsiya v vide nauchnogo doklada na soiskaniye uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk / V. I. Vasilyev; Moskovskiy gosudarstvennyy universitet pechati. – M., 2005. – 100 s.
4. Vokhrysheva, M. G. Kniga v sisteme media (Book in the media system) // *Bibliosfera.* – 2020. – № 1. – S. 5-11.
5. Kozlov, S. V., Lizunova, I. V. O medialogicheskom ponimani kontsepta «knizhnaya kultura» (About the medialogical understanding of the concept of «book culture») // *Bibliosfera.* – 2024. – № 1. – S. 65-75.
6. Lizunova, I. V., Pavlenko, S. V. Transformatsiya knigi v usloviyakh mediynykh revolyutsiy (The book transformations in the context of media revolutions) // *Bibliosfera.* – 2020. – № 1. – S. 12-23.
7. McLuhan, M. Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka (Understanding media: the extensions of man) [Elektronnyy resurs] / per. s angl. V. G. Nikolayeva. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3528> (data obrashcheniya 20.09.2024).
8. Eliashevich, D. A., Mutyev, V. A. Novoye knigovedeniye: vzglyad v budushcheye (New book science: a look into the future) // *Bibliosfera.* – 2021. – № 1. – S. 43-53.
9. Ballatore, A., Natale, S. E-readers and the death of the book: or, new media and the myth of the disappearing medium // *New Media & Society.* – 2016. – Vol. 18. – No 10. – P. 2379-2394.
10. Davis, M. E-books in the global information economy // *European Journal of Cultural Studies.* – 2015. – Vol. 18. – No 4-5. – P. 514-529.
11. Kozminsky E., Asher-Sadon, R. Media type influences preschooler's literacy development: E-book versus printed book reading // *Interdisciplinary Journal of E-Learning and Learning Objects.* – 2013. – No 9. – P. 231-245.
12. Weber, M., Dane, A. The conventions and regulation of book culture // *Australian Humanities Review.* – 2020. – No 66. – P. 1-9.

УДК 168.522: 769.2 (Гуманитарные науки. Культурология / Гравюры для различных изданий и учебных целей. Книжная и газетно-журнальная графика. Иллюстрации)

ПИШУЩИЕ ХУДОЖНИКИ И РИСУЮЩИЕ ПИСАТЕЛИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

© 2024 Л.У. Звонарева, О.В. Звонарев

*Лола Уткировна Звонарева, доктор исторических наук, профессор,
академик РАН и ПАНИ*

профессор кафедры Цивилизационной журналистики

E-mail: lvonareva@mail.ru

*Олег Викторович Звонарев, кандидат исторических наук, доцент
кафедры Политических процессов и технологий*

E-mail: donfeliz@yandex.ru

*Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского
Москва, Россия*

Статья поступила в редакцию 20.08.2024

Авторы рассматривают феномен тесного союза слова и изображения в русской культуре. Первые авторские книги русских художников появились ещё в конце XIX в. Авторы считают: это, как и другие яркие события из истории книги, позволяет говорить о самоценном и самостоятельном явлении в искусстве, которое можно назвать «пишущий художник». Эти события в том числе тесно связаны с психологией творчества художника-иллюстратора. Он часто становится как бы соавтором писателя, уточняя и развивая авторскую мысль. Отсюда появляются «иллюстрации по поводу». Авторы считают: возможно, это и есть первые шаги к собственно авторскому литературному произведению. Среди русских художников-эмигрантов первой волны взаимовлияние слова и изображения было естественной атмосферой творческого мира. В статье рассматривается творческая деятельность А.М. Ремизова, Ю.П. Анненкова, С.И. Шаршуна, М.Ф. Андреевко-Нечитайло, Л. Зака, С.Л. Голлербаха, Д.А. Соложева. Авторы отмечают: всё, что определяло особенность искусства и литературы Серебряного века, отменённого в Советской России, пышным цветом расцвело в 20-30-е гг. XX в. в Париже, который неслучайно считают столицей русской эмиграции. Авторы считают: Серебряный век русской культуры продлился в эмиграции до вхождения фашистских войск в Париж в 1940 г. А спустя годы, возвращаясь в постсоветскую Россию, книги русских эмигрантов первой волны помогли духовному и нравственному возрождению Русского мира.

Ключевые слова: Русский мир, пишущий художник, А.М. Ремизов, Ю.П. Анненков, С.И. Шаршун, М.Ф. Андреевко-Нечитайло, Л.В. Зак, С.Л. Голлербах, Д.А. Соложев, Серебряный век, русская эмиграция

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-93-105

EDN: NTPVYS

Введение. Тесный союз слова и изображения в русской культуре давно стал естественным и животворным. Первые авторские книги русских художников появились ещё в конце XIX в. Красота и ясность народной поэтики звучат в сказках художницы Елены Поленовой (1850—1898), сестры В.Д. Поленова, — «Война грибов», «Сынко Филиппко» и др. Поленова много ездила по русским деревням, собирала и зарисовывала резную мебель, утварь, крестьянские вышивки, записывала сказки, потешки, прибаутки. В её иллюстрациях к сказкам и прибауткам многое взято с натуры, трудно разграничить, где кончается народное и начинается творчество художницы.

Эти и другие яркие страницы из истории книги позволяют говорить о самоценном и самостоя-

тельном явлении, которое можно назвать «пишущий художник». Но не только в историческом процессе углубляющегося взаимодействия искусств истоки этого явления. Они тесно связаны с психологией творчества художника-иллюстратора.

Художник-график обладает непростым умением вживаться в образы книги, почти перевоплощаясь в них. Он часто становится как бы соавтором писателя, уточняя, додумывая и развивая авторскую мысль. Порой художник с чем-то не соглашается, спорит, что-то хочет сказать по-своему. Отсюда появляются «иллюстрации по поводу». Возможно, это и есть первые шаги к собственно авторскому литературному произведению.

Работая над иллюстрациями, художник прочитывает произведение несколько раз, изучает его вдоль и поперёк и получает доступ в творческую лабораторию писателя, становясь, можно сказать, её участником. В процессе «медленного чтения» слово теряет «отчуждённость», рушится преграда, отделявшая его от рисунка. На каком-то этапе работы с книгой художнику начинают представляться возможности графики ограниченными. Рисунок молчалив, он не может в полной мере передать смену движений и звуков, которыми полна жизнь, и именно «слово — самый гибкий инструмент самопознания и самоанализа, в котором современная эпоха настоятельно нуждается», как пишет искусствовед Н.А. Дмитриева в статье «Слово и изображение» [13, с. 54]. И порой нужен лишь толчок, чтобы в иллюстраторе открылась ещё одна ипостась — писателя. И тогда рождается замысел «своей» книги. Художник сочиняет её всю, целиком.

Мир книг пишущих художников увлекателен и многопланов. Он не укладывается в регламенты и рамки привычных жанров, стандартных подходов. Каждый из художников пришёл в литературу со своей собственной темой, с новыми героями, обширными и интересными замыслами, в которых «рисунки автора» — неотъемлемая часть целостного книжного организма.

Жанровое своеобразие книг художников связано и с повышенной их информативностью, и с общим для этих авторов стремлением углубить, упрочить связь текста с рисунком, и с известной долей творческого эксперимента.

История вопроса. Академик РАН А.К. Якимович занимался исследованием литературных текстов живописца В.В. Кандинского [32], Е.Л. Деменок — литературным творчеством художника Д.Д. Бурлюка [12], В.Н. Альфонсов изучал творчество русских футуристов, анализируя, как живописный образ откликается в слове [1], сотрудниками Института мировой литературы РАН изучено взаимовлияние рисунка и слова в творчестве В.В. Маяковского и друживших с ним художников (выпущен сборник статей) [19], но о литературном творчестве художников-эмигрантов первой волны писал только профессор Ренэ Герра, ограничиваясь короткими предисловиями к издаваемым им в его издательстве «Альбатрос» книгам его друзей, в которые входила, как правило, малая часть написанного художниками.

Поэтому в данной статье авторы, опираясь на найденные в архивах и частных коллекциях французского литературоведа, почётного члена Российской академии художеств Ренэ Герра (в Париже и Ницце), поэта-эмигранта третьей волны М.Е. Юппа (Филадельфия) материалы и документы, проследят, как это происходило в XX в. на примере творческой деятельности А.М. Ремизова, Ю.П. Анненкова, С.И. Шаршуна, М.Ф. Андрееенко-Нечитайло, Л. Зака, С.Л. Голлербаха, Д.А. Соложева, внёсших заметный вклад в богатое наследие эпохи Серебряного века русской культуры.

Методы исследования. Авторы в исследовании придерживались методик историко-генетического, аксиологического, компаративного и герменевтического научных подходов.

Результаты исследования. В среде русских художников-эмигрантов первой волны взаимовлияние слова и изображения было естественной атмосферой творческого мира. Это в полной мере относится к творчеству А.М. Ремизова, Ю.П. Анненкова, С.И. Шаршуна, М.Ф. Андрееенко-Нечитайло, Л.В. Зака, С.Л. Голлербаха, Д.А. Соложева.

В вышедшем в 1980 г. в Париже «Русском Альманахе» в «Заметках об Алексее Ремизове» Б. Филиппов отмечал: «...Ремизов не только живописал и выпевал свою словесную вязь, свою житейскую боль и горечь, но и талантливо и причудливо рисовал — был замечательным художником линии и краски (его весьма ценил Пабло Пикассо), был и исключительным каллиграфом — писал любым уставом и полууставом, любил заставки, заглавные киноварные буквы начал, росчерки и круженья букв и около букв» [25, с. 223].

В парижском архиве французского слависта Р. Герра хранятся два десятка рукописных книг А.М. Ремизова с его рисунками или коллажами. Особенно интересным представляется небольшой альбом «Люди и звери», в котором Ремизов делал дружеские шаржи на многих знакомых писателей и художников, рисуя акварелью портреты, в узнаваемых чертах которых проступал тот или иной зверь.

Ещё более, чем шаржи, знамениты рисованные грамоты, которыми писатель награждал друзей в Петербурге, Берлине и Париже. Роман Гуль описывает историю утраты и вторичного обретения заветной грамоты с васильками, которой его наградил писатель, удостоверяющей: «мы возведены в кавалеры первой степени сего

фантастического, придуманного Ремизовым ордена (Обезвельволпала – Обезьяньей Великой и Вольной палаты – Л.У.З., О.В.З.). Грамоты эти А.М. Ремизов писал на плотной бумаге удивительной старинной славянской вязью со всякими выкрутасами и росчерками и неизменно подписывал: «скрепил забеглый канцелярист Обезвельволпала Алексей Ремизов». Когда я потерял грамоту, Ремизов прислал мне, уже из Парижа, «взамен чудесно пропавшей грамоты» – новую, замечательную, с возведением меня уже в «берлинские подпреды Обезвельволпала», с подписями мексиканского полпреда Д. Святополк-Мирского, парижского полпреда П. Сувчинского, а скрепил, конечно, забеглый канцелярист Алексей Ремизов» [11, с. 234; 1].

Как известно, ещё в 1908 г. писатель создал Обезьянью Великую и Вольную палату, противопоставив её ложному, забюрократизированному реальному миру, «необходимости земной» (как её называл А.М. Ремизов). В рамках этой литературно-игровой структуры он назначил себя «старшим канцеляриусом», чтобы иметь возможность одаривать избранных членов Палаты тщательно выписанными каллиграфическим почерком «обезьяньи лавровые грамоты», награждение которыми началось ещё в России, а продолжалось в Берлине и в Париже. Р. Гуль попал в достойную компанию: князьями и кавалерами Обезвельволпала в разное время становились Б.К. Зайцев (получивший целую гирлянду различных «званий» – музыкат и куафер обезьяний, Стрекоза, Князь-Епископ), И.А. Бунин (увенчанный двумя титулами – Полпреда Баскского и Велико-го Муфтия), Е. Замятин (Замутий), востоковед Никитин (Эмир обезьяний).

Понимая ценность этой грамоты как литературно-исторического документа и графического произведения искусства, Р. Гуль передал её в русский архив и музей своего друга Томаса Витни в США (Вашингтон, Коннектикут).

В собрании Р. Герра хранится около двух десятков подобных грамот, принадлежавших в своё время З.А. Шаховской, В.А. Мамченко, В. Пантелеймонову и его жене Т.И. Кристин, С.А. Шаршуну, Ю.К. Терапиано, Б.К. Зайцеву и др. «Обезьянья виза кавалеру обезьяньего знака с хохолками» Тамары Ивановны Кристин опубликована в книге Р. Герра и А. Ваксберга «Семь дней в марте» [8, с. 211].

Одну из этих грамот (с обезьяньей печатью) из архива Р. Герра можно сегодня считать самой ранней. На ней указана конкретная дата: «Санкт-Петербург, 27 сентября 1916 года» [7, с.

212]. Возможно, именно с этого времени А.М. Ремизов начал вручать подобные грамоты любезным его сердцу коллегам, так как поставленная на ней писателем дата значительно отличается от той, которая прежде считалась самой ранней. В монографии Е.А. Обатниной «Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах» указано: самый старый обезьяньи знак и свидетельство П.Е. Щеголева 30 декабря 1916 г., а первая грамота – И.А. Жилкина 15 мая 1918 г. [16, с.320].

М.В. Добужинский так оценил талант Ремизова-художника: он был «удивительным мастером писанного шрифта; его рукописи – поразительно каллиграфического почерка. Он умел писать и «уставом», и «полууставом» и выкручивал самые замысловатые завитки. Часто он уснащал свои писания и рисунками, довольно странными, – был в них настоящим сюрреалистом ещё до сюрреализма» [12, с. 120].

Е.А. Андреева считает: А.М. Ремизов-художник – «поразительный рисовальщик не только изошрялся в каллиграфии линий и слов, но и фильтровал, исследовал художественный опыт модернистской Европы» [1, с. 29]. Именно это, по свидетельству Р. Герра, позволило писателю завоевать сердца французских коллег. Писатель постоянно рисовал, а затем дарил французским писателям и издателям свои рисунки и таким образом получал право публиковать свои тексты в самых престижных парижских изданиях.

Орнаментальная проза А.М. Ремизова в традициях Серебряного века и на родине, и в эмиграции последовательно дополнялась литературной игрой с коллегами – Обезьяньей великой и вольной палатой – и столь же прихотливо-изошрёнными рисунками писателя: «Вот и рисовал Ремизов – и словами, и красками, и пером – и шаржи, и карикатуры, и случайные брызги чернил, чуть тронутые пером или карандашом, – и «закрутами слов», – и образ случайного и произвольного в нашей жизни получался у Ремизова – в прозе ли или в рисунке – или в стихах (у него плохо отличимых от хорошо ритмизированной прозы) – не надуманным, а заживо выхваченным из жизни, не из случайной её шелухи, а из её бытийственного ядра» (Б. Филиппов) [25, с. 229].

Талантливым писателем, а не только художником показал себя Юрий Павлович Анненков (23.07.1889, Петропавловск, Акмолинская область, Российская империя – 12.07.1974, Париж,

Франция), писавший по-русски и по-французски под несколькими псевдонимами прозу, стихи, делавший сценарии, оставивший интереснейшие мемуары [6].

В молодые годы художник Ю.П. Анненков был дружен со многими авторитетными писателями и художниками Серебряного века – в 1907 г. в Куоккале, где дом Аннековых прозвали «литературной дачей», часто посещал жившего по соседству К.И. Чуковского, тогда авторитетного молодого критика, там же познакомился с И.Е. Репиным, обитавшим здесь с 1903 г. в усадьбе «Пенаты». Уехав в 1911 г., Юрий Павлович встретил там друга детства И. Пуни, в близкий круг общения художника во Франции входили Цадкин, Кислинг, Липшиц. Н.С. Гумилёв, по свидетельству И.В. Одоевцевой, говорил об Ю.П. Анненкове: «...Ртуть, а не человек. Какую-то ему Бог дьявольскую энергию дал. Ураганную деятельность развивает. И на всё время находит. Даже на стихи» [17, с. 120].

А. Бахрах писал в очерке «Анненков, он же Темирязов»: «...добрая фея чуть не с колыбели одарила его целой гаммой разнообразных талантов. Был он превосходным портретистом, очень способным рисовальщиком и графиком, язвительным карикатуристом, изобретательным режиссером, затейливым театральным костюмером, бойким писателем, мемуаристом, художественным критиком» [7, с. 210].

В 1925 г. Ю.П. Анненков уехал в Париж навсегда. В эмиграции художник попробовал свои силы и в качестве прозаика – опубликовал в 1934 г. под псевдонимом Б. Темирязов «Повесть о пустяках» в издательстве «Петрополис». Под тем же псевдонимом он печатался в журнале «Современные записки». Во Франции художник часто рисовал друзей-писателей: например, прозаика Марка Алданова (бумага, тушь, белила).

Ю.П. Анненков постоянно участвовал в престижных парижских Салонах – Осеннем, Независимых, Тюильри, Новых реальностей, Карикатуристов. Участвовал в групповых выставках русских художников в Париже, Брюсселе, Праге. Провел персональные выставки в Париже. Сегодня его картины представлены во многих музеях мира, в частных коллекциях.

В 1914 г. Ю.П. Анненков сделал эскизы декораций и рисунки актерского грима к инсценировке рассказа Ф.М. Достоевского «Скверный анекдот» для театра имени В.Ф. Комиссаржевской. Текст рассказа и эти работы оказались

настолько важны для художника, что в 1946 г. он издал на французском языке свою инсценировку этой новеллы с рисунками актерского грима для каждого персонажа.

С театром Ю.П. Анненков продолжал сотрудничать постоянно. За 50 лет работы (1913–1962) художник нарисовал эскизы костюмов и декораций более чем к 130 постановкам – среди них были скетчи, пародии и сценки в театрах миниатюр, массовые зрелища на городских площадях, экспрессионистские и конструктивистские спектакли в драматических театрах, оперы и балеты, телевизионные постановки и мимическая драма. Анненков работал как художник-оформитель спектаклей известных русских режиссеров своего времени (Н.Н. Евреинова, Ф.Ф. Комиссаржевского, В.Э. Мейерхольда, К.П. Хохлова, Н.В. Петрова, К.С. Станиславского и В.Н. Немировича-Данченко, Н.Ф. Балиева), выступал как теоретик авангардного театра, утверждая в статьях-манифестах оригинальную концепцию «беспредметного театра до конца». Как режиссёр-постановщик художник реализовал собственные теоретические идеи в экспериментальных спектаклях на площади с огромным количеством участников: он выступил одним из главных организаторов грандиозных массовых представлений «Гимн освобожденному труду» и «Взятие Зимнего дворца» весной и осенью 1920 г. в Петрограде.

В Париже ставил пьесы В.В. Набокова и Ф.М. Достоевского. Во Франции художник оформил 60 спектаклей и создал декорации и костюмы к более чем 50 фильмам. С 1945 по 1955 гг. Анненков оставался президентом секции художников по костюмам в Синдикате техников французских кинематографистов: ему присудили премию «Оскар» «за лучшие костюмы в мировой кинематографической продукции» к фильму «Мадам де...» (режиссёр М. Офюльс, 1954). В 1951 г. вышла на французском его книга «Одевая кинозвезд», спустя полвека переведённая на русский [7].

Точные и остроумные портреты, выполненные в рисунке и словом, открывают с неожиданной стороны знаменитых российских писателей, художников, политиков: А.М. Горького и А.А. Блока, Н.С. Гумилева и А.А. Ахматову, С.А. Есенина и В.В. Маяковского, Г. Иванова и Е. Замятина, Бабеля и А.Н. Толстого, М.М. Зощенко и Б.Л. Пастернака, С. Прокофьева и И.Е. Репина, В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. М. Кузмин писал о

них в очерке «Колебания жизненных токов»: «Если из дыхания живущих людей делается атмосфера современности, то Анненкову, может быть, более чем кому бы то ни было, дана способность передать дух наших дней, и, помимо художественной ценности, серия его портретов будет всегда служить лучшим отражением тех противоречивых, враждебных друг другу веяний, жестокостей и героизма, высоких парений и неискоренимой простой домашней жизни, которыми назрела к своему концу первая четверть двадцатого века. И всё это – в области духовной реальности, более реальной, нежели реальность природная» [6, с. 22].

Живописец, график, «второй русский дадаист» (после И. Зданевича, – так его назвал В. Марков) и писатель Сергей Иванович Шаршун (1888, Бугуруслан – 1975, Париж), называвший себя «магическим реалистом» в литературе, окончил коммерческую школу в Симбирске. Не поступив в Казанскую художественную школу, в 1910 г. он приехал в Москву, где занимался в студиях И.И. Машкова и К.Ф. Юона, познакомился с М.Ф. Ларионовым, Н.С. Гончаровой и А.Е. Кручых.

Ещё до революции, в 1912 г., Сергей Иванович уехал в Париж, где учился в Русской академии М. Васильевой и в академии «Ля Палетт» у художников Ж. Мецентже, А.Д. де Сегонзака и А. Ле Фоконье. О Франции С.И. Шаршун отзывался следующим образом: «Что касается современной живописи, Париж не был для меня откровением, зато Лувр меня восхитил» [26, с. 2].

В 1914–1917 гг. он жил в Испании, где испытал влияние барселонских дадаистов и древнего прикладного испано-мавританского искусства (изделий из фаянса), написав первые беспредметные композиции и оговорив это влияние в автобиографии: «Крашенные фаянсовые квадраты изменили мою живописную концепцию, дав волю моей исконно славянской натуре – мои картины стали красочными и орнаментальными» [26, с. 3].

Его персональные выставки в галерее «Дальмо» в Барселоне в 1916 и 1917 гг. посетили Ф. Пикабия и М. Лорансен. Художник снял два анимационных рисованных фильма на русские темы.

В 1917 г. С.И. Шаршун возвратился в Париж и был причислен, к «младшему поколению» первой эмиграции. В 1919 г. он написал и издал поэму в прозе «Небесный колокол» и вскоре с дадаистскими рисунками выпустил новую поэму «Неподвижная толпа» на французском языке.

Художник входил в Палату поэтов, организованную Давидом Кнудом, в литературную группу «Через». Он написал на русском языке автобиографический роман «Долголиков» (издан в 1934 г. в Париже), который авторитетный критик Г. Адамович назвал шедевром.

В 1921–1922 гг. С.И. Шаршун активно участвовал в собраниях «Палаты поэтов», в деятельности литературно-художественного кружка «Гатарапак». Здесь 21 декабря 1921 г. состоялся его творческий вечер «Дада Лир Канн».

С 1922 г. художник жил в Берлине, где общался с русской художественно-литературной колонией и гостями из советской России – с А. Белым, С.А. Есениным, И. Пуни, В. Парнахом, Б. Поплавским.

В 1922 г. в издательстве «Der Sturm» вышла брошюра «Dadaismus», написанная С.И. Шаршун в Париже и выпущенная тиражом 1500 или 2000 экземпляров. О судьбе этой книги художник вспоминал так: «...из-за падения марки – не мог выкупить, успев «вынуть» из тиража лишь небольшое количество экземпляров (у меня нет ни одного, чтобы переиздать)» [26, с. 4].

В 1923 г. он вернулся в Париж, где печатался во многих эмигрантских журналах. Здесь С.И. Шаршун пришёл к выводу: «дадаизм за это время – выдохся. Пикабия и Тцара – исчерпали себя, потеряли боеспособность. На престол вновь созданного сюрреализма – воссел А. Бретон, наградив всех сподвижников красными билетами. Поэтому со всеми бывшими друзьями я отношения – не возобновлял. Мне стало достаточно и личной дисциплины. С дадаизмом я соприкоснулся лишь – по молодости лет» [26, с. 5].

С 1922 по 1973 гг. Сергей Иванович периодически, с большими интервалами, продолжал дадаистскую практику в литературе, выпуская одностраничный журнал-листочку под разными названиями, сначала в Берлине, затем в Париже: «Перевоз Дада» Берлин.

В 1981 г. в «Русском альманахе» Р. Герра опубликовал «Перевоз-Transbordeur», названный «Накинув плащ» и подписанный «флюгер-рулевой и гитарист Сергей Шаршун». В листовке встречаем важную для понимания мироощущения автора фразу: «Земелька Разглаживает Морщинки Границ» [3, с. 116].

Художник М.Ф. Андреев считал: листовки С.И. Шаршуна похожи «...на записную книжку, которую он без большого отбора преподносит читателю – пусть читатель сам во всем разбирается... Читатель прежде всего должен быть удивлён новизной формы и содержания... Странная

особенность этих листовок, среди прочих странностей, - Шаршун ни разу, насколько я помню, не упомянул о своих занятиях живописью... Читатель не догадается, что эти записки записаны художником» [3, с. 115].

В 1931-1932 гг. сотрудники журнала «Числа» организовали восемь выставок, представляя парижанам русских живописцев парижской школы (в том числе А. Ланского и И. Пуни), а также русских и французских писателей-художников. На одной из них (шестой по счету) были выставлены живописные и графические работы пятидесяти писателей – от В. Гюго и В.А. Жуковского до А.М. Ремизова и П. Валери.

С середины 1920-х г. С.И. Шаршун работал в стиле «орнаментального кубизма» – абстрактные символы в сочетании с фигуративными и геометрическими элементами. В 1926 г. состоялась его персональная выставка в парижской галерее «Jeanne Bucher». В коллекции французского учёного хранится выполненный в этом духе карандашный эскиз плаката для бала художников 1925 г. Строгий в оценках П. Пикассо называл художника-авангардиста С.И. Шаршуна «одним из лучших».

В 1930-е гг. Сергей Иванович посещал литературно-философские вечера «Зелёной лампы», организованные в Париже З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским. Печатался в журналах «Числа» (Париж, 1930-1934), «Меч» (Варшава, 1934-1939), «Круг» (Париж, 1936-1938), «Полярная звезда» (Париж – Брюссель, 1935), выпуски которых сегодня хранятся в библиотеке Р. Герра в Ницце.

Своеобразие творчества С.И. Шаршуна Р. Герра объясняет особенностями его мировоззрения: долгие годы Сергей Иванович оставался последовательным приверженцем антропософии.

Антропософские убеждения художник начинает порой пропагандировать при помощи художественной прозы. Так, герой лирической повести С.И. Шаршуна «Заячье сердце» (1937), напечатанной тиражом 200 экземпляров на ротаторе в Бюро С. Павлова, Берлогин, подобно автору переживший искушение возвращением на родину, находит в финале книги выход из жизненного тупика именно в книгах доктора Рудольфа Штайнера.

Уже во вступлении к повести «Заячье сердце» указываются на литературные истоки образа главного героя – «Ещё один Алеша Карамазов» [29].

Подобно автору книги, его герой Берлогин влюблён в столицу Франции, он признается: «Некуда мне ехать из Парижа и невозможно – развитие высших сторон моей сущности – нужнее эстетических самозабвений и литературных домогательств!» А парижские пейзажи в этой лирической повести явно увидены глазами художника: «Из его (Берлогина – Л.З., О.З.) подкрышного обиталища была видна котловина особняков, а над ней гребень Монмартра, сразу принимающий драгоценный, серо-голубой тон. В одном месте тяжело севший на линию горизонта кубарь водохранилища. Дальше пейзаж был закрыт домом, из-за которого выступали купола базилики Жертвенного Сердца... Пейзаж обогатился новым орнаментом» [29, с. 81].

В 1938 г. художник напечатал в количестве 200 экземпляров (на правах рукописи) на ротаторе всё в том же парижском Бюро С. Павлова книгу «Н-е-б-о ко-ло-ко-л», состоящую из вступления «Машина для измерения моей души», двадцати двух главок и заключения «Мускулы Вселенной» [30].

В поэзии и прозе С.И. Шаршуна нередко звучат едкие сатирические нотки: «...универсальный поставщик убоинки: поляк, литовец, словак, болгарин, серб, еврей, русин, украинец... и, покопавшись – редкий не поймет нашей «мувы» [30, с. 49].

Эпиграфом к этой книге можно было бы поставить слова автора: «Жизнь – шум весёлого водопада; продолжительное (вечное) движение...» [30, с. 45]

12 глава книги «Небо колокол» - своеобразный дадаистский манифест под соответствующим названием: «У мольберта сломан позвоночник» [30, 51].

В 1950 г. в Париже С.И. Шаршун опубликовал пьесу в десяти картинах «Победитель», действие которой происходит в божественной среде русских эмигрантов в Берлине и Париже, а главная героиня – молодая скульпторша Верочка Пришлина, «красавица во вкусе Леонардо да Винчи, то есть «загадочная натура». Брюнетка, болезненная, в чёрном, - умная, опытная в человеческих отношениях. Со многими на ты», в финале умирает в Нью-Йорке от внутреннего кровоизлияния после автомобильной катастрофы. Кончают самоубийством или оказываются в сумасшедшем доме и некоторые другие герои пьесы из числа русских эмигрантов (Степанов, Щербаков, Митя, Кирпичников и др.).

Напечатанные Н. Оцупом в журнале «Числа» рецензии, эссе и отрывки из трёх автобиографических книг Шаршуна – поэмы «Долголиков» (Париж, 1961, тираж – 100 экземпляров, распродан, из эпопеи «Герой интереснее романа»), повести «Путь правый» (тираж – 100 экземпляров, распродан), «Яно Грустнейший, или Хождение к истокам отцовской крови» – заслужили одобрительную оценку Ю. Фельзена и Г. Адамовича.

Во вступлении к поэме «Долголиков» под знаковым названием «Фотография героя» встречаем автопортрет С.И. Шаршуна: «Человек – исключительной тонкости, нервности, даже граничащей, может быть, с предвидением, и по отношению ко внешнему миру, он чист как стекло, как один человек на сто тысяч, – но это пластинка высокой чуткости, которую способны воспламенить – строка поэзии или газеты, музыкальная фраза, или чужая мыслящая, направляющая, приказывающая, всё равно, хорошая или дурная – воля. Он примет и соединится, одинаково искренно и пламенно...» [28, с. 98]. И вновь пейзаж в поэме нарисован рукой искушенного художника: «Ковёр облаков, занавешивавших рай – приоткрывал царские врата, на одну золотую ступеньку осеннего бугра, подсказав путь за другую сторону горизонта» [28, с. 101].

В 1965 г. С.И. Шаршун опубликовал в парижском издательстве «Вопрос» лирическое повествование «Ракета» (в серии книг «Герой интереснее романа»), где главным героем оставался всё тот же Долголиков, а книга завершалась его смертью: «...в нём (в Долголикове – Л.З., О.З.) воскресла жалость ко всему человечеству, и сознание собственной причастности, и ответственность за всё происходящее. ...В это время раскачивавшийся в небе чёрный крест своим напряженным, как набат, барабанным боем снова привлек его внимание. Уставившись на него, он споткнулся на неровной тропинке, вившейся параллельно большой дороге. Но падения не последовало, а через мгновение Долголиков услышал два слабых звука, похожих на выстрелы, и лишь вслед за этим понял, что находится в воздухе. Однако полёт быстро замедлился... его схватило чёрное пламя, иже пеплом потухшей ракеты, он рассыпался над Рейном» [31, с. 49].

Ю. Терапиано считал главной темой этих произведений «трагедию русской элиты младшего поколения эмиграции» [24, с. 155], а немецкий литературовед В. Казак подчеркнул: писатель в романах «изображает живущего в бедности русского художника, который с повышенной чувствительностью, но внешней невозмутимо-

стью реагирует на обыденную жизнь в Париже... Шаршун в своём творчестве испытал влияние А. Белого и – как и вообще всё его поколение – Пруста, Джойса, Кафки» [15, с. 560].

В 1960-е гг. С.И. Шаршун добился признания как художник, после чего вновь начал публиковать в 1964-1972 гг. прозу, выпустив сборники новелл «Неприятные рассказы» (Париж, 1964), «Ракета» (Париж, 1965), «Роздых. Идиллия» (Париж, 1966), «Без маяка» (Париж, 1969), «Без себя. Скучная история» (Париж, 1972) – эту последнюю, двенадцатую книгу прозы Шаршуна издал в своем издательстве «Альбатрос» Ренэ Герра. В библиотеке французского слависта хранится и сборник Шаршуна «Без маяка. Четыре пейзажа», выпущенный парижским издательством «Вопрос» в 1969 г., с автографом: «Дорогому Рене Юлиановичу Герра русскому французу очень признательный С. Шаршун 31. XII 73» [27].

С.И. Шаршун, переехав в Париж, дружил с художником и писателем М.Ф. Андреенко-Нечитайло.

В 1912 г. Михаил Фёдорович Андреенко (1894, Херсон – 1982, Париж), окончив гимназию, переехал из Херсона в Петербург, где одновременно, как когда-то Н.К. Рерих и М.В. Добужинский, учился и на юриста (по требованию родителей), и на художника (по зову души).

В школе Императорского Общества поощрения художников (директор – Н.К. Рерих) его учителями стали А. Рылов и И.Я. Билибин. Впервые Михаил Фёдорович выставил картины в 1914-ом, в том же году участвовал в международной выставке графики в Лейпциге. В 1916-1917 гг. увлекался кубизмом,ставлял первые кубистические полотна.

В 1918 г. художник вернулся на Украину. В 1920 г. нелегально перешёл границу, поработал в театрах Бухареста и Праги, посетил Италию, в 1923 г. поселился в Париже, где стал выставлять живопись и (с 1950-х гг.) печатать прозу в газете «Возрождение» и «Новом журнале».

Более пятидесяти лет прожил художник на улице Вожирар, недалеко от Монпарнаса и знаменитого «Улья». В повести «Мыши» художник рассказал историю этого парижского района: «Дом, где я живу, находится на улице, которая в гало-римскую эпоху представляла дорогу из Лютеции (то есть из центра) в Шартр. Позднее эта дорога пресекла деревню Вожирар и стала сначала единственной, а потом главной улицей деревни... В 1500 году деревня Вожирар насчитывала 350 жителей и была отделена от Парижа стеной... В 1859 (может быть, годом раньше или

позже) правительство решило присоединить предместье Вожирар к городу... Тогда же началась постройка многоэтажных домов и продвижение населения» [3, с. 89].

В 1979 г. в Париже в издательстве «Альбатрос» вышел сборник рассказов художника «Перекресток» с предисловием Р. Герра «Тайны Михаила Андрееенко», в котором подчёркнут «постоянный и неутолимый интерес» художника «ко всем и всяким памятникам старины», «живое, как пульс, ощущение и сознание связи времен, чем объясняется постоянная тяга художника проследить любые событийные и ассоциативные нити, уводящие «в ночь времен» [3, с. 5]. Отсюда – неизбежный, почти навязчивый интерес Андрееенко к теме жизни и смерти, находящий своё разрешение в местах погребения усопших. Каждый человек, каждый предмет, любое существо таит в себе нечто непонятное, до конца непостижимое, напрягающее нашу интуицию и ум.... В этом сказывается его приверженность к тому типу искусства (и творчества вообще), который Эдмон Жалу метко назвал «магическим реализмом» [3, с. 6].

Искусствовед Д.В. Сарабьянов так оценивает творчество Андрееенко-Нечитайло-художника: «Ученик Билибина и Рериха, Андрееенко прошёл закономерный путь от реалистической живописи к беспредметности и конструктивизму, как бы сохранив при этом за собой право возвращаться к фигуративности» [20; 21, с. 9].

Художник был в своё время другом В.В. Кандинского, спустя годы он культивировал стиль жизни, принятый в эпоху Серебряного века в кругу русских и французских художников, работавших в Париже и интересующихся только искусством.

С.Л. Голлербах описал мастерскую Михаила Федоровича в Париже: «О его ателье можно было бы написать рассказ, настолько оно походило на классическое наше представление об ателье парижского художника, взятое из старых картин, фотографий... круглая печка с длиннейшей трубой, выходящей в окно, крыши Парижа, голуби, а внутри – холсты, книги, краски» [10, с. 740].

Традиции Серебряного века отозвались в творчестве Андрееенко-Нечитайло не только благодаря общей высокой художественной культуре, они повлияли даже на выбор объекта изображения. Если М.В. Добужинский последовательно спасал от забвения стремительно исчезающий старый Петербург, то Андрееенко стремил-

ся запечатлеть также разрушающийся под напором энергичных нуворишей прежний Париж. Ещё во второй половине 1920-х гг. художник постепенно перешёл от кубистических и конструктивистских экспериментов к камерному реалистическому городскому пейзажу («Исчезнувший Париж» (1954) – весенний «Монпарнас» и зимний «Монмартр»).

В повести «Перекрёсток», давшей название книге прозы художника, Михаил Фёдорович писал о том же – об исчезающем старом Париже: «Пройдёт ещё время, и, когда весь квартал изменится совершенно, любители старого Парижа, – они всегда будут существовать, – будут разыскивать для своих статей и книг, в библиотеках, в давно забытых газетах и журналах то немного, что было написано о старом Монпарнасе его современниками» [3, с. 45].

С 1964 г. Андрееенко, говоривший и писавший только по-русски, печатал на украинском рассказы в журнале «Сучастність», не указывая: это перевод.

Живописец, график, художник театра, монументалист, скульптор и поэт Лев (Леон) Васильевич Зак (1892, Растяпино Нижегородской губ. – 1980, Ванв, близ Парижа) выступал со стихами и теоретическими исследованиями по лингвистике под литературными псевдонимами Хрисанф и М. Россиянский. Начал изучать искусство и участвовать в выставках Московского товарищества художников – с 1908 до 1912 гг., затем – в 1916 и 1917 гг. В 1909 г. художник исполняет виньетки для журнала «Золотое руно».

В начале 1910-х гг. он поступает в частные студии Ф.И. Рерберга и И.И. Машкова. В 1910 г. молодой художник познакомился с московскими футуристами и вступил в группу «Мезонин поэзии», название которой придумал именно он.

В 1913 г. художник изучал античную литературу на филологическом факультете Московского университета, который с успехом закончил. Публиковал стихи под псевдонимами в им же оформленных футуристических альманахах «Крематорий здравомыслия», «Вернисаж», «Пир во время чумы». Сделал эскизы обложек поэтических сборников В. Шершеневича и Р. Ивнева.

В 1910-х гг. Л.В. Зак подолгу жил в Париже, а в 1920-ом – эмигрировал окончательно. Проводил год во Флоренции, участвовал как художник в постановке «Жизели» Русским балетом В. Немчиновой в Париже. 1922 г. художник провёл в Берлине, оформляя спектакли для Русского

Романтического театра Б. Романова. В 1923 г. Л.В. Зак перебрался в Париж, иллюстрировал «Пир во время чумы» А.С. Пушкина (1923) и «Мандрагора» Макиавелли (1924). Спустя три года – в 1926 г. – состоялась персональная выставка акварелей и рисунков художника в Галерее современного искусства. За время жизни в эмиграции он провёл в этой престижной галерее около двадцати персональных выставок. Выставлял работы в Осеннем салоне, салонах Независимых и Сверхнезависимых (в последнем он стал одним из учредителей).

Художник, график, поэт, библиофил Даниил Андреевич Соложев (1908, Петербург – 1994, Париж) после революции переехал с родителями в Керчь. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем выехал в Бессарабию. В Кишинёве окончил русскую гимназию, брал частные уроки живописи, начал заниматься музыкой. В 1931 г. переселяется в Румынию. С 1944 г. – на принудительных работах на севере Германии. В 1945 г. переехал во Францию, поселился в Лионе у родственницы. Здесь, в салоне Лионского общества изящных искусств, с 1949 по 1958 гг. проходили персональные выставки гуашей и акварелей Соложева, удостоенных золотой медали в 1958 г. Городской музей приобрел его работы. Писал пейзажи, портреты, картины на религиозные сюжеты, иллюстрировал русскую и французскую классику.

Постоянно размышляя о проблемах творчества, Д.А. Соложев с 1955 г. начинает переписываться с А.М. Ремизовым. Закономерным представляется обращение художника к книжной графике: с 1957 г. он выступает как художник-иллюстратор, выполняя заказы разных французских издательств: первая работа – иллюстрации к парижскому изданию «Тараса Бульбы». В 2005 г. в Москве выпустили «Вечера на хуторе близ Диканьки» с иллюстрациями Д.А. Соложева.

В 1960 г. художник переехал в Париж, где с 1956 по 1968 гг. показывал свои произведения в галерее Кати Гранофф. В это же время прошли выставки работ Д.А. Соложева в Гавре, Монпелье, Каннах, в разных городах США.

В 1959-1961 гг. художник проиллюстрировал оригиналами (на пергаменте) двухтомник Ш. Бодлера «Сплин и идеал» (1959) и «Цветы зла», «Мудрость» Верлена, затем дал в иллюстрациях графическое прочтение «Посланиям Святого Павла».

В 1960-е гг. Д.А. Соложев организовал цикл тематических выставок – «Петрушка», «Дон Кихот», «Идеальный музей», «Поэтическое бег-

ство». В 1972 г. художник принял участие в выставке «Значительные картины русских художников во французских собраниях» на Осеннем салоне. Работы Д.А. Соложева постоянно выставлялись не только во Франции, но и в Германии, Голландии, США.

В 1973 г. в Мюнхене он выпустил первый поэтический сборник «Избранное» [19]. Стихи Д.А. Соложева постоянно печатались в филаделфийском альманахе «Встречи». Вторая книга стихов – «Диезы и бемоли» – издана в Париже в 1995-ом после смерти автора [20], влюблённого в поэзию Надсона, Н.С. Гумилева и Б.Л. Пастернака, ценившего стихи А. Сельвинского и Н. Заболоцкого. За последние три десятилетия выпущены три альбома рисунков Соложева: в 1978 г. – во Франции, в 1979 г. – в Англии, в 1993 г. – в Германии. В 1989 г. художник удостоен звания почётного доктора Университета штата Флорида.

Сергей Львович Голлербах (1923, Детское Село, СССР – 2021, Нью-Йорк, США) – автор семи книг, выходивших по-русски и по-английски в Лондоне, Нью-Йорке, Париже и Петербурге, и более ста статей и эссе, посвящённых современному искусству, многочисленных литературных набросков мемуарного характера. Сборники его очерков дважды выпускал в издательстве «Альбатрос» Ренэ Герра, а затем, гораздо позже, они были переизданы в России – в книге «Свет прямой и отраженный».

В авторских книгах художника созвучны и точно соразмерены интонации рисунка и повествования. Личность автора раскрывается здесь наиболее полно, и то невыразимое, что остаётся порой вне слова и даже вне рисунка, обретает полногласное звучание от их синтеза.

Стремление рисовать словом, учитывая опыт русских художников Серебряного века, унаследуют лучшие советские писатели. Так, признанный авторитет лирической прозы К.Г. Паустовский писал: «Бог прислал меня на землю с даром красок. Поэтому я – художник. Я остро чувствую краски и настроения дней, хотя я близорук. И в людях я чувствую краски их души. Пишу, и слова ложатся мазками, как краски на холст, и вся моя мысль – в этих тонах, то блеклых, то густо-алых, но больше всего золотых, золотеющих, насыщенных внутренней теплотой» [16, с.13]. В книге «Золотая роза» писатель признавался: именно главный поэт Серебряного века научил его ценить живопись и брать у нее уроки творческого мастерства. К главе «Искусство видеть мир» Паустовский поставил эпиграфом слова А.А. Блока: «Живопись учит смотреть и видеть (это вещи

разные и редко совпадающие). Благодаря этому живопись сохраняет живым и нетронутым то чувство, которым отличаются дети» [18, с. 296]. В течение всей жизни прозаик, много писавший о художниках (воспоминания о Врубеле, книги «Орест Кипренский», «Исаак Левитан» и «Бросок на юг» - о Нико Пиросмани), следовал этому завету великого поэта, убеждённый: «...знание всех смежных областей искусства – поэзии, живописи, архитектуры, скульптуры и музыки – необыкновенно обогащает внутренний мир прозаика и придает особую выразительность его прозе. Она наполняется светом и красками живописи, соразмерностью архитектуры, выпуклостью и ясностью линий скульптуры и ритмом и мелодичностью музыки. Всё это добавочные богатства прозы, как бы ее дополнительные цвета. Я не верю писателям, не любящим поэзию и живопись...» [18, с. 297].

Выводы. Пишущих художников и рисующих писателей Серебряного века объединяли важнейшие творческие и мировоззренческие подходы:

- русскую культуру они воспринимали как единый феномен;
- даже в эмиграции продолжали верить: слово и искусство способно преобразить мир;
- в их текстах и рисунках заметны неоромантические настроения, определившие эстетику и идеологию русского искусства и общественной жизни конца XIX – начала XX вв.;
- ведущей атмосферой этих текстов и рисунков оставался лирический субъективизм;
- склонность писателей и художников к символизму проявлялась в особом тяготении к зоморфному коду и арифмологии;
- всем своим творчеством они утверждали некий программный универсализм, связанный с взаимовлиянием различных жанров и видов искусства, со стремлением писателей работать од-

новременно в прозе, поэзии, драме и критике, а художников – обращаться сразу к портрету, натюрморту, пейзажу, к театральным декорациям и книжной графике, кинематографу или анимации, росписи фарфора или костюму; художник часто становился писателем, а писатель – художником;

- писатели и художники первой волны эмиграции, рассматривая себя в рамках Большого исторического времени, считали естественным обращение к античному, классическому европейскому или древнерусскому наследию, находя в них проекцию на современность, легко осуществляя в творчестве синтеза культур различных народов и цивилизаций; самовольно переосмысляя различные европейские и русские традиции, часто и легко прибегая к стилизаторству;
- популярной составляющей оказывалось использование в творчестве религиозных, мистических или метафизических мотивов;
- творчество нередко опиралось на стихи театра и игры;
- обязательным требованием считалась предельная отточенность художественной формы.

Итак, всё, что определяло особенность искусства и литературы Серебряного века, отменённого и задуманного в Советской России, пыльным цветом расцвело в 20-30-е гг. XX в. в Париже, который неслучайно считают столицей русской эмиграции. Недаром З.Н. Гиппиус настаивала: «Мы не в изгнании, мы – в послании», эти слова за ней повторяла Н.Н. Берберова. Сегодня мы с полным правом можем говорить: Серебряный век русской культуры продлился в эмиграции до вхождения фашистских войск в Париж в 1940 г. А спустя годы, возвращаясь в постсоветскую Россию, книги русских эмигрантов первой волны помогали духовному и нравственному возрождению Русского мира.

1. Альфонсов, В. Н., Красицкий, С. Р. Поэзия русского футуризма. – СПб.: Академический проект, 1999. – 752 с.
2. Андреева, Е. А. Две книги из коллекции Ренэ Герра / Новый мир искусств. – СПб. – 2005. - № 1. – С. 28-31.
3. Андреев, М. Журнал Шаршуна // Русский Альманах/ Сост. З. Шаховская, Е. Терновский, Р. Герра. – Париж, 1981. – С. 115-119.
4. Андреев, М. Ф. Перекрёсток: сборник повестей и рассказов / Предисл. и библиогр. Р. Герра. – Париж, 1979. – 208 с.
5. Анненков, Ю. П. Одевая кинозвезд / пер. с фр. И. Обуховой-Зелиньской и Д. Полякова. – М.: МИК, 2004. – 350 с.
6. Анненков, Ю. П. Портреты / Текст Евгения Замятина, Михаила Кузмина, Михаила Бабенчикова. – Пг.: Петрополис, 1922. – 169 с.
7. Бахрах, А. В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Серия «Литературные мемуары». – М.: ПРОЗАИК, 2018. – 640 с.

8. Герра, Р., Ваксберг, А. Семь дней в марте. – СПб.: Альманах «Русский миръ. Пространство и время русской культуры», 2010. – 492 с.
9. Герра, Р. Тайны Михаила Андреевского // Андреевский, М.Ф. Перекрёсток: сборник повестей и рассказов – Париж, 1979. – С. 5-11
10. Голлербах, С. Л. Свет прямой и отражённый. Воспоминания, проза, статьи. Сост. Е.А. Голлербаха, И.А. Трофимовой. – СПб.: ИНАПРЕСС, 2003. – 872 с.
11. Гуль, Р. Я унёс Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / Предисловие и развернутый указатель имён О. Коростелева. – М.: Б. С. Г.-ПРЕСС, 2001.
12. Деменок, Е. Л. Давид Бурлюк: Инстинкт эстетического самосохранения. – М.: Молодая гвардия, 2020. – 535 с.
13. Дмитриева, Н. А. Слово и изображение // Взаимодействие и синтез искусств: сборник статей - Л.: Наука, 1978. – 269 с.
14. Добужинский, М. В. Воспоминания / Изд. подгот., [примеч. сост.] Г. И. Чугунов; [АН СССР]. – М.: Наука, 1987. – 477 с.
15. Казак, В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Пер. с нем. Е. Варгафтик, И. Бурихин. – London: Overseas publ. interchange, 1988. – 922 с.
16. Обатнина, Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах - СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. – 384 с.
17. Одоевцева, И. На берегах Невы. / Серия: Эксклюзив: Русская классика - М.: Neoclassic, 2022. – 512 с.
18. Паустовский, К. Г. Золотая роза. – М.: Время, 2019. – 352 с.
19. «Пятнами красок, звоном лозунгов...». Книжно-плакатное творчество Маяковского / сост. В. Н. Терехина. – М. ; СПб.: Нестор-История, 2016.— 400 с.
20. Сарабьянов, Д. В. Выставка сокровищ Ренэ Герра и её герои // «Они унесли с собой Россию...» Русские художники-эмигранты во Франции 1920-е-1970-е. – М.: Авангард, 1995. – С. 8-11.
21. Сарабьянов, Д. В. «Русские сокровища» француза Ренэ Герра // Мир библиографии. – 2001. – № 2. – С. 2-9.
22. Соложев, Д. А. Диезы и бемоли: стихи. – Париж, 1995. – 122 с.
23. Соложев, Д. А. Избранное: Стихи. – Мюнхен, 1973. – 151 с.
24. Терапиано, Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974): эссе, воспоминания, статьи. Сост., вступ. статья Ренэ Герра. – СПб.: Росток, 2014. – 664 с.
25. Филиппов, Б. Заметки об Алексее Ремизове // Русский Альманах / Сост. З. Шаховская, Е. Терновский, Р. Герра – Париж, 1981. – С. 222-230.
26. Шаршун, С. И. Художник графоман. – Париж: Вопрос, 1973. – 8 с.
27. Шаршун, С. И. Без маяка. Четыре пейзажа – Париж: Вопрос, 1969. – 92 с.
28. Шаршун, С. И. Долголиков: поэма. – Париж: Вопрос, 1961. – 164 с.
29. Шаршун, С. И. Заячье сердце: лирическая повесть. – Париж, s.n., 1937. – 92 с.
30. Шаршун, С. И. Н-е-б-о ко-ло-ко-л: поэзия в прозе, 1919-1929. – Париж: Бюро С. Павлова, 1938. – 51 с.
31. Шаршун, С. И. Ракета: лирическое повествование / серия «Герой интереснее романа». – Париж: Вопрос, 1965. – 59 с.
32. Якимович, А. К. Кандинский. – М.: Молодая гвардия, 2019. – 270 с.

THE ARTISTS-WRITERS AND WRITERS-PAINTERS OF THE RUSSIAN EMIGRATION FIRST WAVE

© 2024 L.U. Zvonareva, O.V. Zvonarev
Lola U. Zvonareva, Ph.D., History, Professor,
E-mail: lzvonareva@mail.ru

Oleg V. Zvonarev, Ph.D., History, Assistant Professor,
E-mail: donfeliz@yandex.ru

**Zhirinovsky University of World Civilizations
Moscow, Russia**

The authors of the article examine the phenomenon of word and image close unity in the Russian culture. The first author's books of Russian artists were issued in the end of the XIX century. The authors of the article consider this and other outstanding events of the author's book history to have become an independent art phenomenon which may be called "artist-writer". Among others, the said art phenomenon is closely related to artist-illustrator creative work psychology. Thus, an artist creates as he was a joint author specifying and developing writer's logic. Hence, there appear "illustrations ad hoc". The authors of the article consider it to be probably the first steps to one's proper literary author's book. The authors claim the artists of the Russian emigration first wave to have considered word and image in-

teraction to be natural atmosphere of their creative work. It is analyzed in the article creative work of A. M. Remizov, Yu. P. Annenkov, S.I. Sharshun, M.F. Andreenko-Nechitajlo, L. Zak, S.L. Gollerbax and D. A. Solozhev. The author claim everything specifying the Silver Age art and literature peculiarities abolished in Soviet Russia to have come to full flower in Pairs in 1920-1930s which is not accidentally considered to be the capital of the Russian emigration at that time. The authors of the article consider the Russian culture Silver Age to have lasted till the Nazi troops invaded Paris in 1940. Having returned to new Russia after a number of years passed, books of Russian emigration first wave authors contributed to spiritual and moral rebirth of the Russian world.

Keywords: the Russian world, artist-writer, A. M. Remizov, Yu. P. Annenkov, S.I. Sharshun, M.F. Andreenko-Nechitajlo, L. Zak, S.L. Gollerbax and D. A. Solozhev, the Silver Age, Russian emigration

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-93-105

EDN: NTPVYS

1. Al'fonsov, V. N., Krasiczkiy, S. R. Poe`ziya russkogo futurizma (The Russian futurism poetry) / – SPb.: Akademicheskij proekt, 1999. – 752 s.
2. Andreeva, E. A. Dve knigi iz kolekcii Rene` Gerra (Two books from René Guerra collection) / Novy`j mir iskusstv. – SPb. – 2005 - № 1. – S. 28-31.
3. Andreenko, M. Zhurnal Sharshuna (Sharshun's bulletin) // Russkij Al`manax/ Sost. Z. Shaxovskaya, E. Ternovskij, R. Gerra. – Parizh, 1981. – S.115-119.
4. Andreenko, M. F. Perekryostok: sbornik povestej i rasskazov (Intersection: a collection of stories and narratives) / Predisl. i bibliogr. R. Gerra. – Parizh, 1979. – 208 s.
5. Annenkov, Yu. P. Odevaya kinozvezd (Tailor to movie stars)/ per. s fr. I. Obuxovoj-Zelin`skoj i D. Polyakova. – M.: MIK, 2004. – 350 s.
6. Annenkov, Yu. P. Portrety` (Portraits)/ Tekst Evgeniya Zamyatina, Mixaila Kuzmina, Mixaila Babenchikova. – Pg.: Petropolis, 1922. – 169 s.
7. Baxrax, A.V. Bunin v xalate. Po pamyati, po zapisyam (Bunin in dressing gown. In memoirs and records) / Seriya «Literaturny`e memuary`». – M.: PROZAIK, 2018. – 640 s.
8. Gerra, R., Vaksberg, A. Sem` dnej v marte (Seven days in March). – SPb.: Al`manax «Russkij mir`. Prostranstvo i vremya russkoj kul`tury`, 2010. - 492 s.
9. Gerra, R. Tajny` Mixaila Andreenko (Michael Andreenko's secrets) // Andreenko M.F. Perekryostok: sbornik rasskazov (Intersection: a collection of stories and narratives). – Parizh: 1979. – S. 5-11.
10. Gollerbax, S. L. Svet pryamoj i otrazhyonny`j. Vospominaniya, proza, stat`i (Light, direct and reflected. A collection of memoirs, prose and articles). Sost. E.A. Gollerbaxa, I.A. Trofimovoj. – SPb.: INAPRESS, 2003. – 872 s.
11. Gul`, R. Ya unyos Rossiyu: Apologiya e`migracii: V 3 t. (I took Russia away with myself. Russian emigration apology: in 3 vol.) / Predislovie i razvernuty`j ukazatel` imyon O. Korosteleva. – M.: B. S. G.-PRESS, 2001.
12. Demenok, E. L. David Burlyuk: Instinkt e`steticheskogo samosoxraneniya (David Burlyuk: instinct of aesthetic self-preservation). – M.: Molodaya gvardiya, 2020. – 535 s.
13. Dmitrieva, N. A. Slovo i izobrazhenie (A word and image) // Vzaimodejstvie i sintez iskusstv: sbornik statej (Interaction and synthesis of arts. A collection of articles). – L.: Nauka, 1978. – 269 s.
14. Dobuzhinskij, M. V. Vospominaniya (Memoirs) / Izd. podgot., [primech. sost.] G. I. Chugunov; [AN SSSR]. – M.: Nauka, 1987. - 477 s.
15. Kazak, V. E`nciklopedicheskij slovar` russkoj literatury` s 1917 goda (An encyclopaedia of the Russian literature from 1917). Per. s nem. E. Vargaftik, I. Burixin. – London: Overseas publ. interchange, 1988. – 922 s.
16. Obatnina, E. Czar` Asy`ka i ego poddannyye: Obez`yan`ya Velikaya i Vol`naya Palata A. M. Remizova v liczax i dokumentax (Asy`ka, the tsar and his subjects: the Great and Free Chamber of Apes founded by A. M. Remizov in persons and records). – SPb.: Izdatel`stvo Ivana Limbaxa, 2001. – 384 s.
17. Odoevceva, I. Na bregax Nevy` (At the Neva's banks). / Seriya: E`ksklyuziv: Russkaya klassika. – M.: Neoclassic, 2022. – 512 s.
18. Paustovskij K.G. Zolotaya roza (The golden rose). – M.: Vremya, 2019. – 352 s.
19. «Pyatnami krasok, zvonim lozungov...». Knizhno-plakatnoe tvorchestvo Mayakovskogo (By stains and slogans...) / sost. V. N. Terexina. – M. ; SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. – 400 s.
20. Sarab`yanov, D. V. Vy`stavka sokrovishh Rene` Gerra i eyo geroi (René Guerra's treasures exposition and his heroes) // «Oni unesli s soboj Rossiyu...» Russkie xudozhniki-e`migranty` vo Francii 1920-e-1970-e. (They took away Russia with them. Russian Émigré artists in France in 1920-1970s). – M.: Avangard, 1995. – S. 8-11.
21. Sarab`yanov, D. V. «Russkie sokrovishha» franczuza Rene` Gerra (Frenchman René Guerra's Russian treasures) // Mir bibliografii. – 2001. – № 2. – S. 2-9.
22. Solozhev, D. A. Diezy` i bemoli: stixi (Sharps and flats. Verses). – Parizh, 1995. – 122 s.
23. Solozhev, D. A. Izbrannoe: Stixi (Selected works: Verses). – Myunxen, 1973. – 151 s.

24. Terapiano, Yu. Literaturnaya zhizn' russkogo Parizha za polveka (1924-1974): e'sse, vospominaniya, stat'i. Sost., vstup. stat'ya Rene' Gerra (Russian literary Paris' life during half a century (1924-1974). Compilation and introduction by René Guerra). – SPb.: Rostok, 2014. – 664 s.
25. Filippov, B. Zametki ob Aleksee Remizove (Sketches about Aleksey Remizov) // Russkij Al'manax / Sost. Z. Shaxovskaya, E. Ternovskij, R. Gerra – Parizh, 1981. – S. 222-230.
26. Sharshun, S. I. Xudozhnik grafoman (An artist and compulsive scribbler). – Parizh: Vopros, 1973. – 8 s.
27. Sharshun, S. I. Bez mayaka. Chety're pejzazha (Without a leading light. The four landscapes). – Parizh: Vopros, 1969. – 92 s.
28. Sharshun, S. I. Dolgolikov: poe'ma (Dolgolikov: a poem). – Parizh: Vopros, 1961. – 164 s.
29. Sharshun, S. I. Zayach'e serdce: liricheskaya povest' (The hare heart: a lyric tale). – Parizh, s.n., 1937. – 92 s.
30. Sharshun, S. I. N-e-b-o ko-lo-ko-l: poe'ziya v proze, 1919-1929 (Sky as bell: poetry in prose). – Parizh: Byuro S. Pavlova, 1938. – 51 s.
31. Sharshun, S. I. Raketa: liricheskoe povestvovanie (A rocket: a lyric narrative)/ seriya «Geroj interesnee romana». – Parizh: Vopros, 1965. – 59 s.
32. Yakimovich, A. K. Kandinskij (Kandinskij). – M.: Molodaya gvardiya, 2019. – 270 s.

УДК 130.2: 168.522 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения / Гуманитарные науки. Культурология)

ЭЙДОС ТРЕТЬЕГО РЕЙХА В СОВРЕМЕННОМ ЗАРУБЕЖНОМ КИНО ЖАНРА ХОРРОР: ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ

© 2024 Э.А. Радаева

*Радаева Элла Александровна, доктор культурологии, кандидат филологических наук,
доцент, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения*

<https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>

E-mail: ellrad@yandex.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 01.10.2024

В настоящей статье на достаточно широком материале исследуется феномен эйдоса Третьего рейха в современном кино жанра хоррор. Нацистская Германия в «телесно-пластических интуициях» западных и американских режиссеров фильма ужасов представлена преимущественно харизматичной, обладающей поистине несокрушимой мощью, выдержкой, величием, преисполненной особого демонического обаяния и воплощающей сплоченность, бесстрашие и самоотверженность – это всепобеждающая «машина смерти», в каком бы облики она ни являлась: зомби, оборотни, вампиры, монстры Франкенштейна и пр. В отечественном кинематографе подобных образов и фильмов на эту тему в указанном жанре нет, т. к. в России сохраняется особое отношение к трагическим событиям Второй мировой войны, изображение которых именно в фантастико-приключенческой канве является этически неприемлемым. Представлена попытка классификации продукции хоррор-кинематографа на вышеуказанную тему: фильмы, основанные на неоспоримых исторических фактах (награбленные немецкой армией на покоренных территориях деньги и материальные ценности), и фильмы, основанные на теориях «окультизма Третьего рейха». Обе группы объединяет особая поэтизация образа нацистской Германии, которой противостоят часто не менее опозитизированные герои, нередко – американские «супергерои». Такая тенденция, по мнению автора статьи, укладывается в теорию современного философа Ж. Бодрийяра, увязывающего понятия симуляции действительности и симулякров, и представляет собой тревогу в отношении адекватного восприятия и оценки реальных событий Второй мировой войны последующими поколениями, учитывая воздействующий характер искусства как такового.

Ключевые слова: хоррор, немецкий нацизм, современное кино, эйдос, симулякры, Вторая мировая война, Третий рейх, современное искусство

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-106-114

EDN: PKEJBE

Введение. В настоящей работе «точкой отсчета» выбрано понятие эйдоса далеко не случайно. Так, понятие «образ», тем более художественный, в выбранной парадигме исследования представляется слишком обобщенным и даже безликим. Этос – понятие, так или иначе упирающееся в категорию нравственности, у Аристотеля – добродетели, а по утверждению Н.В. Голик, «дошедшее до нас и ставшее «крылатым» изречение Гераклита «характер человека (этос) есть его судьба (даймон)» [3]. Применительно к нацистам (зомби, оборотням и т.п.) в современных (и не очень) фильмах ужаса это прозвучало бы довольно смело и этически неприемлемо. Понятие же «эйдос» тождественно русскому «вид», по Аристотелю – форма, неотделимая от материальной

основы; в целом, по А.Ф. Лосеву, абстрактные понятия в античной философии, связанные с телесно-пластическими интуициями [7, с. 128-130].

В случае с кинематографическими образами нацистской Германии понятие эйдоса плотно соприкасается с постмодернистским «симулякром», т. к., по словам Ж. Бодрийяра, «миф завоёвывает кинематограф как его воображаемое содержание. Это золотой век масштабного воскрешения деспотического и легендарного. Миф, изгнанный из реального насилием истории, находит убежище на киноэкране... История — это наш утраченный референт, то есть наш миф. Именно в этом качестве она приходит на смену мифам на киноэкране. Было бы иллюзией радоваться этому

«осознанию истории посредством кинематографа...» [1, с. 62].

Однако мы не вправе напрямую назвать симулякр образы немецких нацистов в кино, коль скоро это не отдаленная модель действительности, подобно тому, как, например, Диснейленд, по Ж. Бодрийяру, является симулякром благоденственной Америки, – зомби и оборотни в фильмах указанного жанра носят форму со свастикой, наделены и иными узнаваемыми артефактами.

История вопроса. В опубликованной ранее работе «Образы Второй мировой войны в современном кино жанра хоррор: коды культуры» [8] на нескольких примерах лишь отчасти рассматривались причины, по которым современные зарубежные режиссеры наполняют образы немецких нацистов особым демоническим обаянием. Здесь же на более широком материале сделана попытка классифицировать фильмы указанного жанра, выявив их историческую первооснову; продемонстрировать, как тенденции в освещении Второй мировой войны в современном зарубежном кинематографе подтверждают, по сути, теорию Ж. Бодрийяра о симуляции реальности; высказано предположение о причинах развития определенного эйдоса немецкого нацизма в современном западно-европейском сознании.

В основе понятийного аппарата исследования собственно хоррора – труды Д. Комма [6] и Дж. Скала [10], однако классификация фильмов с образами немецких нацистов в данной статье предложена несколько иная, нежели у этих авторов.

Методы исследования: рефлексия в парадигме феноменологии.

Результаты исследования. Изначально следует отметить, что внутри жанра хоррор поджанры достаточно размыты, т.е. в рамках художественного мира одной киноленты могут синтезироваться, «перетекать» друг в друга. Так, близкие к детективу **триллеры** могут идти вкупе с **псевдодокументалистикой** («найденная пленка»), будучи основанными на последней; **паранормальный хоррор** (мистика) выступать в форме **ужасов-комедии** (черный юмор); **слэшер** (преследование неким антагонистом группы молодых людей в опасной местности и расправа над ними) – на основе **научной фантастики** и т. д. И связующим звеном между этими поджанрами становятся, как правило, **сплэттеры** (термин происходит от «разбрызгивать» – фильмы, изобилующие картинками крови), **экшены** (иными словами, боевики), **монстр-хоррор** и **боди-хоррор** (т. н. «расчленёнка» – причинение увечий, трансформации тела, мутации, гниение и пр.). Исходной

посылкой может служить утверждение Д. Комма: «фильм ужасов – не то, что показывается, а то, как показывается» [6, с. 9].

Как и в предыдущем исследовании, подчеркнем, что в России – и это само по себе показательно – фильмов жанра хоррор с немецкими нацистами нет: только драмы, основанные на реальных исторических фактах, позволим себе заметить, много более реальных, нежели те, которые имеют место в западных СМИ о Второй мировой войне последних лет (речь идет о замалчивании роли СССР в победе над нацистской Германией во Второй мировой войне, о количестве жертв советского народа в годы Великой Отечественной войны). Возвращаясь к вышеупомянутому у Д. Комма «что» и «как», резонно заметить: в советском и постсоветском культурном пространстве по-прежнему нет необходимости в саспенсе, т.е. делать акцент на т.н. «как» (искусственно внушить страх) – вполне достаточно архивных документальных материалов о Великой Отечественной войне.

К вопросу о симулякрах попутно отметим также: в медийном пространстве западных СМИ, в отличие от советско-российских, не так часто можно встретить фото пленных немцев, например, после Сталинградской битвы, где они выглядели бы жалкими и посрамленными (фото 1, 2).

В основу предлагаемой здесь классификации хоррора о немецком нацизме в западном искусстве (кино) положены исторические факты и бытующие научные (и псевдонаучные) теории об оккультизме. Некоторые фильмы можно включить в обе группы. Таким образом, две большие группы в кинематографе хоррора на тему немецкого нацизма выглядят так:

1. Фильмы, в основу которых положен **неоспоримый исторический факт**: «По мере приближения краха нацистской Германии ее правители прятали награбленное – на 7,5 миллиарда долларов золота и тысячи бесценных произведений искусства. Большая часть этих сокровищ осталась найденной, хотя в 1990 году кое-что неожиданно обнаружили – в техасском захолустье» [11, с. 18]. В шахте Кайзерода (близ Берлина) американскими офицерами были обнаружены «чемоданы, полные бриллиантов, жемчуга и других драгоценных камней, украденных у узников лагерей смерти, а рядом – мешки, набитые золотыми коронками и пломбами. Плюс к этому – в небольших количествах – английские, норвежские, турецкие, испанские и

португальские деньги» [11, с. 19-20]. Эта тема использована в фильмах «Операция „Мёртвый снег“» («Død snø»), (2009), «Операция „Мёртвый снег“ 2» (2014, Норвегия), «Шоколадный бункер» («Panzer Chocolate»)

(2013, Испания), «Запретная зона 3D» («Bunker of the Dead») (2015, Германия), отчасти – «Тихий лес» (2022, Германия), опосредованно – и в других фильмах.

Фото. 1. Немецкие нацисты после Сталинградской битвы¹

Фото. 2. Пленные немцы под Сталинградом

¹ Фото №№1,2 взяты на сайте «Блокнот-Волгоград»: <https://bloknot-volgograd.ru/news/stalingrad-1943-krasnoarmeytsy-rasstrelivayut-plen-948552> (дата обращения: 01.10.2024).

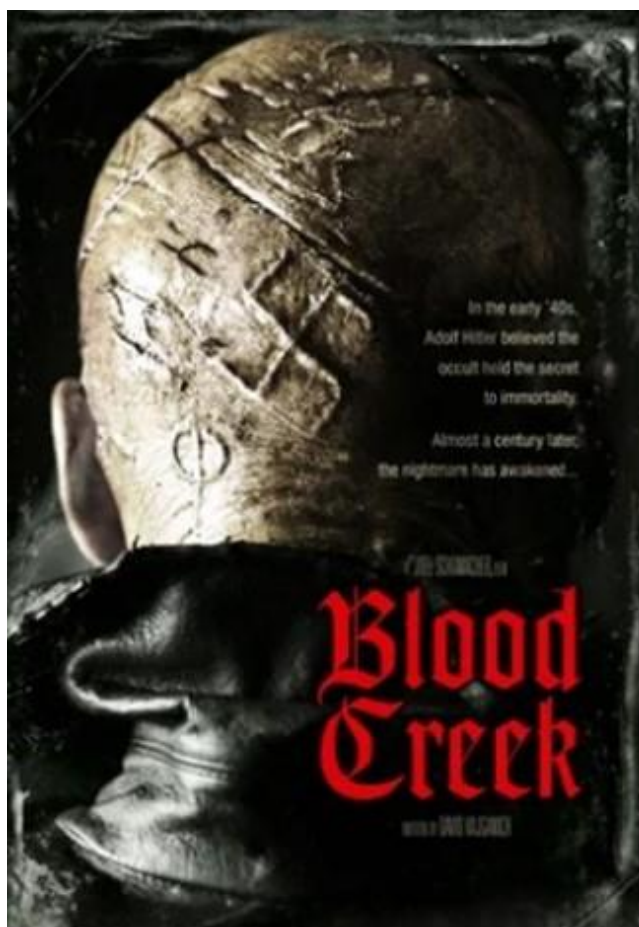
2. Фильмы, в основу которых легла теория, условно называемая «**Оккультизм Третьего рейха**»: «**Ужасы войны**» («Horrors of War») (2006, США), «**Кровавый ручей**» (Blood Creek) (2009, США), «**Резня зомби 2: Рейх мёртвых**» («Zombie Massacre 2: Reich of the Dead») (2015, Канада-Италия), «**Запретная зона 3D**» («Bunker of the Dead») (2015, Германия), «**Оборотни третьего рейха**» («Werewolves of the Third Reich») (2017, Великобритания), «**Оверлорд**» («Overlord») (2018, США), «**Кровавое судно**» («Blood Vessel») (2019, Австралия), «**Адский бункер**» («Outpost») (2007, Великобритания), «**Адский бункер: Черное Солнце**» («Outpost: Black Sun») (2012, Великобритания), «**Адский бункер: Восстание спецназа**» («Outpost: Rise of the Spetsnaz») (2013, Великобритания), «**Шоколадный бункер**» («Panzer Chocolate») (2013, Испания), «**Армия Франкенштейна**» («Frankenstein's Army») (2013, США, Нидерланды, Чехия), «**Подземный ужас**» («Deer Fear») (2022, Франция, Бельгия).

Объединяет обе группы поэтизация образа нацистов, придание ему демонического обаяния, которое отмечалось в предыдущей работе [8]. Сигнатуры **эйдоса** Третьего рейха: это безусловная харизматичность, поистине несокрушимая мощь, выдержка, величие, преисполненность гордостью национального самосознания, сплоченность, бесстрашие и самоотверженность, это всепобеждающая «машина смерти», в каких бы «телесно-пластических интуициях» она ни являлась: зомби, оборотни, вампиры, монстры Франкенштейна и пр. (рис. 1, 2).

Рис. 1. Афиши фильмов «Оборотни Третьего рейха» и «Оверлорд»

Рис. 2. Афиши фильмов «Кровавый ручей» и «Адский бункер: Черное солнце»

Как видим, в XXI в. большая часть фильмов ужаса о нацистах Второй мировой основана на теории «окультизма Третьего рейха». И этот факт тоже весьма показателен, с точки зрения особого культурного кода современного американского и западного искусства. Не только потому, что «технически» оккультизм – очень удобная и плодотворная почва для кино жанра хоррор (как иначе объяснить фантастические сюжеты, разворачивающиеся в таких фильмах?). Это может выглядеть оправданным для фильмов, **сюжет которых разворачивается через много лет ПОСЛЕ Второй мировой войны**, когда нацисты всё еще живы и продолжают свои эксперименты в бункерах, заброшенных шахтах и катакомбах, а жертвой их становится незадачливая веселящаяся молодежь, отправившаяся в эти потаенные места либо для вечеринок, либо просто в поиске острых ощущений.

Есть основания полагать, что существует и другая причина для острого внимания к теориям оккультного в контексте эйдоса гитлеровской Германии, и особенно это касается фильмов, **сюжет которых строится на событиях ВО ВРЕМЯ войны**. Для сравнения: в России (тем более в

СССР) вышеуказанным теориям никогда не придавалось особого значения. О них либо не знали, либо слышали, но не принимали их всерьез. В нашей стране по сей день остается доминирующей теория о том, что нацистская Германия побеждена благодаря мужеству и самоотверженности Советской армии и помощи союзников (другой вопрос в отношении последних – на каком этапе); причины успеха Рейха в начале Второй мировой (точнее, в Великой Отечественной) – главным образом, превосходство в численности живой силы и внезапность нападения: «Вермахт имел довольно значительное превосходство в живой силе и некоторое в артиллерии, но уступал в танках и авиации. Однако следует учитывать, что непосредственно в 50 км приграничной полосе располагалось лишь 8 советских дивизий, а еще 10 находились в 50-100 км от границы. В результате на направлении главного удара войскам

группе армий "Север" удалось добиться более благоприятного соотношения сил»¹.

На Западе же дискуссии о причастности Гитлера к оккультизму как основе победоносного шествия нацизма по-прежнему не утихают. Так, британский историк Николас Гудрик-Кларк [4] опроверг утверждение апологета немецкого оккультизма Рудольфа фон Зеботтендорфа о том, что Гитлер обращался за поддержкой к магам и состоял в обществе Туле [13]. Общим знаменателем в этом вопросе служит работа американского историка Эрика Курландера «Споры нацистских магов: Просвещение, «пограничная наука» и оккультизм в Третьем рейхе»: «За последние два десятилетия ряд ученых поставили под сомнение существование какой-либо значимой связи между нацизмом и оккультизмом. Эта статья рисует иную картину. Во-первых, практически все нацистские лидеры, по-видимому, признавали широкую популярность оккультных практик и «погранично-научного» мышления среди населения Германии и внутри самой нацистской партии. Во-вторых, хотя Рейхсканцелярия Адольфа Гитлера, Министерство пропаганды Йозефа Геббельса и даже гестапо Генриха Гиммлера последовательно выступали за антиоккультную политику или кампании за просвещение в течение первых шести лет Третьего рейха, большинство нацистских чиновников работали над тем, чтобы различать популярный или коммерческий оккультизм, который они считали идеологически «сектантским», и приемлемый «научный» оккультизм, который в целом терпел и периодически спонсировался режимом. В-третьих, нежелание режима искоренить даже популярный или коммерческий оккультизм, о чем свидетельствует тот факт, что среда для профессиональных разоблачителей стала более враждебной с началом Второй мировой войны, отражало популярность сверхъестественного и погранично-научного мышления среди немецкого населения. Действительно, в то время как некоторые нацисты вмешивались на стороне оккультизма по соображениям общественного мнения, многие делали это потому, что они действительно верили в его «научную» ценность» [12]. Профессор Гарвардского университета Коррина Трайтель в своей книге «Наука для души: оккультизм и генезис немецкой современной книги» оккультизм в Германии рассматривает «в его самом широком культурном контексте как ключевой аспект

немецкого модернизма, предлагая новое понимание того, как немцы справлялись с задачей поиска осмысленной жизни в современную эпоху» [14, с. 2].

Возможно, активный интерес к магической основе силы немецкой армии имеет психологическую подоплёку: бессознательная попытка западного (в первую очередь европейского) сознания оправдать столь быстрое поражение европейских стран в первые годы войны. Для этих целей действительно может показаться пригодной и определенной мистификация событий, мифотворчество.

Продукцию кинематографа нацистского хоррора второй из обозначенных в данном исследовании групп, таким образом, тематически можно делить и дальше:

– **по времени действия:** 1) фильмы, где нацисты проводят оккультные ритуалы во время Второй мировой войны, чтобы усилить свои позиции на фронте, и 2) фильмы, где события разворачиваются в наши дни, но благодаря оккультным ритуалам, нацисты всё ещё живы и полны сил.

– **по характеру эксперимента:** упоминаются электрические поля, химические вещества (в т.ч. амфетамин, который якобы давали немецким солдатам перед атакой, что обуславливало их непобедимость, чудодейственный шоколад (с допингом), операции доктора Менгеле по созданию «боеспособной комбинации человека и зверя» в 1944 г.; использование древних артефактов, которые могли указать путь к бессмертию (Рунные Камни) и т.п.

В данной статье задача столь детального анализа хоррора о нацизме и последствиях Второй мировой войны не ставится.

Представляется важным обратить внимание не только на то, какими привлекательными и несокрушимыми создаются образы нацистов (тем выигрышнее образы американских (преимущественно) супергероев, которые в финале таких фильмов добиваются-таки успеха), но и на то, насколько сильно желание творцов искусства придавать магическую силу именно исторически побежденной стороне.

В истории Второй мировой войны немало фактов, которые могли бы дать много больше повода для художественного видения, с точки зрения иррационального, магического и мистического: защита дома Павлова в Сталинграде, когда немцев было уничтожено больше, чем за всю их

¹ Мельтюхов М. У врага было больше живой силы, у нас – пушек, танков, самолетов. Каким было соотношение сил к 22 июня 1941 года. [Текст: электронный].

– URL: <https://rodina-history.ru/2016/06/16/rodina-sssr-germaniya.html> (дата обращения: 01.10.2024).

французскую кампанию, знаменитый элеватор в том же Сталинграде, когда 18 советских солдат полторы недели сдерживали немецкий батальон¹ и т. д.

И, к слову о прославлении в современном кинематографе американского героизма: цитата из книги воспоминаний немецкого танкиста-аса Отто Клариуса «Тигры в грязи» давно стала крылатым выражением: «В бою лучше иметь дело с 30-ю американцами, чем с 5-ю русскими» [5].

Но об этих фактах западные и американские режиссеры либо не знают, либо не хотят знать.

Британский **«Адский бункер: Восстание спецназа»** (2013) – исключение из правил. Здесь показаны советские солдаты, причем в выгодном свете, не в пример единственному в фильме и достаточно подлому американцу. Однако кино – малобюджетное, образы русских хоть и привлекательны, но скорее являются калькой с американских супергероев.

Особо стоит сказать также о фильме **«Тухий лес»** (2022, Германия): он на многих платформах кинолюбителей позиционируется как полижанровый – «триллер, драма, криминал, детектив, история». Действительно, это драма о последствиях Второй мировой войны, о чувстве коллективной национальной вины немцев за ужасы нацизма, о попытках замести следы давно минувших преступлений и свою причастность к ним. Тем не менее, к ужасам (сплэттеру) мы вправе его причислить за определенную гиперболизацию – кровавые сцены, когда один из героев, помешавшийся в далеком детстве вследствие увиденной им расправы над пленными, убивает лопатой свою престарелую парализованную мать, памятуя о ее причастности к фашизму, а затем и себя – перерезав горло осколком зеркала.

Ни к одной из вышеуказанных групп не относим высокобюджетный фильм К. Тарантина **«Бесславные ублюдки»** («Inglourious Basterds») (2009) – о терроре против немецких нацистов группы американских солдат еврейского происхождения на территории оккупированной Франции. Однако в контексте собственно хоррора ленту отчасти можно отнести к сплэттерам. Отметим также,

что и здесь образ немецкого нациста (штандартенфюрер СД Ганс Ланда) выглядит более чем привлекательным. Именно игра актера (австриец Кристоф Вальц) в роли элегантного и харизматичного Ланды и обеспечила фильму Оскар, хотя, с художественной точки зрения, этот сугубо постмодернистский шедевр, бесспорно, имеет и другие заслуги.

Справедливости ради отметим: вполне резонна, на первый взгляд, и не только применительно к последнему из рассмотренных в данной статье фильмов, точка зрения о том, что «в браке между кино и историей главная не история, главное — кино»². Постмодернистское сознание позволяет себе искажать многие факты, не ставя себе целью точное воспроизведение документальных сведений (так, например, в фильме **«Оборотни третьего рейха»** (2017) доктор Менгеле проводит опыты в Бухенвальде, а не в Освенциме, погибая затем от рук мстителей, скрываясь в лесах Мексики, а не в результате несчастного случая, как было на самом деле, и это вполне простительная «ошибка», учитывая, что и в кино показаны не реальные его медицинские опыты, а фантастические: превращение заключенных в волков-оборотней).

Кроме того, оставляем «за скобками» детали политических дискуссий последних лет пророссийски и прозападно³ настроенных зарубежных и отечественных историков (и псевдоисториков) о вкладе стран коалиции в Великую Победу, имеющие место обоюдные перегибы пропаганды в медиа-пространстве.

Соглашаясь с позицией о том, что искусство должно быть ВНЕ политики, тем не менее оставляем за собой право обозначить определенные тенденции в истории культуры, которым и посвящено данное исследование. Представляется, что тенденция, о которой здесь идет речь, вполне укладывается в теорию Ж. Бодрийяра, увязывающую симуляцию и симулякры: «Перед нами ад симуляции, который уже не ад мучений и пыток, но ад неуловимого, зловредного, неопределимого искривления смысла» [1, с. 28]; «даже Бургосский процесс становится еще одним подарком со

¹ Смыслов О. С. Забытые герои войны. — М.: Вече, 2014. — URL: <https://www.rubaltic.ru/context/02042021-otkuda-berutsya-eti-russkie-elevatora-uzhe-net-a-oni-prodolzhayut-po-nam-strelyat-18-sovetskikh-sold/> (дата обращения: 01.10.2024).

² Гладильщиков Ю. "Еврейское счастье" // Ведомости. — 2009. — 26 мая. — URL:

<https://web.archive.org/web/20090526203840/http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009%2F05%2F21%2F196534> (дата обращения: 01.10.2024).

³ Манипуляция: СССР в войне с Германией продержался 1418 дней, а хваленая Европа сдалась сразу же. — URL: <https://inlnk.ru/jEAjAI> (дата обращения: 01.10.2024).

стороны Франко западной демократии, которая получает возможность регенерировать свой собственный шаткий гуманизм и чей негодующий протест, в свою очередь, укрепляет режим Франко...» [1, с. 28-29]; «сосланный в резервации индеец, в своем стеклянном гробу девственного леса, снова становится симулятивной моделью всех возможных индейцев времен до этнологии» [1, с. 14].

Выводы. В связи с вышесказанным нельзя не выйти на мысль о роли искусства, формирующего мировоззрение – человека, поколения, народа, общества в целом. И фильмы жанра хоррор

ошибочно причислять к антиискусству или недоискусству. Это, как правило, искусство в чистом виде, в отличие от драм или комедий, где достаточно воспроизвести события в их реальной канве, не прибегая к особым художественным средствам для реализации воздействующего эффекта. В данном случае есть основания полагать, что эйдос нацистской Германии в современном кино жанра хоррор представляет собой угрозу для адекватного восприятия и оценки последующими поколениями реальных событий Второй мировой войны.

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
2. Васильев, В. Предпосылки гибели фашистских пленнх в Сталинградской битвы [Текст: электронный]. – URL: https://zavtra.ru/blogs/predposilki_gibeli_fashistskih_plennih_v_stalingsgradskoj_bitvi (дата обращения: 01.10.2024).
3. Голик, Н. В. Тайна этоса // Серия “Symposium”, Религия и нравственность в секулярном мире. Выпуск 20 / Материалы научной конференции. 28-30 ноября 2001 г. – С.-Пб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 86-90 [Текст: электронный]. – URL: <http://anthropology.ru/ru/text/golik-nv/tayna-etosa> (дата обращения: 01.10.2024)
4. Гудрик-Кларк, Н. Оккультные корни нацизма: когда легенды становятся былью / пер. с англ. П. Лосева. – М.: Родина, 2019. – 303 с.
5. Клариус, О. Тигры в грязи. Воспоминания немецкого танкиста (1941-1944). – М.: Центрполиграф, 2004. – 367 с. [Текст: электронный]. – URL: https://militera.lib.ru/memo/german/carius_o/index.html (дата обращения: 01.10.2024).
6. Комм, Д. Е. Формула страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов. – СПб: БХВ-Петербург, 2012. – 224 с.
7. Лосев, А. Ф. Эстетическая терминология ранней греческой литературы / Учебные записки Московского государственного педагогического института. – Т. 83, Вып. 4. – М., 1954. – 301 с.
8. Радаева, Э. А. Образы Второй мировой войны в современном кино жанра хоррор: коды культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2024. – Т. 26. – № 4 (97). – С. 109-119.
9. Радаева, Э. А. Традиции экспрессионизма в мировой культуре. – Самара: Научно-технический центр, 2022. – 250 с.
10. Скал, Д. Дж. Книга ужаса: История хоррора в кино. – СПб.: Амфора, 2009. – 319 с.
11. Трофеи нацистов. Исчезнувшие без следа // Великие тайны прошлого. – Ридерз Дайджест, 1996. – С. 18-22.
12. Kurlander, E. The Nazi Magicians’ Controversy: Enlightenment, “Border Science,” and Occultism in the Third Reich // Published online by Cambridge University Press. – 16 December 2015. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/central-european-history/article/abs/nazi-magicians-controversy-enlightenment-border-science-and-occultism-in-the-third-reich/B3BE167EE68DF206E856B97514A9242A> (дата обращения: 01.10.2024).
13. Sebottendorf, R. von. Bevor Hitler kam: Urkundlich aus der Frühzeit der Nationalsozialistischen Bewegung. – Munich: Deukula-Grassinger, 1933. – 267 p.
14. Treitel, C. A Science for the Soul: Occultism and the Genesis of the German Modern Gebundene Ausgabe – Illustriert, 9. März 2004. – Johns Hopkins University Press, 2004. – 288 p.

EIDOS OF THE THIRD REICH IN CONTEMPORARY FOREIGN HORROR FILMS: THE PROBLEM OF CLASSIFICATION

© 2024 E.A. Radaeva

*Ella A. Radaeva, Doctor of Cultural Sciences, PhD in Philology,
Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods*
<https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>

E-mail: ellrad@yandex.ru

**Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia**

In this article, the phenomenon of the Third Reich eidos in modern horror cinema is examined on a fairly broad basis. Nazi Germany in the "corporeal-plastic intuitions" of Western and American directors is presented as predominantly charismatic, possessing truly indestructible power, endurance, grandeur, filled with a special demonic charm and embodying unity, fearlessness and selflessness - this is an all-conquering "death machine", in whatever guise it appears: zombies, werewolves, vampires, Frankenstein's monsters, etc. In domestic cinema, there are no similar images and films on this topic in the specified genre, since in Russia there is a special attitude towards the tragic events of World War II, the depiction of which in a fantasy-adventure canvas is ethically unacceptable. An attempt is made to classify the products of horror cinema on the above-mentioned topic: films based on indisputable historical facts (money and material values plundered by the German army in the conquered territories) and films based on theories of the "occultism of the Third Reich". Both groups are united by a special poeticization of the image of Nazi Germany, which is often opposed by no less poeticized heroes, often American "superheroes". This tendency, according to the author of the article, fits into the theory of the modern philosopher J. Baudrillard, who links the concepts of simulation of reality and simulacra, and represents anxiety regarding the adequate perception and assessment of the real events of World War II by subsequent generations, given the influencing nature of art as such.

Keywords: horror, german nazism, modern cinema, eidos, simulacra, World war ii, Third reich, contemporary art

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-106-114

EDN: PKEJBE

1. Bodriiia, Zh. Simuliakry i simuliatsii (Simulacr's and Simulations) / Per. s fr. A. Kachalova. – M.: Izdatel'skii dom «POSTUM», 2015. – 240 s.
2. Vasil'ev, V. Predposylki gibeli fashistskikh plennykh v Stalingradskoi bitvy (Prerequisites for the Death of Nazi Prisoners of War in the Battle of Stalingrad) [Tekst: elektronnyi]. – URL: [https://zavtra.ru/blogs/predposilki_gibeli_fashistskikh_plennih_v_stalingradskoi_bitvi_\(data_obrashcheniia:01.10.2024\)](https://zavtra.ru/blogs/predposilki_gibeli_fashistskikh_plennih_v_stalingradskoi_bitvi_(data_obrashcheniia:01.10.2024)).
3. Golik, N. V. Taina etosa (The Secret of Ethos) // Seriya "Symposium", Religii i nraivstvennost' v sekuliarnom mire. Vypusk 20 / Materialy nauchnoi konferentsii. 28-30 noiabria 2001 g. – S.-Pb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. – C. 86-90 [Tekst: elektronnyi]. – URL: [http://anthropology.ru/ru/text/golik-nv/tayna-etosa_\(data_obrashcheniia:01.10.2024\)](http://anthropology.ru/ru/text/golik-nv/tayna-etosa_(data_obrashcheniia:01.10.2024))
4. Gudrik-Klark, N. Okkul'tnye korni natsizma: kogda legendy stanoviatsia byl'iu (Occult Roots of Nazism: When Legends Become True) / Per. s angl. P. Loseva. – M.: Rodina, 2019. – 303 s.
5. Klarius, O. Tigry v griazi. Vospominaniia nemetskogo tankista (1941-1944) (Tigers in the Mud. Memories of a German Tanker (1941-1944)). – M.: Tsentrpoligraf, 2004. – 367 s. [Tekst: elektronnyi]. – URL: [https://militera.lib.ru/memo/german/carius_o/index.html_\(data_obrashcheniia:01.10.2024\)](https://militera.lib.ru/memo/german/carius_o/index.html_(data_obrashcheniia:01.10.2024)).
6. Komm, D. E. Formula strakha. Vvedenie v istoriiu i teoriiu fil'ma uzhasov (Formula of fear. Introduction to the history and theory of horror films). – SPb: BKhV-Peterburg, 2012. – 224 s.
7. Losev, A. F. Esteticheskaia terminologiiia rannei grecheskoi literatury (Aesthetic terminology of early Greek literature) / Uchebnye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. – T. 83, Vyp. 4. – M., 1954. – 301 s.
8. Radaeva, E. A. Obrazy Vtoroi mirovoi voiny v sovremennom kino zhanra khorrora: kody kul'tury (Images of World War II in modern horror cinema: codes of culture) // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, humanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2024. – T. 26. – № 4 (97). – S. 109-119.
9. Radaeva, E. A. Traditsii ekspressionizma v mirovoi kul'ture (Traditions of Expressionism in World Culture). – Samara: Nauchno-tehnicheskii tsentr, 2022. – 250 s.
10. Skal, D. Dzh. Kniga uzhasa: Istoriia khorrora v kino (Book of Horror: The History of Horror in Cinema). – SPb.: Amfora, 2009. – 319 s.
11. Trofei natsistov. Ischeznuvshie bez sleda (Nazi Trophies. Vanished Without a Trace) // Velikie tainy proshlogo. – Riderz Daidzhest, 1996. – S. 18-22.
12. Kurlander, E. The Nazi Magicians' Controversy: Enlightenment, "Border Science," and Occultism in the Third Reich // Published online by Cambridge University Press. – 16 December 2015. – URL: [https://www.cambridge.org/core/journals/central-european-history/article/abs/nazi-magicians-controversy-enlightenment-border-science-and-occultism-in-the-third-reich/B3BE167EE68DF206E856B97514A9242A_\(data_obrashcheniia:01.10.2024\)](https://www.cambridge.org/core/journals/central-european-history/article/abs/nazi-magicians-controversy-enlightenment-border-science-and-occultism-in-the-third-reich/B3BE167EE68DF206E856B97514A9242A_(data_obrashcheniia:01.10.2024)).
13. Sebottendorf, R. von. Bevor Hitler kam: Urkundlich aus der Frühzeit der Nationalsozialistischen Bewegung. – Munich: Deukula-Grassinger, 1933. – 267 p.
14. Treitel, C. A Science for the Soul: Occultism and the Genesis of the German Modern Gebundene Ausgabe – Il-lustriert, 9. März 2004. – Johns Hopkins University Press, 2004. – 288 p.

УДК 616.314-72 :57.088.1 (Зубоврачебный инструментарий /Методы анализа и оценки)

РОЛЬ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ПОЛОСТИ РТА В ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКЕ ХРОНИЧЕСКОГО ПАРОДОНТИТА И ДЕНТАЛЬНОГО ПЕРИИМПЛАНТИТА

© 2024 В.С. Тлустенко¹, В.П. Тлустенко^{1,2}, В.А. Кошелев¹, С.В.Винник¹

Тлустенко Владимир Станиславович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры стоматологии института последипломного образования

E-mail: vlastt@yandex.ru

Тлустенко Валентина Петровна, доктор медицинских наук, профессор кафедры ортопедической стоматологии, Заслуженный врач РФ, президент ОО «Стоматологическая ассоциация Самарской области»

E-mail: stas-763@yandex.ru

Кошелев Владимир Андреевич, ассистент кафедры ортопедической стоматологии, руководитель центра цифровых технологий

E-mail: v.a.koshelev@samsmu.ru

Винник Сергей Валериевич, кандидат медицинских наук, доцент кафедры ортопедической стоматологии, заместитель директора института стоматологии

E-mail: S.V.Vinnik@samsmu.ru

¹Самарский государственный медицинский университет

²ОО «Стоматологическая ассоциация Самарской области»
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 21.09.2024

Актуальность исследования обоснована необходимостью поиска метаболических критериев воспалительной деструкции костной ткани. Цель исследования: дифференциальная диагностика хронического пародонтита и дентального периимплантита по метаболическим критериям биологической среды организма (ротовой жидкости). В исследование включены пациенты, которые распределены на 3 группы: 35 человек с хроническим пародонтитом (1 группа); 30 – с дентальным периимплантитом (2 группа); 20 – контрольная группа. Авторами осуществлено изучение белкового и минерального обмена ротовой жидкости. Было проведено исследование биологической среды и выявлено, что концентрации общего белка во всех группах статистически не различались. Однако общая концентрация альбумина была более низкой у пациентов с дентальным периимплантитом, по сравнению с контролем и хроническим пародонтитом ($p < 0,001$). Значения эффективной концентрации альбумина и индекс токсичности в первой и второй группе значительно ниже, по сравнению с контролем ($p < 0,001$), а резерв связывания альбумина в группе дентального периимплантита снижен более существенно ($p=0,003$). Были установлены статистически значимые высокие концентрации кальция и магния в I и II группах в сравнении с контролем, а при сравнении групп между собой $p < 0,826$. Таким образом, нарушение белкового и минерального обмена при дентальном периимплантите статистически более значимы на фоне заболеваний пародонта, что необходимо учитывать при проведении дентальной имплантации.

Ключевые слова: воспалительная деструкция, биологическая среда, дифференциальная диагностика, метаболические критерии, нарушения белкового и минерального обмена.

DOI: DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-115-120

EDN: PFLMKG

Введение. Пародонтит – заболевание полости рта, распространённость которого по данным различных исследователей составляет от 65 до 91% случаев [3, 10, 11].

Пародонтит в развившихся стадиях приводит к потере зубов, образуя частичные дефекты зубного ряда. Восстановление утраченных зубов

осуществляется различными способами, в том числе методом дентальной имплантации. Однако имеются сведения, что дентальная имплантация на фоне воспалительных заболеваний пародонта имеет риск возникновения осложнений [2, 4, 5, 9]. Пародонтит сопровождается наличием выраженной патогенной

микрофлорой полости рта. В результате накопления бактериального налёта усиливаются воспалительные процессы в пародонте [6, 8]. В связи с этим ряд авторов указывают на риск переноса инфекции с патологических пародонтальных карманов, которые присутствуют при хроническом пародонтите, на периимплантатную зону [7].

История вопроса. Поскольку в настоящее время дентальная имплантация имеет тенденцию к широкому использованию в стоматологической практике, в том числе при пародонтите, определённый интерес представляют особенности остеоинтеграции имплантатов в таких клинических условиях. В литературных источниках недостаточно освещена роль метаболических процессов в полости рта при хроническом пародонтите и дентальном периимплантите [1, 12]. Для определения наиболее специфичного характера метаболических изменений при этих патологических состояниях нам представляется важным проведение исследований ротовой жидкости в качестве неинвазивного метода [6]. Актуальность исследования заключается в поисках метаболических критериев, отражающих начальную деструкцию костной ткани в зоне патологии в преморбидной стадии. Цель исследования: провести дифференциальную диагностику хронического пародонтита и дентального периимплантита на основании метаболических критериев биологической жидкости полости рта.

Методы исследования. Под нашим наблюдением находилось 85 пациентов в возрасте от 25 до 60 лет, из них 35 (41,2%) с хроническим пародонтитом (1-я группа) и 30 (35,3%) с

периимплантитом (2-я группа). С целью выработки критериев нормы изучались показатели ротовой жидкости (РЖ) контрольной группы, соматически и стоматологически здоровых лиц, сопоставимых по возрасту и полу с основными группами.

Учитывая, что костная деструкция сопровождается нарушением минерального и белкового обмена, возникает необходимость в получении новых сведений, раскрывающих роль и характер влияния хронического пародонтита и дентального периимплантита в моделировании молекулярных процессов, обеспечивающих физиологический и репаративный остеогенез. Ротовая жидкость является неинвазивной средой для изучения гомеостаза полости рта и служит объектом исследования. Состояние гомеостаза полости рта изучалось путём оценки белкового обмена (общий белок, общая концентрация альбумина, эффективная концентрация альбумина, резерв связывания альбумина, индекс токсичности) и минерального обмена (кальций, магний).

Статистический анализ данных выполнен в среде пакета SPSS 25. Описательные статистики представлены средним и стандартным отклонением ($M \pm SD$). Сравнение групп выполнялось с помощью однофакторного дисперсионного анализа (one-way ANOVA) с последующими межгрупповыми сравнениями по критерию Бонфери. Различия считали статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты исследования. Полученные сравнительные результаты белкового обмена отражены в таблице 1.

Таб. 1. Показатели белкового обмена в ротовой жидкости пациентов I и II группы в сравнении с контролем (Protein metabolism indices in the oral fluid of patients in groups I and II in comparison with the control)

Показатели	Контрольная группа ($M \pm SD$) n=20	Пациенты с хроническим пародонтитом (I-я группа) ($M \pm SD$) n=35	Пациенты с дентальным периимплантитом (II-я группа) ($M \pm SD$) n=30	p к -1	p к-2	p 1-2
Общий белок, г/л	3,40 $\pm$ 0,47	3,50 $\pm$ 0,36	3,45 $\pm$ 0,35	1,000	1,000	1,000
Общая концентрация альбумина, г/л	0,33 $\pm$ 0,01	0,33 $\pm$ 0,04	0,29 $\pm$ 0,03	1,000	<0,001	<0,001

Эффективная концентрация альбумина, г/л	0,26±0,05	0,13±0,05	0,10±0,06	<0,001	<0,001	<0,001
Резерв связывания альбумина, о/о	78,8±10,5	42,7±9,6	34,4±9,4	<0,001	<0,001	<0,001
Индекс токсичности	0,27 ±0,15	2,01 ±0,82	1,91 ±0,95	<0,001	<0,001	1,000

Концентрации общего белка ротовой жидкости всех трёх сравниваемых групп имели сопоставимые значения и статистически не различались. Общая концентрация альбумина не отличалась в группах контроля и у пациентов с хроническим пародонтитом, но была более низкой у пациентов с дентальным периимплантитом ($p < 0,001$), по сравнению с группой контроля и группой 1. Выявлены существенно более низкие значения эффективной концентрации альбумина, резерва связывания альбумина и индекса

токсичности в обеих изучаемых группах пациентов по сравнению с контролем ($p < 0,001$). При этом эффективная концентрация альбумина и индекс токсичности в группах пациентов 1 и 2 статистически не различались, а резерв связывания альбумина был самым низким у пациентов с дентальным периимплантитом ($p = 0,003$) по сравнению с пациентами с хроническим пародонтитом.

В таблице 2 представлены результаты исследований минерального обмена.

Таб. 2. Содержание минеральных компонентов в ротовой жидкости пациентов I и II группы в сравнении с контролем (The content of mineral components in the oral fluid of patients of groups I and II in comparison with the control)

Показатели	Контрольная группа (M±SD). n=20	Пациенты с хроническим пародонтитом (I-я группа) (M±SD) n=35	Пациенты с дентальным периимплантитом (II-я группа) (M±SD) n=30	p к-1	p к-2	p 1-2
Кальций (ммоль/л)	3,40±0,47	3,50±0,36	3,45±0,35	<0,001	<0,001	<0,001
Магний (ммоль/л)	0,29±0,08	1,23±0,24	1,10±0,65	<0,001	<0,001	<0,826

Установлены статистически значимые более высокие концентрации минеральных компонентов ротовой жидкости (кальция, магния) у пациентов с хроническим пародонтитом и с дентальным периимплантитом, по сравнению с группой контроля ($p < 0,001$). При сравнении изучаемых групп пациентов друг с другом выявлены более высокие концентрации катионов кальция в группе 1 по сравнению с группой 2 ($p < 0,001$). Концентрация ионов магния в ротовой жидкости пациентов с пародонтитом и дентальным периимплантитом значительно выше контроля, а при сравнении групп между собой $p < 0,826$.

Таким образом, оценка значений метаболических критериев гомеостаза полости рта пациентов с хроническим пародонтитом и

дентальным периимплантитом выявила ионный дисбаланс с определённой корреляционной зависимостью. Снижение эффективной концентрации альбумина отражает уменьшение его свободных центров связывания. По их количеству судили о состоянии белковой защиты. Эффективная концентрация этого транспортного белка характеризует его способность участвовать в процессах детоксикации. Связывающая способность альбумина достоверно снижается в I и II группе, что можно рассматривать как патогенетически важное звено в развитии воспаления в периимплантатных тканях и тканях пародонта и, как следствие, нарушение остеointеграции. Повышение кальция и магния в I и II группе демонстрирует односторонний

процесс резорбции костной ткани в зубоальвеолярной зоне.

Выводы. Анализ показателей белкового обмена, в частности, альбумина и его компонентов в РЖ показал снижение белковой защиты в I и II группе в сравнении с контролем, что является свидетельством развития воспаления и снижения активности процессов детоксикации в тканях пародонта и периимплантатной зоны. При пародонтите эти изменения характерно более выражены. Оценка минерального обмена показала значительное увеличение кальция и магния в РЖ I и II групп в сравнении с контролем, свидетельствуя о процессе резорбции костной

ткани, особенно это характерно для пациентов I группы. При пародонтите эти изменения также более выражены.

Однако для хронического генерализованного пародонтита характерны более значимые нарушения белкового и минерального обмена, в сравнении с дентальным периимплантитом. Отсутствие у имплантатов прикреплённых к ним периодонтальных связок может служить основой патогенеза дентального периимплантита на фоне пародонтита. Эти обстоятельства, при дифференциальной диагностике, необходимо учитывать при проведении дентальной имплантации.

1. Гильмияров, Э. М., Бережной В. П., Гильмиярова И. Е., Тлустенко В. П. Клинико-метаболическая база данных по хроническому генерализованному пародонтиту // Стоматология. – №5. – 2008. – С. 23–26.
2. Олесова, В. Н. Частота развития воспалительных осложнений в периимплантатных тканях по данным отдалённого клинического анализа / Д. А. Бронштейн, А. Ф. Степанов, А. Н. Калинина, И. С. Ляшко // Стоматолог. Минск. – 2017 (1). – С. 58–63.
3. Субанова, А. А. Особенности эпидемиологии и патогенеза заболеваний пародонта (обзор литературы) / А. А. Субанова // Вестник КРСУ. – 2015. – Т. 15. №7– С. 152–155.
4. Успенская О. А., Качесова Е. С., Абасия С. Р., Шевченко Е. А., Фадеева И. И. Изменения показателей метаболизма костной ткани как критерий эффективности лечения генерализованного пародонтита // Стоматология. – 2021. – 100 (2). – С. 44–49.
5. Do, T. Oral biofilms : molecular analysis, challenges, and future prospects in dental diagnostics / T. Do., D. Devine, P. D. / March // Clin. Cosmet. Investing. Dent. – 2013 – Vol. 5. – P. 1-2.
6. Do, T. Oral biofilms : molecular analysis, challenges, and future prospects in dental diagnostics / T. Do., D. Devine, P. D. / March // Clin. Cosmet. Investing. Dent. – 2013 – Vol. 5. – P. 11-19.
7. Carcuac, O Adjunctive systematic and local antimicrobial Therapy in the Surgical treatment of periimplantitis: A Randomized Controlled clinical Trial / O. Carcuac [et al.] // J. Dent. Res. – 2016. – Vol. 95 (1). – P. 50– 57.
8. Costa, F. O. Epidemiology of Periodontal Disease / F. O. Costa // int. J. Dent. – 2012. – T. 2012 – P. 1–2.
9. Lang, N. P., Bartold, P. M. Periodontal health. J. Periodontal. – 2018. – № 89 (suppl 1). – P. 9–16.
10. Mombelli, A. The epidemiology of peri-implantitis / A. Mombelli, N. Muller, N. Cionca // Clin. Oral. Implant Res. – 2012.– 3 (Suppl 6). – P. 67-76.
11. Murakami, S., Mealey, B. L., Mariotti, A., Chapple, IL C. Dental plaque-induced gingival conditions. J. Periodontal. 2018. – № 89 (suppl 1). – P. 17–27.
12. Nomura, T. et al. Tissue inhibitor of metalloproteinases -1, matrix metalloproteinases -1 and 8 and collagenase activity levels in peri-implant crevicular fluid after implantation / T. Nomura, A. Ishil, H. Shimizu et al. // Clin. Oral implants. Res. – 2000. – Vol. 11. – №5. – P. 430-440.

ROLE OF THE BIOLOGICAL ENVIRONMENT OF THE ORAL CAVITY IN DIFFERENTIAL DIAGNOSIS OF CHRONIC PERIODONTITIS AND DENTAL PERI-IMPLANTITIS

© 2024 V.S. Tlustenko¹, M.I. Sadykov¹, V.P. Tlustenko^{1,2}, V.A. Koshelev¹, C.V. Vinnik¹

*Vladimir S. Tlustenko, PhD, Associate Professor of the Department
of Dentistry at the Institute of Postgraduate Education
E-mail: vlastt@yandex.ru*

*Mukatdes I. Sadykov, Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of
Orthopedic Dentistry, Honored Worker of higher Education
E-mail: sadykov1949@mail.ru*

*Valentina P. Tlustenko, Doctor of Medical Sciences, Professor, Honored Doctor of the
Russian Federation, President of the NGO «Dental Association of The Samara Region»,
Professor of the Department of Orthopedic Dentistry*

E-mail: stas-763@yandex.ru

Vladimir A. Koshelev, Assistant at the Department of Orthopedic Dentistry, Head of The Center for Digital Technologies

E-mail: v.a.koshelev@samsmu.ru

Sergey V. Vinnik, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Orthopedic Dentistry, Deputy Director of the Institute of Dentistry

E-mail: S.V.Vinnik@samsmu.ru

¹Samara State Medical University

²OO «Dental Association of The Samara Region»

Samara, Russia

The relevance of the study is caused by the need to search for metabolic criteria for inflammatory destruction of bone tissue. Purpose of the study: differential diagnosis of chronic periodontitis and dental peri-implantitis according to metabolic criteria of the biological environment of the body (oral fluid). The study included patients who were divided into 3 groups: 35 people with chronic periodontitis (group 1); 30 – with dental peri-implantitis (group 2); 20 – control group. The authors studied the protein and mineral metabolism of oral fluid. The authors conducted a study of the biological environment and found that the concentrations of total protein in all groups were not statistically different. However, total albumin concentration was lower in patients with dental peri-implantitis compared to controls and chronic periodontitis ($p < 0.001$). The values of the effective concentration of albumin and the toxicity index in the first and second groups are significantly lower compared to the control ($p < 0.001$), and the albumin binding reserve in the group of dental peri-implantitis is reduced more significantly ($p = 0.003$). The authors found statistically significant high concentrations of calcium and magnesium in groups I and II in comparison with the control, and when comparing the groups with each other, $p < 0.826$. Thus, disturbances in protein and mineral metabolism during dental peri-implantitis are statistically more significant against the background of periodontal diseases, which must be taken into account when performing dental implantation.

Key words: inflammatory destruction, biological environment, differential diagnosis, metabolic criteria, disorders of protein and mineral metabolism.

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-115-120

EDN: PFLMKG

1. Gil'miiarov, E. M., Berezhnoi V. P., Gil'miiarova I. E., Tlustenko V. P. Kliniko-metabolicheskaya baza dannykh po khronicheskomu generalizovannomu parodontitu (Clinical and metabolic database on chronic generalized periodontitis) // Stomatologiya. – №5. – 2008. – S. 23–26.
2. Olesova, V. N. Chastota razvitiia vospalitel'nykh oslozhnenii v periimplantatnykh tkaniakh po dannym otdalennogo klinicheskogo analiza (Frequency of development of inflammatory complications in peri-implant tissues according to long-term clinical analysis) / D. A. Bronshtein, A. F. Stepanov, A. N. Kalinina, I. S. Liashko // Stomatolog. Minsk. – 2017 (1). – S. 58–63.
3. Subanova, A. A. Osobennosti epidemiologii i patogenez zabolevani parodonta (obzor literatury) (Features of the epidemiology and pathogenesis of periodontal diseases (literature review)) / A. A. Subanova // Vestnik KRSU. – 2015. – T. 15. №7 – S. 152–155.
4. Uspenskaia O. A., Kachesova E. S., Abasniia S. R., Shevchenko E. A., Fadeeva I. I. Izmeneniia pokazatelei metabolizma kostnoi tkani kak kriterii effektivnosti lecheniia generalizovannogo parodontita (Changes in indicators bone tissue metabolism as a criterion for the effectiveness of treatment of generalized periodontitis) // Stomatologiya. – 2021. – 100 (2). – S. 44–49.
5. Do, T. Oral biofilms : molecular analysis, challenges, and future prospects in dental diagnostics / T. Do., D. Devine, P. D. / March // Clin. Cosmet. Investing. Dent. – 2013 – Vol. 5. – P. 1–2.
6. Do, T. Oral biofilms : molecular analysis, challenges, and future prospects in dental diagnostics / T. Do., D. Devine, P. D. / March // Clin. Cosmet. Investing. Dent. – 2013 – Vol. 5. – P. 11–19.
7. Carcuac, O. Adjunctive systematic and local antimicrobial Therapy in the Surgical treatment of periimplantitis: A Randomized Controlled clinical Trial / O. Carcuac [et al.] // J. Dent. Res. – 2016. – Vol. 95 (1). – P. 50– 57.
8. Costa, F. O. Epidemiology of Periodontal Disease / F. O. Costa // Int. J. Dent. – 2012. – T. 2012 – P. 1–2.
9. Lang, N. P., Bartold, P. M. Periodontal health. J. Periodontal. – 2018. – № 89 (suppl 1). – P. 9–16.
10. Mombelli, A. The epidemiology of peri-implantitis / A. Mombelli, N. Muller, N. Cionca // Clin. Oral. Implant Res. – 2012. – 3 (Suppl 6). – P. 67–76.
11. Murakami, S., Mealey, B. L., Mariotti, A., Chapple, IL C. Dental plaque-induced gingival conditions. J. Periodontal. 2018. – № 89 (suppl 1). – P. 17–27.

12. Nomura, T. et al. Tissue inhibitor of metalloproteinases -1, matrix metalloproteinases -1 and 8 and collagenase activity levels in peri-implant crevicular fluid after implantation / T. Nomura, A. Ishii, H. Shimizu et al. // Clin. Oral implants. Res. – 2000. – Vol. 11. – №5. – P. 430-440.

**Издание журнала осуществлено при финансовой поддержке
Гранта губернатора Самарской области**

**The edition of the Academic journal is carried out with
Financial support Grant of the Governor of the Samara region**

Известия Самарского научного центра Российской академии наук.

Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки

Учредитель: федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ №ФС77-64960 от 04.03.2016

Главный редактор: доктор культурологии Э.А. Радаева

Том 26, номер 5 (98), 31.10.2024

Индекс: 80808. Распространяется бесплатно

Адрес учредителя, издателя и редакции: 443001, Самарская область,

г. Самара, Студенческий пер., 3а. Тел. 8 (846) 340-06-20

Издание не маркируется

Сдано в набор 29.10.2024 г.

Офсетная печ.

Усл.печ.л. 14,18 Тираж 300 экз.

Формат бумаги 60x84 1/8

Зак. № 029 от 30.10.2024

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО»

443070, Самарская область,

г. Самара, ул. Песчаная, д. 1, офис 310/9. Тел.: 8 (846) 244-43-77